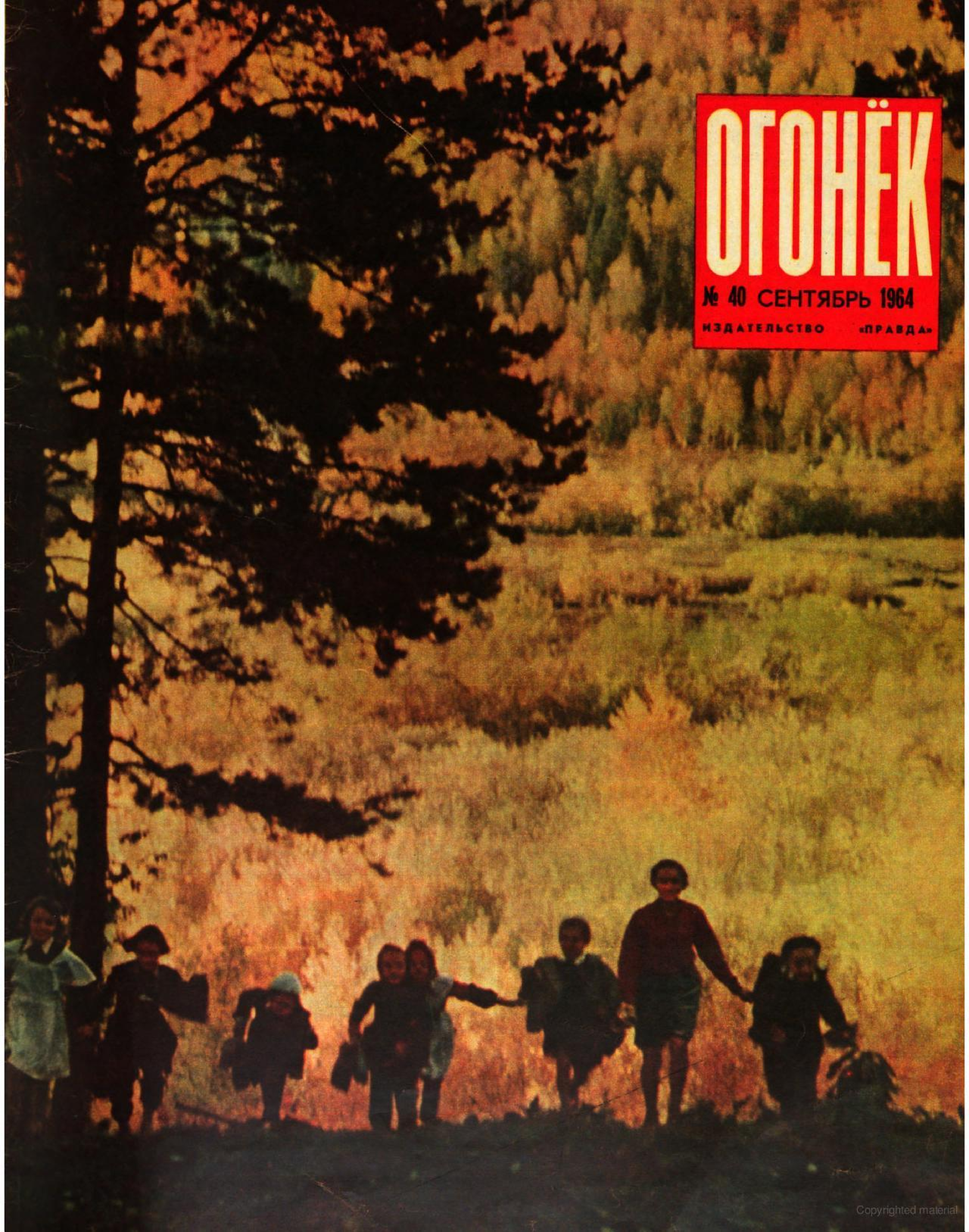

ОГОНЁК
№ 40 СЕНТЯБРЬ 1964
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

1864—СТОЛЕТИЕ ПЕРВОГО

«ПЕРВЫЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛ... НЕЗАБЫВАЕМ, ОН ВЕЧЕН В ИСТОРИИ БОРЬБЫ РАБОЧИХ ЗА СВОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ. ОН ЗАЛОЖИЛ ФУНДАМЕНТ ТОГО ЗДАНИЯ ВСЕМИРНОЙ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЙ РЕСПУБЛИКИ, КОТОРОЕ МЫ ИМЕЕМ ТЕПЕРЬ СЧАСТЬЕ СТРОИТЬ».

В. И. ЛЕНИН.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

42-й год издания

№ 40 (1945)

27 СЕНТЯБРЯ 1964

ИНТЕРНАЦИОНАЛА-1964

«ВЕРНЫЕ МАРКСИЗМУ-ЛЕНИНИЗМУ, ВЕРНЫЕ РЕВОЛЮЦИОННЫМ ТРАДИЦИЯМ I ИНТЕРНАЦИОНАЛА, КОММУНИСТИЧЕСКАЯ ПАРТИЯ СОВЕТСКОГО СОЮЗА, БРАТСКИЕ КОММУНИСТИЧЕСКИЕ ПАРТИИ ДРУГИХ СТРАН ИДУТ ПО ПУТИ, УКАЗАННОМУ МАРКСОМ, ЭНГЕЛЬСОМ, ЛЕНИНЫМ, К ПОБЕДЕ СОЦИАЛИЗМА И КОММУНИЗМА ВО ВСЕМ МИРЕ».

Из тезисов Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС.

Перед участниками Всемирного форума молодежи и студентов выступил Никита Сергеевич Хрущев. Фото А. Сербина.

Делегаты Форума окружили сове…

ЮНОСТЬ ВЕ…

Девять дней Всемирного форума. Встречи и дискуссии, рукопожатия и улыбки, калейдоскоп лиц и судеб, рассказы о мужестве и трагедиях, о боях и стройках, о братстве и солидарности.

Наверное, многие участники Форума заслуживают того, чтобы об их жизни были написаны книги. И, поверьте, это не фраза. Не так много лет Генеральному секретарю ЦК коммунистической молодежи Венесуэлы Герману Лайрету, но были уже в его жизни и подполье, и приговор — шестнадцать лет тюрьмы, и бегство из-за решетки.

— Мы освободим Венесуэлу! —

— Откуда вы, товарищ?

Он ответил:

— Из Анголы.

Мы представились, предложили побеседовать.

— Отлично. Только я неважно говорю по-английски. Может быть, лучше на немецком или французском? Португальский вы, вероятно, не знаете?

Он не лингвист, этот юноша. Он хотел стать врачом. А пришлось — боевым командиром. Вместо скальпеля — автомат. И сражаться против салазаровских карателей. «Народное движение за освобождение Анголы» — так называется организация, которая направила его в Москву, на Форум.

— В нашем движении разные

…но. Но куда спрячешь горечь и боль?

— Наш дом был рядом с домом португальского управляющего. И каждый день я видел, как во двор тащили людей. Слышал глухие удары плети и крики, удары и крики… Это были мои соотечественники. Они не уплатили какие-то налоги. А чем они могли уплатить? Хозяева уже забрали все… И тогда людей отправляют на рудники — у нас ведь много алмазов, вольфрама, магнезита. За четыре-пять месяцев принудительных работ человек превращается в калеку. Из него выжимают все. Я не знаю случая, чтобы кто-нибудь вернулся…

то А. Сербина.

Ь

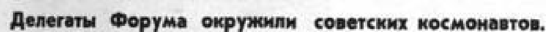
зарищ?

ь, предложили

ко я неважно
и. Может быть,
или француз-
й вы, вероят-

тот юноша. Он
А пришлось —
ром. Вместо
т. И сражаться
ких карателей.
е за освобож-
ак называется
рая направила
орум.
жении разные

Делегаты Форума окружили советских космонавтов.

Были и песни и танцы...

Встречи, знакомства.

ВЕКА

Генрих ГУРКОВ,
Александр СЕРБИН,
специальные корреспонденты «Огонька»

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

но. Но куда спрячешь горечь и боль?

— Наш дом был рядом с домом португальского управляющего. И каждый день я видел, как во двор тащили людей. Слышал глухие удары плети и крики, удары и крики... Это были мои соотечественники. Они не уплатили какие-то налоги. А чем они могли уплатить? Хозяева уже забрали все... И тогда людей отправляют на рудники — у нас ведь много алмазов, вольфрама, магнезита. За четыре-пять месяцев принудительных работ человек превращается в калеку. Из него выжимают все. Я не знаю случая, чтобы кто-нибудь вернулся с рудников здоровым...

В 1961 году на севере Анголы

Наш собеседник достает из папки несколько документов.

— Это сообщения о боях.

Лист бумаги. Отпечатанные на гектографе строчки: «Народное движение за освобождение Анголы. Коммюнике о боевых действиях». По-военному короткий и точный рассказ о том, как в провинции Кабинда в начале сентября был нанесен удар по войскам колонизаторов. Операцией руководили майоры Люсьенга и Хенда. Потери португальцев — офицер, унтер-офицер и 20 солдат.

— Спасибо, друг. Скажите, а как вас зовут?

— Настоящее имя я пока не могу сообщить. Но называйте меня Хенда»

Мир, дружба, единство!

Узы крепкой дружбы связывают народы Советского Союза и Объединенной Арабской Республики. Дальнейшему укреплению дружеских отношений между двумя странами будут способствовать советско-арабские соглашения, подписанные 22 сентября в Кремле Председателем Совета Министров СССР Н. С. Хрущевым и Премьер-Министром Объединенной Арабской Республики Али Сабри.

На снимке: подписание соглашений.
Фото А. Гостева.

ОТТО ГРОТЕВОЛЬ

Берлин в трауре. Приспущены флаги. Черные ленты на транспарантах.

Из самой гущи работы во имя народа и государства одного из лучших вырвала смерть. Человека, который очень много сделал для немецкого рабочего класса, для нашей Родины.

Еще несколько дней назад берлинцы видели на страницах газет улыбающееся лицо Отто Гротеволя, поздравлявшего с днем рождения своего старого товарища по борьбе Фридриха Эберта. И вот сейчас...

Наша республика, первым премьер-министром которой он был, неразрывно связана с его именем. Все свои знания, весь свой огромный политический опыт он отдавал делу социализма. После войны города, фабрики и заводы лежали в руинах. Перед миллионами людей встал вопрос: какой путь выберет Германия? Отто Гротеволь был среди борцов за спасение нации, за сохранение мира, за строительство социализма. Коммунист Вильгельм Пик и социал-демократ Отто Гротеволь соединили руки в великой клятве: объединить рабочий класс Германии, создать единую партию. И это было шагом, обеспечившим успех строительства социализма на родине Маркса и Энгельса.

Благодарный народ нашей республики воздал ему высокие почести, которые он заслужил. Как он сам относился к этому? Вот его слова:

— Давайте, товарищи, не будем курить фимиам друг другу. Будущее покажет, чего стоила наша работа. Будем скромны и требовательны к себе.

Таким он был. Трудовой народ ГДР никогда не забудет его.

Гюнтер ЛИНДЕ,
немецкий журналист

Берлин, по телефону.

БЕСПРИМЕРНЫЙ ПОДВИГ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ

К пятидесятилетию Великого Октября должно быть завершено шеститомное издание «Истории Коммунистической партии Советского Союза». Сейчас выходит из печати первый том этого труда, издаваемого по решению ЦК КПСС.

Осветить весь исторический путь партии — от зарождения большевизма до наших дней, показать торжество ленинского учения о партии нового типа, обобщить многогранный опыт революционной борьбы и преобразовательной деятельности партии, всесторонне исследовать революционную деятельность В. И. Ленина как организатора и вождя Коммунистической партии, основоположника Советского государства, гениального мыслителя и пролетарского революционера — такова задача, стоящая перед составителями фундаментального научного труда.

За годы, прошедшие после исторического XX съезда КПСС, советские историки подняли большой документальный материал, провели тщательную научно-исследовательскую работу, итогом которой и является «История Коммунистической партии Советского Союза».

Многотомная «История КПСС» призвана помочь в овладении всемирно-историческим опытом и теоретическим богатством, накопленным партией за все время ее существования. Она поможет удовлетворить интерес всех передовых людей современности к истории нашей партии и явится обличением буржуазных фальсификаторов, ревизионистов и догматиков, которые отрицают историческую закономерность наших побед.

МАКАРИОС:

«СОВЕТСКАЯ ПОДДЕРЖКА УКРЕПЛЯЕТ НАС»

Специальный корреспондент журнала «Огонек» Генрих БОРОВИК попросил президента Кипра архиепископа МАКАРИОСА сказать несколько слов для советских читателей.

— Народ Кипра,— сказал президент Макариос,— стоит сегодня перед лицом угрозы турецкого вторжения и опасности территориального раздела страны. Угрозы и провокации со стороны Турции, которая совсем недавно бомбила деревни Кипра и лишила жизни многих мирных граждан, включая женщин и детей, имеют поддержку определенных стран — членов НАТО. Они пытаются навязать такое решение кипрской проблемы, которое служит их собственным интересам, а не интересам народа Кипра.

Мы — маленькая мирная страна, не обладающая материальными силами, способными противостоять агрессивным державам. Однако мы твердо верим, что не останемся одинокими в обороне нашей страны против агрессоров, которые поставили под угрозу мир во всем мире.

Мы очень благодарны за неоднократные заявления Советского Союза о том, что он не останется в стороне в случае, если угроза агрессии осуществится. Советская поддержка укрепляет нас в нашей решимости противостоять любому нажиму и любому решению кипрской проблемы, служащему интересам агрессоров. Особенно заявления, сделанные господином Хрущевым, создали мощное препятствие против вторжения и окунули в холодную воду головы разгоряченных агрессоров.

Я уверен, что результаты переговоров делегации Кипра в Москве по поводу советской помощи сослужат ценную службу делу всеобщего мира.

Кипр.

Гражданин Маркс

KARL MARX, CHEF DE L'INTERNATIONALE.
D'après une photographie de M. Wunder, à Hanovre

Портрет

Со страниц парижского журнала «Иллюстрасьон» за 11 ноября 1871 года на нас смотрит знакомое лицо — Карл Маркс.

Это первый портрет гениального основателя научного социализма, опубликованный буржуазной прессой Запада. Подпись под портретом: «Карл Маркс, глава Интернационала».

В большой статье редакция сообщает:

«С некоторых пор очень много говорят об Интернационале и его основателе и руководителе Карле Марксе. По счастливой случайности нам в руки попал фотографический портрет этой таинственной личности, а также кое-какие малоизвестные биографические подробности. Нижеследующая статья является итогом тщательных изысканий — мы считаем себя вправе ручаться за ее достоверность.

Не к чему оговариваться, что мы отнюдь не разделяем все содержащиеся в ней воззрения,— мы публикуем ее исключительно с познавательной целью и не сомневаемся, что в таком плане заслужим признательность наших читателей».

Портрет Маркса, помещенный в «Иллюстрасьон», был сделан фотографом Вундером в Ганновере в 1867 году и переслан известным соратником Маркса Людвигом Кугельманом в Лондон.

22 декабря 1871 года Женни Маркс писала Кугельману: «Портрет появился также в одной итальянской газете, в «Illustrated London News», и будет вскоре опубликован в испанской «Illustration». Как видите, он совершает кругосветное путешествие. Спасибо за немецкую «Illustration». Портрет мне не очень нравится. Пытаясь приукрасить черты лица и т. д., художник пожертвовал всем характерным. Один наш друг говорит, что если бы ему случилось увидеть этот портрет в витрине, он сказал бы: «Вот красивый мужчина, похожий на г-на Маркса».

В редакционной статье «Иллюстрасьон», публикуемой нами впервые, сообщаются подробности, переданные их специальным корреспондентом:

«...Я посетил его (Маркса.— **В. В.**) *в домике в Мэйтленд-парке, где, как в центре паутины, сходятся все нити социальной революции старого и нового света. Доктора Маркса называют «доктор», как Бланки «гражданин»—так вот, доктор — человек лет пятидесяти (Марксу в то время было 53 года.—* **В. В.**)*, очень мягкий, очень обходительный и даже обаятельный... Роста он выше среднего, широк в плечах, крепко сбит, такие люди живут до ста лет, но его уже давно изводит мучительный недуг — астма, эмфизема легких, подтачивающая этот могучий организм, казалось бы, созданный для того, чтобы противостоять всем житейским бурям... Длинная, пышная седая шевелюра откинута со лба, озаренного мыслью, а многочисленные морщины свидетельствуют о раздумьях и заботах. Лоб очень высокий, выпуклый, что говорит об исключительно развитом интеллекте, а густые брови нависают над карими, глубоко посаженными глазами, сверкающими жизнью из-за морщинистых век... Две глубокие борозды спускаются от крыльев носа к углам полного, чувственного рта, полускрытого пушистыми усами, переходящими в густую, седеющую, поистине патриархальную бороду.*

Одевается доктор Маркс во все черное».

В статье довольно подробно излагается биография Маркса и даже делается попытка изложить цели и задачи марксизма. Журнал пишет: *«28 сентября 1864 года на митинге в Сент-Мартинс-холле было основано «Международное Товарищество Рабочих», а также избран его временный центральный комитет... С тех пор Маркс был автором всех основных деклараций Лондонского центрального комитета. Последняя из них — «Гражданская война во Франции» наделала немало шума в демократических кругах».*

Мы приводим столь большие выдержки из этой статьи, потому что самый факт ее появления и почтительный тон французского буржуазного журнала, вышедшего через несколько месяцев после Парижской коммуны, свидетельствуют, что Международное Товарищество Рабочих уже тогда было значительной силой в политической жизни.

Через два месяца после появления статьи младшая дочь Маркса, Элеонора, писала в Петербург переводчику «Капитала» Н. Ф. Даниельсону: «...Биография и портрет папы, появившиеся в «Illustration», были воспроизведены в бесчисленных газетах не только здесь, но также в Испании, Италии, Германии, Америке и т. д. Несомненно, Вы также видели их в России».

Даниельсон в русской печати этого портрета увидеть не мог.

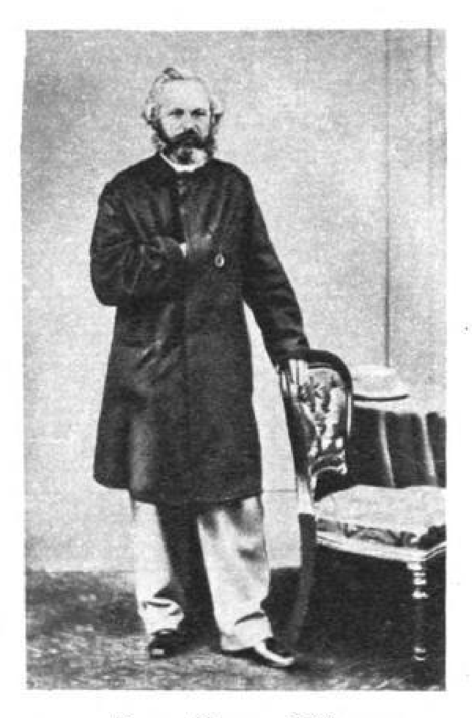
Автограф К. Маркса на обороте фотографии, подаренной В. И. Танееву.

«Преданный друг освобождения народа»

Единственный портрет Маркса в России (это тот же портрет, что и в журнале «Иллюстрасьон») находился в руках частного лица. Этим лицом был Владимир Иванович Танеев, старший брат известного композитора.

В. И. Танеев был последователем русских революционных демократов. Живя за границей, он читал запрещенные в России книги, сблизился с революционной эмиграцией и познакомился с Марксом. Личность и деятельность основателя научного социализма произвели на Танеева неизгладимое впечатление.

В начале 70-х годов он переселился в Москву и стал присяжным поверенным. Он выступал защитником на политических процессах и бережно хранил подаренную ему Марксом фотографию с дарственной надписью. Убеждений своих В. И. Танеев не скрывал, хотя последовательным марксистом его никак назвать нельзя. Его перу, однако, принадлежит одно из

Карл Маркс. 1866 год.

Фридрих Энгельс в период создания I Интернационала.

первых в России изложений принципов организации Международного Товарищества Рабочих — I Интернационала.

Это была статья для радикального журнала «Отечественные записки», во главе которого стоял М. Е. Салтыков-Щедрин. Статью Танеев написал в 1871 году. Она особенно интересна тем, что отмечает связь между Интернационалом и Парижской коммуной.

«Коммуна имела вполне международный характер,— пишет Танеев,— в ней было много иностранцев. Министром публичных работ был немец Франкель из Берлина, член Международного Общества. Начальство над войсками было поручено полякам. Над думой развевалось красное знамя — символ международной рабочей республики».

Описал Танеев и исторический митинг 28 сентября 1864 года в Сент-Мартинс-холле. В той же статье Танеев изложил основы воззвания Генерального Совета Интернационала — ту работу Маркса, которую мы знаем под названием «Гражданская война во Франции».

В конце статьи Танеев иронически процитировал выступление министра иностранных дел Жюля Фавра, в котором этот деятель реакционной Франции утверждал, что Международное Товарищество Рабочих является самым опасным обществом. В основе его лежат безбожие и коммунизм...

По тогдашним цензурным условиям появление такой статьи было невозможно. Она была опубликована только после Октябрьской революции.

В 1877 году Маркс обратился к известному ученому Максиму Ковалевскому с письмом: Маркс просил предложить В. И. Танееву взять на себя защиту в суде мужа одной русской дамы, которому угрожает политическая ссылка в Сибирь. «Господин Танеев, которого Вы знаете,— писал Маркс,— и которого я с давних пор уважаю как преданного друга освобождения народа,— может быть, единственный адвокат в Москве, который возьмется за такое неблагодарное дело. Я буду Вам очень благодарен, если Вы от моего имени попросите его принять участие в исключительно тяжелом положении нашего друга.

Ваш Карл Маркс».

Глубоким стариком В. И. Танеев встретил Октябрьскую революцию. В 1919 году, в трудное время блокады, гражданской войны и интервенции, Танееву была выдана охранная грамота следующего содержания: «На основании постановления Совета Народных Комиссаров от 25 марта 1919 года, выдается эта охранная грамота гражданину Владимиру Ивановичу Танееву, 78 лет, который долгие годы работал научно и, по свидетельству Карла Маркса, «проявил себя преданным другом освобождения народа».

Грамота была подписана Лениным.

Умер В. И. Танеев в 1921 году, завещав свою драгоценную библиотеку организованной тогда Социалистической Академии. Портрет с автографом главы Интернационала хранится в Институте марксизма-ленинизма.

Русская секция

В истории Международного Товарищества Рабочих есть глава, которая со славой вошла в историю русской революции,— это Русская секция Интернационала.

Сто лет назад близоруким политикам Россия казалась монолитной глыбой реакции. Казалось, что внутри страны все мертво и задавлено. Но революционная мысль была жива. В 60-х годах революционное движение вспыхнуло новым пламенем.

Среди носителей этого пламени была и группа русских политических эмигрантов в Женеве, считавших себя учениками и продолжателями дела Чернышевского. Это были революционеры-демократы, объединившиеся вокруг газеты «Народное Дело».

Точный состав этой группы неизвестен. Но в нее входили такие люди, как бывший «землеволец» Н. И. Утин, А. В. Корвин-Круковская, В. И. и Е. Г. Бартеневы, А. Д. Трусов, Е. Томановская (Дмитриева) и другие.

В их взглядах было много утопического. Они зачисляли в ряды пролетариата все крестьянство и мечтали об установлении в России социализма, основанного на сельской общине и артели.

В то же время, сознавая огромное значение рабочего движения на Западе, они стремились объединить борьбу рабочего класса Западной Европы с революционным движением в России против царизма.

Русская секция фактически оказалась на «переднем крае» и в трудной борьбе Интернационала против бакунинцев, отрицавших политическую борьбу и требовавших немедленной организации «бунта» против любых властей и богатых классов. Члены Русской секции не могли согласиться ни с этой плоской анархической идейкой, ни с упорной раскольнической деятельностью Бакунина, который пытался организовать свой «Альянс» внутри Интернационала, расшатывая единение рабочих всех стран.

Все они были решительными противниками бакунинского «вспышкопускательства», «разбойничества», культа личности, культа «революционных генералов». Они были категорически против политических мистификаций и демагогии, на которые постоянно шли бакунисты.

Русская группа примкнула к Интернационалу. В 1870 году ее устав был одобрен Генеральным Советом. Маркс был единогласно избран представителем секции в Генеральном Совете.

Мы впервые публикуем хранящееся в Институте марксизма-ленинизма письмо секретаря секции Антона Трусова соратнику Маркса И. Ф. Беккеру в связи с приемом Русской секции в Интернационал.

«Женева, 2.IV.70

Дорогой гражданин Беккер!

Письмо гражданина Карла Маркса от 24 марта сообщает нам, что Устав новой Русской секции единогласно одобрен Генеральным Советом, который принял Русскую секцию в ряды Интернационала.

Теперь мы обращаемся к Вам, чтобы поблагодарить Вас за ту помощь, которую Вы оказали нам в нашем деле. Руководствуясь Вашими советами и используя Ваш опыт, мы, наконец, достигли возможности заложить первые основы реального и прочного союза между восточным и западным пролетариатом. Таким образом, мы сделаем все, что от нас зависит, чтобы реализовать наш прекрасный девиз: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Примите же выражение искренней признательности от имени всех нас и многих других, которые, подпольно работая в России, действуют с нами заодно и еще присоединят свои усилия к нашим для полного освобождения всемирного пролетариата.

Мы Вас благодарим также за доверие, которое Вы проявили по отношению к нам, когда Вы увидели в нас людей искренне преданных, а не фальшивых патриотов, которые думают, что служат народу, на деле служа его самому гнусному врагу, каковым является русский империализм, тем более пагубный, что, опираясь на панславизм, он увековечивает милитаризм в Германии и в Австрии, а следовательно, и во всей Европе. Поэтому мы не прекратим бороться с ним во всех формах его проявления, и мы хотим всегда рассчитывать на Ваши советы и Вашу помощь в нашем деле.

Примите, дорогой гражданин, наши братские приветы.

От имени комитета Русской секции

Секретарь Антон Трусов».

На баррикадах

Подписавший письмо А. Д. Трусов — фигура примечательная. В течение года он руководил отрядом повстанцев, участвовавших в польском освободительном восстании 1863 года. Он скрылся за границу и был заочно приговорен царским судом к смертной казни. В Париже он был наборщиком, а впоследствии заведовал типографией «Народного Дела» в Женеве.

Он оставался при этой типографии еще в 1883 году, когда бывшая Русская секция Интернационала уже давно распалась и большинство ее участников вернулось в Россию. Трусов передал типографию Л. Г. Дейчу, члену группы «Освобождение труда».

Русские интернационалисты занимались не только одной пропагандой. Когда в марте 1871 года над Парижем взвился флаг Коммуны, две русские женщины были делегированы Генеральным Советом в Париж и находились на переднем крае революционной борьбы. Это были Елизавета Томановская (Дмитриева) и Анна Корвин-Круковская, сестра известной русской ученой Софьи Ковалевской.

22 мая 1871 года на баррикадах в парижском районе Батиньоль можно было увидеть невысокую женщину с патронной сумкой и двумя пистолетами в руках. Это была Е. Дмитриева, которую коммунары называли гражданкой Элизой.

На следующий день среди наспех положенных заграждений на площади Бланш гражданка Элиза появилась вновь. Батальон коммунаров отступал от одной баррикады к другой под артиллерийским огнем версальцев.

Здесь, на высотах Монмартра, сопротивление Коммуны было особенно ожесточенным. Весь бульвар Клиши был окутан дымом. Снаряды версальцев поднимали в воздух обломки крыш, стен, мостовых, валили деревья и рвали на куски людей. Коммунары отступали к площади Пигаль. Батальон сражался до последней минуты, до последнего патрона. В его рядах сражалась и гражданка Элиза.

Анна Корвин-Круковская, жена полковника Жаклара, который командовал 17-м легионом Коммуны, была членом женского комитета бдительности на Монмартре. Она же редактировала вечернюю газету «Социалист».

Так члены Русской секции и в печати и на баррикадах сражались за международное дело рабочего класса.

После падения Коммуны Корвин-Круковская бежала в Цюрих, а три года спустя вместе с Жакларом уехала в Россию. В конце 80-х годов Жаклар был из России выслан и вернулся в Париж. За ним последовала и жена.

Гражданка Элиза добралась до Женевы. Там ее встретил член Русской секции Н. Утин, который деятельно помогал бежавшим коммунарам, наводнившим Швейцарию. В конце 70-х годов Томановская-Дмитриева вернулась в Россию и последовала за своим сосланным мужем в Сибирь.

Фактически Русская секция была слабо связана с Россией, хотя ее издания и проникали в русскую революционную среду. Революционная ситуация для русских рабочих еще не созрела, и сам рабочий класс в России еще только

формировался. До организации марксистской партии в России должно было пройти еще два десятилетия.

«Исполнить»

Царские чиновники и жандармы не располагали достоверными сведениями об Интернационале и его основателях. Но царская агентура за границей сигнализировала о «коммунистической опасности» уже давно. Еще в 1850 году Маркс числился в списках «германских пропагаторов в Лондоне» под № 12. Заграничным филерам был отдан приказ «иметь в виду» лондонских революционеров. В том же году начальникам округов корпуса жандармов было разослано секретное письмо шефа жандармерии графа Орлова. Предписывалось вести «строжайшее наблюдение» за прибывающими в Россию иностранцами.

Как действовала жандармерия, можно судить по «делу Маркса».

В августе 1861 года начальник жандармского управления Петербургско-Варшавской железной дороги полковник Житков получил секретное отношение из Петербурга: «Председатель германского отделения интернационального общества и один из деятельнейших членов оного литератор Карл Маркс, с английским паспортом под именем Валласа (Wallace) намерен пробраться в Россию со злонамеренной целью. Покорнейше прошу ваше высокоблагородие строжайше наблюдать за появлением Маркса-Валласа в наших пределах: и в случае задержания его телеграфировать в III отделение собственной его величества канцелярии» и т. д.

Но таинственный «Маркс-Валлас» в округе, подведомственном Житкову, не появлялся. Повезло другому жандармскому полковнику, Кноппу, который 20 мая 1872 года сообщил из Одессы: «На пароходе из Константинополя 18 сего мая прибыл Юлий-Александр-Мария Маркс, уроженец города Лейпцига, принявший английское подданство в 1865 году и проживающий, по его словам, в г. Ноттингеме, где отец его имеет торговый дом».

Кнопп еще за год до этого получил телеграмму, что Маркс может прорваться в Россию через Константинополь. Полковник был начеку. Он поместил ноттингемского купца в номер гостиницы и поставил у двери жандарма. Купец в панике обратился в английское консульство и добился своего освобождения. Но английского консула так потрясла фамилия «Маркс», что он одобрил действия Кноппа и холодно заметил пострадавшему: «Вольно же вам ездить по свету с такой фамилией!»

Во избежание дальнейших недоразумений Кнопп просил прислать ему фотографию подлинного Маркса.

В нашей печати недавно была опубликована записка начальника департамента министерства юстиции барона Врангеля, в которой господин барон «с достоверностью» предполагает, что «отечество наше избрано в настоящее время почвою для преступной коммунистической пропаганды», и предлагает немедленно принять «строгие меры взысканий... за действия, клонящиеся к низвержению существующего правительства, за поступки, доказывающие принадлежность к последователям сего учения...»

На записке Врангеля блестит покрытая тусклым лаком резолюция Александра II: «Меры эти признаю необходимыми».

В 1872 году был даже сформирован специальный «комитет по поводу Интернационала». «Мы можем им (правительствам европейских государств.—**В. В.**) объявить, что у нас каждый русский и иностранный подданный, который будет замешан в деятельности Интернационала, будет немедленно выдан любому государству по его заявлению»—так написано в протоколе этого комитета. Над этим протоколом появилась царская надпись: «Исполнить».

Уроки истории

Вернемся к журналу «Иллюстрасьон». Вот как журнал излагает теорию Маркса:

«Учение Карла Маркса расходится с доктринами других социалистов в двух основных пунктах. Как я уже сказал в начале статьи, он прежде всего отвергает все доктринерские представления и выводы и старается доказать, что современное общество таит в себе зародыши нового общества, что это общество пробивает себе путь в борьбе классов, которые, пройдя, в силу исторической необходимости, через временную диктатуру пролетариата, сольются в результате в ассоциацию свободных производителей, основанную на коллективном владении землей и орудиями производства, затем Маркс прокламирует интернациональный характер этой борьбы классов, которая приводит к преобразованию общества... Вот каков этот человек, которого стараются изобразить свирепым чудовищем и беспощадным ниспровергателем старого порядка. На самом деле это философ и мыслитель, бесспорно, опасный в силу своих на диво разносторонних способностей, своего организаторского дара и долголетней революционной практики, своих обширных познаний и упорства, подкрепленного независимостью положения, обходительностью манер, знанием всех европейских языков и несокрушимой тягой к самым неблагодарным трудам. Это грозный меч в руках демократии...»

* * *

С тех пор прошло сто лет. Идеи Интернационала широко распространились по всей планете. Но история повторяется. Сегодняшние мракобесы, проповедующие борьбу с «безбожным коммунизмом» и «балансирование на грани войны», в сущности, вторят своим духовным предкам: версальским карателям, прусским полицейским и царским жандармам.

Эти приемы, как и пышная демагогия раскольников и мистификаторов, называющих себя «интернационалистами», в свое время не помешали идеям Маркса и Энгельса овладеть умами и сердцами всего прогрессивного человечества. То же самое происходит и в наши дни. «Грозный меч в руках демократии» — это пролетарский интернационализм, важнейший принцип деятельности I Интернационала. Завещанный международному рабочему движению, он оказался несгибаемым оружием в руках коммунистов всех стран.

В. ВЛАДИМИРОВ

Участники Первого конгресса I Интернационала.

ПОСВЯЩАЕТСЯ МЕЖДУНАРОДНОМУ ТОВАРИЩЕСТВУ РАБОЧИХ

История международного рабочего движения и его авангарда — коммунистической партии постоянно пополняется изданием новых документов, статей, исследований.

В этой истории немалое место занимает предшественник Международного Товарищества Рабочих — «Союз коммунистов», созданный Марксом и Энгельсом в 1847 году и просуществовавший до 1852 года.

Ныне, когда идеологические противники коммунистов за рубежом пытаются извратить роль «Союза коммунистов», публикуя важнейшие его документы с серьезными отступлениями, особенно ценен выпускаемый издательством социально-экономической литературы «Мысль» сборник «Союз коммунистов — идейный предшественник Первого Интернационала».

Не опубликованные на русском языке и в значительной мере на иностранных языках, документы «Союза коммунистов», письма его видных деятелей, принимавших впоследствии активное участие в Первом Интернационале, материалы, раскрывающие борьбу Маркса и Энгельса за принципы пролетарского интернационализма, дают подтверждение тому, что «Союз коммунистов» явился зародышем революционной коммунистической партии пролетариата, первой формой международного единства рабочих.

Издательство «Мысль» выпустило в свет монографию «Первый Интернационал», написанную коллективом сотрудников ИМЛ. Это—первое систематическое и всестороннее марксистское исследование деятельности Международного Товарищества Рабочих.

Основываясь на имеющихся в их распоряжении редчайших документах, авторы воссоздали подлинно научную историю конгрессов и конференций Первого Интернационала.

Выпущенная этим же издательством монография Б. С. Итенберга «Первый Интернационал и революционная Россия» рассказывает о деятельности русской секции в Интернационале, ее связях с революционным подпольем в России, о распространении идей Маркса и Энгельса русской легальной и нелегальной печатью.

Огромная роль Первого Интернационала как руководителя рабочего движения подтверждается самим ходом истории.

Этому посвящена выпускаемая «Политиздатом» монография «Международное революционное движение рабочего класса». Она подготовлена группой работников и научных сотрудников Института мировой экономики и международных отношений Академии наук СССР под редакцией Б. Н. Пономарева (главный редактор), А. А. Арзуманяна, В. И. Снастина, Т. Т. Тимофеева.

Книга рассказывает о современном этапе мирового революционного процесса, о рабочем движении в индустриально развитых странах, о национально-освободительном движении народов Азии, Африки, Латинской Америки.

Авторы конкретными примерами доказывают величие учения Маркса — Энгельса — Ленина, показывают, как мировое коммунистическое движение превращается в самую влиятельную политическую силу современности.

Литература, выпускаемая к столетию Первого Интернационала, дает широкую картину развития пролетарского движения, руководимого коммунистами.

Я. КРОЧЕК

ОДИН ИЗ ГЕРОЕВ

Секретарь Берездовского парткома И. А. Трофимов в 1923 году.

«Перевыборы Советов, борьба с бандитами, культработа, борьба с контрабандой, военно-партийная и комсомольская работа — вот круг, по которому мчалась от зари до глубокой ночи жизнь Лисицына, Трофимова, Корчагина и немногочисленного собранного ими актива».

Это отрывок из романа «Как закалялась сталь». В главе говорится о работе Берездовского партийного и комсомольского актива в первые годы Советской власти.

В документах Хмельницкого областного партийного архива есть протоколы заседаний бюро и политдокладов Берездовского районного партийного комитета за 1923 год. Перелистывая страницы, часто встречаю фамилию секретаря комсомольской ячейки Н. Островского, председателя Берездовского райисполкома Н. Н. Лисицына.

Так, на районном собрании коммунистов и комсомольцев Берездова 27 октября 1923 года председателем был избран Лисицын, а секретарем — Островский. Лисицын докладывал по второму вопросу повестки дня: «О переводе в партию». Было принято такое постановление: «Перевести кандидатами КП(б)У самых выдержанных и стойких членов КСМ». Первым среди товарищей, переведенных тогда в кандидаты партии, значится Николай Островский.

Есть фамилия Лисицына и в протоколе собрания коммунистов Изяслава от 9 августа 1924 года, на котором Островский был переведен в члены партии. Лисицын стоит первым в числе трех коммунистов, рекомендовавших Островского в партию. В протоколе сказано, что Лисицын — член партии с 1918 года.

Но вот фамилии Трофимов нет. Интересно, реальное это лицо или вымышленное?

Может быть, можно что-либо обнаружить о Трофимове в архивах советских учреждений?

Документы советских органов сохраняются в городе Каменец-Подольском. Еду в этот древний город Подолии. Здесь в государственном архиве мне дали дело: «Исполнительный комитет Берездовского районного Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов». Вот протокол заседания Берездовского райисполкома от 27 января 1923 года. На нем присутствовал секретарь райкома партии И. Трофимов.

В романе Трофимов тоже выведен как секретарь Берездовского райпарткома. «Тихо в доме. Поздняя ночь, партком опустел. Недавно последним ушел Трофимов, секретарь райкомпартии, и сейчас Корчагин в доме один».

Стало быть, именно его и имел в виду автор романа «Как закалялась сталь».

Как же сложилась дальнейшая судьба этого героя романа?

Вместе с жителем Берездова, инструктором идеологического отдела Шепетовского парткома Петром Степановичем Тимониным идем в школу. Ведь педагогический коллектив пишет историю Берездова, возможно, здесь знают о судьбе Трофимова.

— Нет, о таком ничего не известно,— ответил директор школы В. К. Заверюха.

— Ну, а в Берездове живет кто-нибудь под такой фамилией?

— Что-то не помню. Есть, правда, у нас одна Трофимова, работает поваром в чайной.

Узнав адрес, идем к Трофимовой. Вот и маленький домик на одной из улиц Берездова. Двери открыла пожилая, широкая в плечах женщина. К большой нашей радости, это и была жена Трофимова.

Завязалась беседа. Ефросинья Степановна рассказала о жизни своего мужа:

— Иван Андреевич Трофимов приехал в Берездов после того, как закончилась гражданская война. Служил он в дивизии Чапаева и в других частях. Потом работал секретарем Берездовского райпарткома. Здесь он подружился с Лисицыным и Островским. Работа в районе была сложная, потому что район находился на самой польской границе. Со стороны белопанской Польши сюда часто проникали банды, совершавшие налеты на местечко. Активно действовали кулаки, контрабандисты, служители церкви. Население пограничного местечка было запугано. Район только лишь организовался. Советского актива было очень мало. Поэтому руководителям заброшенного в лесах и отрезанного бездорожьем района приходилось очень круто. Мой муж постоянно был на работе, приходил домой часто поздней ночью. Помню, Иван Андреевич рассказывал о Николае Островском, восхищался его бесстрашием в борьбе с врагами и большим трудолюбием. Островский и Лисицын бывали у нас дома.

В сентябре или августе 1923 года мы переехали в село Новоселицу. Здесь Трофимов работал секретарем парткома сахарного завода. Впоследствии несколько лет возглавлял Буртынский керамический завод около Полонного.

Вспоминаю, — рассказывает Ефросинья Степановна,— как Ваня пришел домой сияющий, с какой-то книгой в руках.

— Колю Островского помнишь? — спросил он меня.

— Помню. Невысокого роста был, прихрамывал немного, ходил с палочкой и с маузером на боку.

— Вот он написал эту книгу.

Мы вместе с Ваней читали «Как закалялась сталь». Как все там ярко, как все там правдиво описано! А когда началась война, Ваня писал мне с фронта, что в боях ему служит примером образ Павки Корчагина, что книга Островского вместе с ним и с его бойцами. На фронте Ваня был двенадцать раз ранен. Он обморозил руки и ноги, а когда форсировали Буг, то снарядом вырвало плечо и руку. Вернувшись с фронта инвалидом, прожил недолго — 15 июля 1946 года он умер.

Мы узнали, что сын героя, Владимир Иванович Трофимов, также участник Великой Отечественной войны. Восемь раз награжден, в том числе двумя орденами Красной Звезды. Теперь работает техником-строителем в Кривом Роге. Дочь Лариса Ивановна — фельдшером в Петрозаводске. Два брата И. А. Трофимова — Григорий и Федор — героически погибли в годы Великой Отечественной войны.

Ефросинья Степановна подарила нам фотографию Ивана Андреевича.

Мы попросили ее показать нам то место, где сфотографировался ее муж.

И вот мы идем с ней по Берездову. Там, где работали Трофимов, Островский и где раньше размещался партийный комитет, теперь музей Н. Островского на общественных началах, библиотека и кабинет политического просвещения. На здании мемориальная доска.

Мы вошли в сад.

— Вот здесь,— сказала Ефросинья Степановна.

Перед нами открылся памятник Н. Островскому. Стоит он во весь рост, подтянутый, стройный, в военной форме. В руке книга...

ЧИТАЮ ПИСЬМО...

Веду я однажды группу по музею. Экскурсанты с интересом слушали, как Островский учился, уже будучи прикованным к постели. Глаза его очень плохо видели. И лозунг для каждого приходящего к нему друга был один — читай! И читали до «заплетения языков». Человек занимался по восемнадцать часов в сутки.

Подвожу я группу к витрине, где выставлены письма к Островскому. О них писатель говорил так: «Тысячи писем, бережно разложенные в папки,— мое самое дорогое сокровище».

Письма — из Австралии, из политической каторжной Рижской тюрьмы, написанное на папиросных гильзах, из болгарской политической тюрьмы Стара-Загоры...

А вот письмо, которое пришло в музей в первые дни его открытия — в октябре 1940 года:

«Тому, кто сделал меня человеком.

Дорогие товарищи, извините меня, но я прошу прочитать, вот что я здесь пишу. Эти строки пишет тот, кого Н. Островский, сам не зная, сделал человеком.

Я бывший вор. В 1937 году вместе с украденным мной чемоданом мне попалась книга Н. Островского «Как закалялась сталь», и, когда невзначай прочел первую страницу, я не мог оторваться от нее до конца. В то время я был никому не нужный человек, и, когда я прочел всю книгу, мне стало стыдно за себя, все во мне перевернулось, когда я узнал, за что отдал свою жизнь такой человек...

После этой книги я дал себе слово жить честно, работать и быть немного хотя бы похожим на Н. Островского, и слово я мое сдержал. Меня, бывшего вора, Советская власть сделала человеком, дала в руки специальность.

Я работаю на лучшем в мире метрополитене. Своим счастьем я обязан Николаю Островскому, он меня толкнул в честную жизнь, и обязуюсь быть таким же, как и он.

...Я прочел в газете, что на днях откроется Музей Николая Островского. Я горю нетерпением попасть туда и посмотреть, как жил и работал этот мужественный человек.

Я пишу это потому, что сегодня ровно 3 года, как я окунулся в новую, честную жизнь, за которую так много страдал этот замечательный человек.

И пусть знают все, что если надо будет, я и много таких же, как я, будем так же драться с врагами, как дрался Николай Островский».

Читаю я это письмо моим экскурсантам и чувствую, что реакция посетителей необычна. Люди тихо что-то говорят друг другу, понимающе кивают головой.

Я поняла, что им что-то известно об авторе этого письма. Страшно обрадовалась, спрашиваю:

— Знаете что-нибудь о нем?

И мне ответили:

Мы из Метростроя. Мы знаем этого человека, его историю. Да, он действительно воевал, да, действительно работает.

Имя этого человека экскурсанты назвать не захотели: он очень не любит вспоминать о своем прошлом. Я не стала настаивать...

М. ПИСТОЛЯКО,
экскурсовод московского Музея Николая Островского

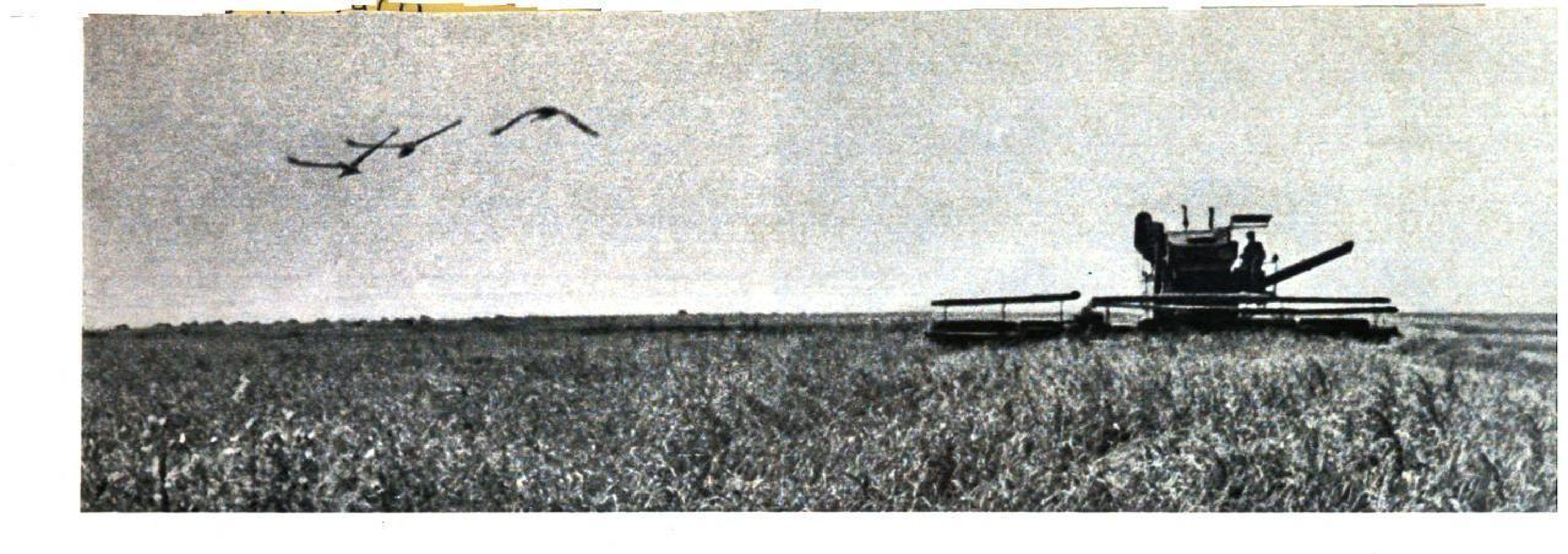

НИКОЛАЙ ОСТРОВСКИЙ.

Акварель А. ЯР-КРАВЧЕНКО.

ОСЕННЕЕ УТРО.

Фото М. САВИНА.

ЖУРАВЛИНАЯ СТЕПЬ

Николай БЫКОВ

ШЕСТЬ ДНЕЙ В СОВХОЗЕ «КРАСНОПРЕСНЕНСКИЙ»

Фото Алексея ГОСТЕВА.

— Откуда вернулся?

— С целины.

— Ну как там?

Наверное, вот так же спрашивали лет двадцать назад людей, вернувшихся оттуда: «С фронта? Ну как там?..»

Как там?.. Об этом трудно рассказать коротко. Ритм сегодняшних будней на целине — это ритм снующих автомашин: от комбайна к току, с тока на весы хлебоприемного пункта, днем и ночью, на предельной скорости. И еще это ритм зернопультов, ритм, мощно пульсирующих желтых струй пшеницы. И еще это смена вёдра и ненастья: только что было солнечно, а навалилась туча, и по валкам, по дорогам, по хлебу, по хлебу бьет злой дождь, и тогда тоска сжимает сердце и невыносимо трудно ждать солнечного окна...

Шесть дней — от понедельника до субботы — я жил в кустанайском совхозе «Краснопресненский», шесть дней колесил по его хлебной степи.

К субботе собрался беглый, довольно клочковатый дневник. Мелькали поля, тока, машины — они забудутся. Остались навсегда в памяти люди. Целинники из «Краснопресненского». Хозяева журавлиной степи Затоболья.

Только теперь уже дни записаны в том порядке, в каком они лучше запомнились.

Пятница. Ночь мы провели далеко от центральной. Были тишина озер, сполохи блуждавших за горизонтом гроз. И фары, фары в степи. Кажущееся безлюдье; степь полнилась гудом сотен невидимых машин. Были разговоры с чабанами, бег норовистой кобылки до спящего гурта и обратно, к машине; потом долгий чай у костра и жаркая работа на ярко освещенном току пятого отделения.

Вернулись на центральную к началу рабочего дня.

— Алексей Григорьевич! На коммутатор!

Это телефонистка — директору Ванину. Через минуту директор появляется у раскрытого настежь окна на втором этаже. Люди, оказавшиеся возле конторы, прислушиваются к громкому разговору с начальником управления. Как водится, началось с нахлобучки: директор не был вчера на радиоперекличке. Сейчас он молчит и думает, наверное, о ночной степи, о тоннах, как здесь говорят, выброшенного к утру хлеба. Но вот лицо Алексея Григорьевича просияло. И заулыбались люди, собравшиеся внизу.

Директор:

— Понял — переходящее знамя... За темпы в косовице и на вывозке хлеба... Спасибо, Андрей Петрович! Краснопресненцы постараются...

Внизу — и радость и даже вроде бы недоумение: смотри-ка ты, знамя отхватили!

— И премия совхозу?— Это голос со второго этажа.— В размере одной тысячи рублей? Спасибо!

Теперь внизу, под окнами телефонной станции, ликование. Премия солидная — это сколько же будет старыми деньгами?..

Алексей Григорьевич собирает пятиминутку. Событие!

Ясно, деньги — лучшим людям. Механизаторам и шоферам. (Один комбайнер на шестом отделении как раз вчера даже бутылочку распил, лишь бы выцыганить у приятеля запасную деталь, и теперь его комбайн снова на ходу. Ну как такому рачительному человеку не покрыть убытки! Шутка шуткой, но одним простоем меньше...) Особо директор отметил работу водителей автоколонны Николая Смолина. Полагаются премии и главным специалистам, управляющим, но комсостав совхоза тут же принял решение отказаться от своей доли. Деньги — рабочим, тем, кто на переднем крае...

Вечер того же дня. В совхоз приехали начальник и секретарь парткома Боровского производственного управления Андрей Петрович Минасов и Павел Ефремович Есипенко. Знамя прямо из Кустаная — это километров сто семьдесят — привез секретарь обкома партии Борис Николаевич Темников. Вот оно, знамя Центрального Комитета КП Казахстана и Совета Министров Казахской ССР. Тяжелый бархат, тяжелые кисти, силуэт Ильича.

Вручение знамени. Ток самого дальнего, пятого отделения. Принимали директор Алексей Григорьевич Ванин и комбайнер Герой Социалистического Труда Алексей Александрович Козлов. Этот только что от комбайна. Небрит, наскоро умылся, весь еще в грохоте жатвы. Смущен, а главное, торопится обратно к комбайну.

Летучий митинг. Так, наверное, было на фронте... Говорили: рады, обязуемся выполнить график текущей пятидневки... И разъехались — в степь, на элеватор. И снова загрохотали зернопульты. Густела штурмовая ночь...

Вторник. Солнце встречал на первом отделении. Большое, оно выкатилось из-за камышей и както по-деловому заторопилось к зениту. Кричали утки, домашние и дикие. Ногам холодно от росы. На душе было тревожно: с севера заходила лиловая туча.

Директор представил сегодня рабочим первого отделения нового управляющего взамен запившего и снятого вчера старого. К завтраку Ванин вернулся в контору. Совсем отрываться от кабинета нельзя: каждый день надо подписать добрую дюжину документов, ответить на сотни вопросов, на которые может ответить лишь он, директор. И тут вездесущий Алексей Григорьевич попался. Директорскую «Волгу» поджидали у коновязи три чужих «газика», а самого директора — уполномоченный аж из Целинограда. Уполномоченный один, а машин много — это потому, что за ним едут провожатые из области и из района, свита... По степи целинной в эти дни бродит много уполномоченных. Иногда уполномоченного почеловечески жалко: его посылают на низовку вышестоящие организации, он и от своего-то дела оторван и к чужому пристать не может. Да и как пристать, не зная людей, нужд хозяйства, не имея

Аркадий Салмин, заслуженный механизатор Казахской ССР, ветеран совхоза.

ни гвоздя в кармане! Умный уполномоченный, понимая свое двусмысленное положение, старается не мешать...

Полчаса тянулся в общем-то бесполезный разговор: какова площадь уборки, сколько отделений, мешают ли осадки... Потом уполномоченный, лысоватый, довольно тучный, но внешне бодрящийся человек, покрутил карандашиком и начал угрожающе-устрашающе:

— Я призван и уполномочен предупредить вас: прогноз погоды ничего хорошего не обещает. Вы обязаны всемерно...

Я видел, как тоскливо на душе у директора: время уходит... Сегодня приедут шестьдесят девушек из педучилища. Машины за ними уже послал. Надо проверить, как подготовлена встреча. Хорошо бы радиолу им достать; когда тебе только шестнадцать, танцы (даже после смены) — это потребность.

— И я обязан призвать... Вы и сами в курсе... Если останутся на квадратном метре пять зерен... А по совхозу сколько? А по области? А по краю? А по....

Директор — я уверен — думает: не было бы тебе цены, уважаемый дядя, если бы ты ремни для комбайнов привез или пальцы для ножей, немного, хотя бы в портфеле... В первом отделении есть поле — бывшие солонцы,— так там комбайны с подборщиками тонут. И люди вымотались, теряют драгоценное время. И всего-то восемьдесят гектаров осталось, да ведь не бросишь. А в это время отличный хлеб перестаивает на тысячах гектаров. Может, перебросить машины? Черт с ним, с этим полем... Риск, а кто его на себя возьмет? И с кем посоветуешься? И зачем только солонцы те распахали тогда? Наверное, вот такой же дядя с мандатом брал за горло: пахать, пахать!..

— Будем маневрировать,— решается наконец Алексей Григорьевич. И главный агроном Николай Иванович Костенко понимает его с полуслова. Уполномоченный не понял: «А? Что?» И продолжал свое: «...наденем полушубки, тулупы и выйдем в поле... Зиме — ни колоска!..»

Алексей Григорьевич не из тех, кого можно загипнотизировать громкими фразами. У него на шее почти тридцать тысяч гектаров уборки. Великого труда ему стоит сдержать себя и тактично показать, что больше тридцати минут — и то лишь потому, что данный уполномоченный краевого масштаба — он терять не имеет права. Хлеб не велит... Кабинет пустеет. Уставший человек из Целинограда отбывает со свитой в совхозный сад и на пасеку... В совхозе я слышал: «А вы, товарищ, к нам по делу или уполномоченный?»

Машин мало, и запчастей нет. И дожди подстерегают...

Понедельник. Первый день. Пролетел незаметно. Первый маршрут самый короткий и, может быть, здесь даже традиционный: сад, пасека. Сначала он показался обидным — сюда не доходил жар страды. Но знакомство с Виталием Плешковым, садоводом, открыло целый мир. Так что в сад мы еще вернемся!..

В хлебную степь — только после обеда. Где-то на току встретили автоклуб. На столбах — усилители, шофер крутит пластинки. Девчонки чуть ли не в пляс оруДуют возле хлебных курганов. Шоферам задерживаться нельзя... Понедельник только этой неожиданной музыкой и памятен. Тогда еще не все лица запомнились, дороги в степи казались похожими одна на другую, и я путал, какое отделение третье, а какое — пятое; и не было еще ухи на скорую руку в излучине Убагана, и не было прогулки верхом... Да и с директором Алексеем Григорьевичем Ваниным не было пока настоящего разговора. Все впереди: и взаимное узнавание, и восхищение людьми, и боль за вынужденные простои комбайнов, и радость за победу на вывозке хлеба.

О совхозе. Тезка и крестник московской рабочей заставы. Заложил его комсомол Краснопресненского района Москвы. В степи встретил Аркадия Салмина. Не знаю, помнят ли на Красной Пресне худенького паренька, заводного и непоседливого (все же прошло десять лет, как он с путевкой райкома уехал на целину), но в Кустанайской области и даже в республике Аркадия Семеновича знают хорошо. Он и пахарь и жнец. Одно время в Казахстане повсюду белели плакаты, рассказывающие о передовых методах труда Аркадия Салмина, бывшего москвича, ныне заслуженного механизатора Казахской ССР.

Вечером Павел Петрович Улеско, заместитель директора, рассказал:

— Снега в пятьдесят четвертом лежали долго. По карте изыскателей мы пробились вот к этим березам, и я забил первый кол. Со мной были ребята с Красной Пресни. Они торопились пожить в палатке. Но базировались мы в соседней Ершовке — в палатке, сами понимаете, несладко. Пережили распутицу. Тащили без дорог тракторы, плуги, горючку. Только шестнадцатого апреля штаб и ударная группа перебрались сюда, на центральную. А двадцать второго апреля первая борозда...

Это был день рождения Владимира Ильича. И комсомольцы с Красной Пресни помнили об этом.

Бывшие домохозяйки, ныне лучшие шоферы Катя Марченко, Дуся Королева, Светлана Дубенцова, Галя Ковалева, Фая Плешкова.

Виталий Плешков.

Среда. Смотрел на молодого, порывистого директора Ванина в кожанке, на его немногословного, кряжистого парторга Константина Воловецкого — и вспоминал Чапаева и Фурманова. Степь и бой в степи. Поиски и удачи маневра, временные поражения... Только нет коней и шашек наголо, а слетались где-нибудь на степной развилке командир и комиссар на машинах. Моментальное — с ходу — уточнение обстановки, и снова разлетались. Туда, где прорыв, где всего труднее.

Начали пахать зябь. Мешает солома. Ее много, чересчур. Проблема...

Кажется, им обоим по тридцать четыре, а может быть, директор и старше на год. Ванин местный, с детства хлебнул лиха в этой же самой степи. Его комиссар родом одессит, комсомолец-доброволец, учитель с Волыни. Трижды штурмовал в 1954 году комиссию обкома комсомола и все-таки уехал на целину. Думаю, что за десять лет и у того и у другого жестче и приземленнее стали взгляды на жизнь, на действительность, и все же каждочасно убеждался: оба остались и комсомольцами 50-х годов и, если хотите, романтиками. А в «окно»— между двух атак — еще и песнелюбами, умеющими не пропустить раннюю звезду. Это я знаю.

И директор и парторг удивительно человечны с людьми. Я был в совхозе в дни, когда уборочная машина только раскручивалась, когда великого труда стоило вытолкнуть в поле все жатки, все комбайны, все машины, когда нежданно налетавшие черные дожди срывали атаку, а силосные комбайны приходилось тянуть тяжелыми тракторами. Грубо говоря, было не до людей. И даже в те дни Ванин и Воловецкий умели подбодрить усталого, помочь обиженному. Молоденький веттехник разочаровался в специальности, готов бросить свою работу и взять хоть вилы в руки... Заправщица плачет: муж-шофер очумел, ревнует, житья нет, брошу заправку (это в уборку-то!)... Главный врач Людмила Васильевна Кальвина всего месяц как в совхозе, переехала сюда всерьез, с семьей, и ей обязательно надо помочь сколотить хороший коллектив в больнице. И все идут к директору... И я поражался: откуда столько выдержки, такта, какой-то врожденной интеллигентности у этих молодых людей? Говорят, Ванин не всегда был таким. А вот ведь стал же... Наверное, сказалась школа целины.

Замечу кстати, в те дни Волынская область рапортовала о выполнении плана хлебозаготовок, стране продано более 2 миллионов пудов зерна. А совхоз, где парторгом бывший учитель с Волыни, тоже обязался сдать нынче 2 миллиона пудов. Целая область и целинный совхоз...

Солнце садилось в озеро чистое, будто только что откованное. Значит, дождя не будет...

Четверг. В совхозе есть засоренные поля. Сорняки мешают уборке напрямую. Главный агроном Николай Иванович Костенко показал поля, где он одолел сорняки. На вооружении целинного агронома теперь и гербициды и передовые агроприемы (в том числе и чистые пары, без которых трудно избавиться от овсюга). Машина шла золотым туннелем. Слева и справа — пшеница, пшеница, пшеница... Горизонт далекий-далекий... Урожай нынче сильнее того, что был в 1956 году. Но Николай Иванович не торопится сказать «гоп». Все-таки дождей было чересчур много. Хлеба уродились высокостебельные, местами полегли. Хлеб некоторых сроков посева дал зерно со слабой натурой. Правда, лучшие поля еще не сказали своего слова — так считает даже осторожный Костенко.

В степи встречались агрегаты Анатолия Дубенцова, Аркадия Салмина, Василия Масленникова, Александра Струнина. Круг за кругом кружили комбайны... Вдруг из пшеничной чащи поднялись журавли. Журавлиная степь...

Николай Иванович ругается: очень большие гоны делают комбайнеры, по два километра длиной! Шофер приедет за зерном, а комбайна нет, попробуй найди его в хлебном море!..

Светлана Дубенцова находила! Она возит зерно от комбайна Анатолия Дубенцова. Это ее муж. Здорово придумали в «Краснопресненском». Для комбайнера самое страшное — простой. Случается, комбайны стоят с полным бункером. Анатолий не простаивает. Светлана не знает перекуров с дремотой. Она и недоест и недоспит. Быстро действуют и другие шоферы в белых блузках: комсорг второго отделения Аня Денисова, Катя Марченко, Дуся Королева, Фая Плешкова, Галя Ковалева. В совхозе более двухсот домохозяек учились зимой и получили нынче шоферские права! Проблема кадров...

Суббота. Только вчера совхоз принял красное знамя, а сегодня с утра и директор и главный агрономом заняты одним — как удержать его, как повысить темпы жатвы и вывозки зерна. Напряжение все возрастает. На четвертом отделении я видел, как заплакал пожилой комбайнер: лопнул ходовой ремень, а нового теперь не достать. Не только в «Краснопресненском». Интересно, отвечает ли кто персонально за обеспечение целинных хозяйств запчастями? В такой год — и такие просчеты...

Чтобы выдержать взятый темп, в сутки надо вывозить не менее тысячи тонн зерна. Это зависит от намолота, а он зависит...

— Не было сегодня росы?— уточняет Алексей Григорьевич. — Значит, свалим больше...

Я вспомнил, как Ванин, вымокший только что до нитки на первом отделении, приехал на пятое и, узнав, что здесь дождя не было, совершенно счастливый, приговаривал: «Ах, какие вы молодцы! Просто молодцы!» И люди были счастливы, что у них не было дождя. В тот день (это, кажется, была среда) пятое отделение вырвалось вперед.. Роса, солнце садится в тучку, дождь с пузырями — начинаешь, как язычник, поклоняться грому, прислушиваться к ветру.

Но ведь и люди же что-нибудь да значат! Вот они, рядом!

Последние часы в совхозе. Алексей Григорьевич, отсидев на этот раз радиоперекличку, спешит в степь. Уезжают и парторг и главный агроном. А меня напоследок тянет в сад. Яблоки в степи — это само по себе чудо. Сад в «Краснопресненском» — шестьдесят гектаров! — ровесник целинной пашне. А начали с арбуза. В биографии совхоза есть такой факт: уже осенью 1954 года новоселы послали в Москву, в райком комсомола Красной Пресни, собственный арбуз... Но меня лично манил не столько сад, сколько садовод. Виталий приехал на целину с комсомольцами Ивановской области. Работает с четырнадцати лет. По существу, с детства ходил со взрослыми на отхожий промысел. Был монтажником, строил в Ярославле ТЭЦ. А приехал на целину — сел на трактор.

— Теперь вот с деревьями. Чистенький хожу, в белой рубашке на работе... Учился у знаменитого Лисавенко у Михаила Афанасьевича, в Барнауле. Совхоз посылал на целый год. Почему меня? Не знаю, может, любопытство проявил...

А я не представляю, каким был Виталий на тракторе,— он будто родился под яблоней! А ведь предки его все больше с топором... Виталий сетовал: никакой документации по закладке сада, беда... Сад хорошо в жизни помогает. Люди другими уходят из сада. Или вот теперь у нас засолка огурцов, так ко мне за смородиновым листом хозяйки приходят. Закусит человек в метельную зиму — и сад вспомнит!..

Конечно, совхозные мальчишки атакуют сад днем и ночью. Еще бы, яблоки! Прямо на ветках, низко-низко (сорта сибирские). И тогда лает старый, глухой Дон, овчарка на цепи, и тогда улыбается Виталий: лезут, пострелы, нравятся яблоки... Погодите, такие ли еще будут!..

* * *

Шесть суток... Как шесть лет. И как шесть часов. Встречи, встречи, сквозь призму которых во весь рост встало целинное десятилетие. Я не знаю, удержат ли краснопресненцы знамя, но очень хочу, чтобы хлеб они взяли. Весь, до зерна...

Солнца вам, краснопресненцы! Солнца вам, друзья из журавлиной степи!..

Комбайн с поля — плуг в борозду.

Пчелы гудят...

Алексей Ванин и его Галя, ровесница совхоза.

Одно из 69 озер совхоза «Краснопресненский».

А. СОФРОНОВ

Николай Погодин

«ЛУНА ДЛЯ БЕДНЫХ»

Еще в Нью-Йорке при составлении маршрута нам сказали: «Поезжайте в Филадельфию. После Нью-Йорка отдохнете, увидите красивый, спокойный город. Никаких особых встреч у вас не будет, поживете двое суток и поедете дальше, в Вашингтон».

Норман Казинс посоветовал Погодину:

— А вам советую обязательно побывать в доме, где жил Эйнштейн. Вероятно, вам это поможет в работе.

Все оказалось так, как нам говорили: никаких особых встреч не было, но об отдыхе и думать было некогда.

Филадельфия—действительно красивый город, спокойный и нешумный. Очень высоких зданий здесь нет. Их запрещают строить, чтобы не нарушать общий вид города. Любое здание не должно превышать башню Пенсильвания. В городе много зелени, красивые парки. Живописные берега реки. Старое кладбище. Стершаяся плита, под которой лежит прах Бенджамэна Франклина. На центральных улицах Филадельфии, где не так-то уж многолюдно, мы видели немало нищих. Брел негр в темных очках с кружкой; он потерял зрение во время последней войны. Теперь нищенствует. Кто-то рылся в больших ящиках для мусора. Старушка продавала карандаши на тротуаре. Рядом с ней лежал большой открытый кошелек. Возьмите карандаш — положите мелкую монету. Любую. «Каждый нищенствует, как может»,— шутя сказал один из наших провожатых. После бесцельного верчения по городу мы оказались в маленьком рыбном ресторане. В меню здесь числились крабы, лангусты, креветки и прочая океанская снедь. Вечером предстояло еще посещение театра, где мы должны были смотреть пьесу О'Нейла «Луна для бедных». Директор театра, его жена и две актрисы составили нам компанию. Наши собеседники были усталыми людьми. Очень искренними и усталыми. Каким должно быть искусство? Эта тема всплыла за столиком рыбного ресторанчика.

— К сожалению, наш профессиональный театр преследует исключительно развлекательные цели,— сказал директор театра.— Откровенно говоря, нам это надоело. Хочется, чтобы театр улавливал движение человеческих сердец и не опускал человека до уровня обезьяны.

— Очень хорошо,— сказал Погодин.— Согласен с вами. Я даже видел один такой спектакль в Нью-Йорке. Это — настоящее искусство. И ваш театр такой же?

— Посмотрите.

И мы посмотрели. Прямо скажу: мы были разочарованы. Всякие бывают театры, но этот... Можно было только посочувствовать энтузиастам театра. Квадратный зал мест на двести. Не более двух десятков зрителей, девушки-подростки в розовых и белых платьицах. Бедненькая декорация. Сцена без занавеса. Актеры играли грубо и прямолинейно. Сложный рисунок драмы О'Нейла терялся. Казалось, мы присутствовали на одной из черновых репетиций. После первого действия Погодин недовольно пробурчал:

— Играют не то, что написано, и не так, как написано.

Я посмотрел по сторонам. Нас окружали люди, знающие русский язык.

— Тише, Николай Федорович,— шепнул я Погодину.

— Зачем они нам это показывают?

— Они показывают то, что у них есть.

— Это уже не луна для бедных, а театр для бедных.

К нам подвели молодого, бледного человека.

— Познакомьтесь,— сказали нам,— режиссер театра мистер Коган. Постановщик пьесы.

Мы стояли в небольшом фойе.

Коган нервничал: он понимал несовершенство работы, которую мы смотрели.

— Извините,— сказал он,— мы полупрофессионалы. Все актеры где-то еще работают. Сейчас рождаются десятки, если не сотни таких театров. По всей Америке. Мы ставим задачу приобщить нашу молодежь к эстетике, к настоящему театру и драматургии. К сожалению, у нас нет средств. Все очень дорого. За аренду помещения мы платим 600 долларов в месяц. Репетируем в фойе, декорации пишем и строгаем тоже здесь. Все своими руками. Но молодежи нужна духовная пища. Иначе наша молодежь погибнет. Люди должны думать, а они разучились это делать.

— Как вам нравится фильм «Вестсайдская история»? — неожиданно спросил Погодин.

— Печальный фильм. После него не хочется жить. А искусство должно радовать.

— Да, искусство должно радовать,— согласился Погодин.— А что ж вам не помогают создавать такое искусство?

Коган беспомощно пожал плечами.

— Нет денег для этого.

— Такой богатый город... Нашли бы хоть меценатов каких...

— Мы всего второй год существуем...— вздохнул режиссер.— Но мы своего добьемся.

— Вот это правильно. Это правильно,— оживился Погодин.— Театр должен быть театром. Приехали бы вы к нам, посмотрели.

— Я мечтаю о поездке в Советский Союз.

— Так приезжайте.

— Когда соберу деньги на поездку...

...— Черт знает что! — говорил по дороге в отель Погодин.— Вокруг богатство, море рекламы, а театр загоняют в дыру, в какое-то подполье. Ничего себе — богатая Америка!

На другое утро с переводчиком он уехал в местечко, где когда-то жил Эйнштейн. Он пробыл там несколько часов и вернулся очень довольный.

— Мне повезло... Я вовремя все увидел и услышал об Эйнштейне. Придется в пьесе многое переделывать. Театр не терпит фальши. Ах, как хорошо, что я поехал в Америку!.. Как бы я мог все это представить? Можно, конечно, и не видя... Но лучше видеть... Вся обстановка его жизни как-то раскрылась. Даже веревочка стала понятной... Откуда она? Я был там, а думал о вчерашнем спектакле. Они не такие безнадежные ребята. Просто они очень бедные. Я имею в виду материальную сторону. Но, кажется, они что-то начинают понимать. Вы заметили, как режиссер волновался. Ему было неудобно перед нами. Пьес они наших не играют. Значит, перед кем неудобно? Перед той страной, откуда мы с вами прилетели. Не согласны?

Все это Погодин говорил уже в вагоне поезда «Филадельфия — Вашингтон». Потом как-то сразу замолчал и стал внимательно смотреть на мелькавшие мимо поселки, маленькие города. Голые, облупленные стены старых кирпичных домов; тесные, грязные дворы. Бесчисленное количество черноножих ребятишек, играющих в пыли.

— Смотрите, смотрите,— обратился ко мне Николай Федорович,— это то, что нам с вами в поездке не покажут... Вот уж действительно луна для бедных.

В темнеющем вечернем небе висел молодой лунный серпик. Проносились кирпичные коробки домов для негров.

ТОЛЬКО И ВСЕГО

— Ну, ну, посмотрим город Вашингтон и его окрестности,— сказал Николай Федорович, выходя на перрон. По привычке мы тронулись к автобусной остановке, но нас предупредили — отель рядом. Небольшой отель с крошечными номерами, но с аэрокондишеном был действительно рядом. Мы собрались отдохнуть после дороги, но нам сказали: «У вас есть всего двадцать минут. Затем все приглашены на встречи». По привычке, выработавшейся в Нью-Йорке, я собрался ехать с Погодиным в какой-то колледж. Но нас разъединили.

— Вас ждут журналисты на дому.

— Какие журналисты?

— Вас ожидают на квартире редактора журнала «Проблемы коммунизма»...

— «Проблемы коммунизма» в Вашингтоне?!

— Да. Он издается Белым домом.

— Ну что ж, поехали.

Было уже где-то около десяти часов вечера, когда мы с Борисом Волчеком и корреспондентом ТАСС Михаилом Сагателяном подкатили к небольшому коттеджу. Нас действительно ждали. Хозяин дома, редактор издания «Проблемы коммунизма» мистер Бромберг, встретил нас учтиво. Мы расселись по диванам, приготовились к беседе. Здесь был еще бывший корреспондент газеты «Нью-Йорк таймс» в Москве Макс Френкель с женой и еще какие-то люди, оставшиеся для нас неизвестными.

Когда-то, семь лет назад, в составе группы советских журналистов я уже побывал в Вашингтоне. Тогда журналисты Вашингтона устроили в нашу честь обед. Именно на том обеде нами и была произнесена шутка «холодную войну не залить холодной водой», сказанная потому, что на столе к обеду были поданы стаканы с холодной кипяченой водой.

Окончание. Начало см. «Огонек» № 39.

в Америке

После этих слов положение было исправлено, а газеты на другой день вынесли эти слова в заголовок статей о нашем пребывании в Вашингтоне. На этот раз у мистера Бромберга не потребовалось повторения этой шутки. Нас уже ожидали бокалы с виски. Но это все, как говорится, были присказки... Для меня было ясно, что не для того нас пригласили в дом к редактору «Проблем коммунизма», издающихся госдепартаментом, чтобы мы поговорили о погоде, вежливо справились друг у друга о здоровье, попрощались и меня аккуратненько доставили в привокзальную гостиницу. И я не ошибся. Корреспондент «Нью-Йорк таймс» и его миловидная жена немного говорили по-русски. Говорили немного, понимали все. Мистер Бромберг понимал русский язык. Так, наполовину по-русски, наполовину по-английски, и пошла наша беседа, в которой мы в основном отвечали, а хозяева расспрашивали нас. Но чем дальше шел разговор, тем больше мы убеждались в завидной информированности наших хозяев о положении дел в советской литературе, а особенно в московской писательской организации.

— Почему у вас были провалены (имярек) писатели при выборах в правление московской организации?

— Странное дело, имена писателей, которые не получили на собрании достаточного количества голосов для того, чтобы быть избранными, не публиковались в печати.

— Но мы знаем... (следовали фамилии писателей).

— Значит, вы осведомленнее нас.

— Но об этом подробно писала газета «Монд», вы читали?

— Читали... У вас и у газеты «Монд» одни и те же источники информации.

— Почему ваши журналы «Октябрь» и «Новый мир» печатают материалы обычно с диаметрально противоположными оценками явлений литературы?

— А вы считаете, что у нас все журналы должны печатать одинаковые статьи? Вы ж когда-то обвиняли нас в унификации критической мысли и общественного мнения! О чем вы тревожитесь?

— Мы не тревожимся... Но почему все-таки это происходит?

— Потому что именно сейчас у нас есть полная возможность высказывать разные мнения... Но вы называете только два журнала... А у нас еще есть «Знамя», «Москва», «Нева» и другие...

— Какие?

Мы снова перечислили все названия.

— Мы их не знаем.

— Напрасно. В них печатается много интересных произведений.

— Да, возможно... Но нас как-то интересуют эти журналы. А скажите, вы не считаете, что ваша молодежь противостоит старшему поколению?

— Не считаем.

— А вот некоторые книги молодых писателей (следовало перечисление)... В них мы чувствуем кое-что...

— Писатели эти способные, но не всё правильно оценивали в сложный момент, когда наше общество перешло решительно к ликвидации последствий культа личности.

— А вот мы согласны с ними.

— Вы? Почему вы, сидя в Вашингтоне? Вас, вероятно, устраивало бы, если бы это было действительно так. Не торопитесь, эти же писатели напишут книги, правдиво показывающие нашу жизнь. Кстати, кроме этих книг, у нас немало интересных книг, вышедших в последнее время. Вы знаете их?

— «Секретарь обкома»?

— Да, и она в числе других. А вам не нравится?

— Не нравится.

— Напрасно. Книга эта вышла тиражом в несколько сот тысяч. Наши читатели хорошо приняли ее.

— Но были статьи, которые критиковали книгу...

— А вы считаете, каждая критическая статья — окончательный приговор книге? Отстаете, господа... Для нас это, к счастью, пройденный этап жизни. Или вы считаете, что о литературных произведениях могут быть только или резко отрицательные, или резко положительные отзывы?

— Вот еще вопрос. Почему у вас русская литература подавила все остальное?

Тут я не мог удержаться от смеха.

— Извините, господа, вы не тому человеку задаете этот вопрос.

— Как не тому?

— Очень просто. Я слишком хорошо знаю этот вопрос. Я назову имена писателей — Олесь Гончар, Александр Корнейчук, Максим Рыльский, Расул Гамзатов, Чингиз Айтматов, Мухтар Ауэзов, Мирзо Турсун-заде, Зульфия, Рытхэу, Межелайтис... Я бы мог бесконечно продолжить этот перечень... Все эти писатели пишут на своих родных языках и широко переводятся на русский и другие языки нашей родины. Именно с русского языка многие из них переводятся на английский, французский, испанский, арабский и многие другие... В каждой республике, не только союзной, но и автономной, издается литература на родном языке, в школах преподавание идет на родных языках...

— У вас печатались статьи Агаева и Солоухина по вопросу стирания национальных особенностей. Какая вам ближе?

— А вам?

— Нам — Солоухина.

— Странно.

— Почему странно?

— Я же сказал, что вы задали вопрос не тому человеку. Семь лет назад я был в Аризоне, виделся с писателем-индейцем. Он пишет на английском. Почему не на родном?

— Ему, вероятно, так удобней.

— А вас это не тревожит?

— Нет.

— Почему же вы к нам предъявляете одни требования, а к себе другие? В 1955 году мы были в школе для индейских детей. В городе Фениксе. Они обучаются отдельно от детей всего остального населения. Вам это нравится?

— Вероятно, им так удобней.

— А кто вам дал право судить нас? Почему, к примеру, вас так интересует, что происходит в московской писательской организации, и не интересует, что происходит у писателей, живущих в Нью-Йорке или Вашингтоне? Может быть, они вам все-таки ближе?

Это была острая дискуссия. Но, странное дело, дискуссия эта проходила уже совсем иначе, чем такая же семь лет назад. Снова и снова мы почувствовали силу нашей правды, силу советского общества, практическая деятельность которого дает возможность разбивать любые атаки, откуда бы они ни происходили.

— Не ищите щелей в нашем обществе,— сказали мы, заканчивая беседу.— Не найдете.

Мистер Бромберг и его друзья уже приветливо улыбались. С них слетело ожесточение спора.

— Я вам хочу показать своих детей,— сказал хозяин дома.

— Но они, наверно, спят?

— Ничего, ничего, мы это сделаем неслышно.

Мы поднялись по деревянной лестнице в маленькую комнату. В ней было полутемно. Из-под легких одеял виднелись две белокурые головки.

— Вот они какие у нас,— сказал Бромберг.

— Что ж, ради них нам и нужно больше понимать друг друга.

Мы вышли на улицу. Воздух был свежий, послегрозовой. Пахло мокрой листвой. Под фонарями тускло поблескивали лужи...

Возвращаясь в отель, я пожалел: не было на этой встрече Николая Федоровича. Любовь Погодина к таким дискуссиям была общеизвестна.

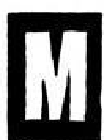
В гостинице стояла тишина. Дремал за стойкой портье. Каких-то два пьяненьких молодца сидели в вестибюле, хлопали друг друга по плечу и тянули виски. Я посмотрел — ключа от номера Погодина не было. Я не стал его тревожить.

Утром мы уже сидели за кофе, когда вошел веселый, хитро улыбающийся Николай Федорович.

— Ах, как я жалел вчера, что вы не были со мной в колледже! Мне там попытались подбросить некоторые вопросики... Но я же и разделал их! Куда им тягаться с нами?! Мы же сила...

Он еще долго был возбужден выступлением в колледже. Сидя в нашем посольстве и смотря по телевизору, как вылавливали из океана американского космонавта Карпентера, и осматривая окрестности Вашингтона, он все вспоминал вечер в колледже. Так я и не успел ему рассказать о нашем немноголюдном сражении; оно показалось мне значительно меньшим и не выделяющимся чем-то особенным. Просто редактор вашингтонских «Проблем коммунизма» мистер Бромберг и его друзья проявили особый интерес к тому, что делается в советской литературе. Только и всего.

В СТАРОМ ЧИКАГО

Мы стояли с Николаем Федоровичем возле одного из чикагских небоскребов. Здание было старое. Обращала внимание потемневшая медная табличка, сообщавшая о том, что этот первый в Америке небоскреб построен в 1863 году.

— Обратите внимание,— сказал Погодин,— в шестьдесят третьем году.

— Да,— сказал я бездумно,— очень давно.

— Вы не вдумываетесь в смысл этих цифр.

Я взглянул еще раз на медную дощечку. Затем перевел взгляд на Погодина.

— Вы же, кроме драматургии, занимаетесь еще и журналистикой.

— Изредка, Николай Федорович.

— Оно и заметно... Какое событие было за два года в России? — И, видимо, не желая меня больше терзать, продолжал: — Отмена крепостного права, так называемое освобождение крестьян.

— Совершенно точно,— обрадовался я.

Погодин не обратил внимания на интонацию покорности в моем голосе. Он был занят уже своими мыслями.

— Понимаете, они начали строить небоскребы, а у нас только начали ликвидировать феодализм!

Мимо нас по тротуару проходили люди с плакатами, на которых было написано: «Запретить ядерное оружие!». Они шли неторопливым, размеренным шагом, доходили до угла и, так же не торопясь, возвращались обратно.

— Вот о чем я говорю,— провожая глазами сторонников ядерного разоружения, сказал Погодин.— Какой путь прошла наша страна за это столетие! Ведь эти плакаты — похвала нашему разуму.

Здесь я уже не захотел снова попадать в положение человека, не понимающего своего собеседника, и сообщил ему о том, что в Чикаго имеется большая группа друзей Советского Союза и активно борющаяся организация сторонников ядерного разоружения.

Когда-то в Москве мы с удовольствием смотрели отличную американскую картину «В старом Чикаго». Близкая по своему содержанию романам Теодора Драйзера, эта картина, в частности, запомнилась сценами пожара в Чикаго, когда обезумевшие стада, сметая все на пути, спасались от огня.

Естественно, у нас возникло желание посмотреть знаменитые чикагские бойни. Пасмурным утром мы отправились на экскурсию. Всегда веселый Алеша, наш гид, сказал:

— Господа, предупреждаю: боен как таковых в Чикаго уже нет. Их в основном сносят, а земли продают. В мире капитализма, как вы знаете, все подсчитывается. Поэтому сейчас дешевле выращивать скот на Западе, в Калифорнии. Там дешевле рабочая сила и откорм скота. Здесь мы посмотрим с вами остатки бывших боен...

Автобус долго петлял мимо небольших кабачков и питейных заведений, возле которых слонялись личности с испитыми, землистыми лицами. Потом проехали по негритянским кварталам. Здесь снова бросились в глаза старые дома, скученность и теснота.

— Негры сами хотят жить обособленно,— сказал нам гид.

И вот действительно остатки чикагских боен. Остались как памятник старые въездные ворота... Да стены, да еще несколько кирпичных старых зданий. За деревянными загородками стояло несколько десятков коров, жующих сено. Пахло деревней и осенью.

— А это свинский замок,— нарушил молчание Алексей, сидевший рядом с Погодиным.

— Что за замок?

— Здесь производится убой свиней.

По обе стороны дороги ревели скреперы, сокрушая остатки каменных стен.

— Неопытный журналист,— обратился ко мне Погодин,— мог бы написать о крушении капитализма в его чикагском бастионе. А это всего-навсего концентрация капитала. И в самом деле — бойни, как бы они ни были знамениты, здесь, сейчас, в новом промышленном городе,— анахронизм. Мне нравится, что их здесь не будет.

Я посмотрел удивленно на Погодина: какая нам, собственно, разница, будут в Чикаго бойни или не будут?

— Надо не бояться прощаться с прошлым, как бы мы ни привыкли к нему. Не удивляйтесь, что я говорю об этом сейчас.

— Вы думаете об Эйнштейне?

— Какая разница, о чем я думаю?

Надо сказать, что в Чикаго я летел со смешанным чувством: желанием увидеть это чрево Америки и вместе с тем ожиданием каких-нибудь происшествий. В 1955 году, когда из Кливленда мы должны были лететь в Чикаго, представители госдепартамента предупредили нас о том, что якобы, по полученным ими сведениям, в Чикаго против советских журналистов готовится опасная провокация и что госдепартамент снимает с себя всякую ответственность за нашу безопасность. Это было заявлено нам после длившейся целый день осады отеля разнузданной толпой из так называемых перемещенных лиц. Посовещавшись, мы решили изменить маршрут и вместо Чикаго оказались в столице штата Юта, сравнительно молодом городе Солт-Лейк-Сити. Тогда мы об этом не жалели, так как в Солт-Лейк-Сити мы встретили доброжелательных людей, впервые увидевших посланцев Советского Союза. И тем не менее время прошло, а осадок остался. Но с первой минуты приземления на чикагском аэродроме, когда нас встретил громкоголосый и очень сердечный человек мистер Терман, и до последней минуты, когда мы покинули Чикаго, взяв курс к берегу Тихого океана, мы ощущали постоянную заботу и внимание наших чикагских друзей.

Красив Чикаго по вечерам. Особенно он красив в районе побережья озера Мичиган. Много мне в жизни довелось повидать крутоизогнутых побережий: и знаменитое «ожерелье Бомбея» с его разноцветными огнями, и чудесное побережье вечернего Баку, да и другие... Мы наблюдали побережье Мичигана из окон огромной квартиры одного из крупных дельцов, строителя Ньюмена, пригласившего в свой дом советских туристов. Видит бог, мы не собирались дискутировать в доме чикагского преуспевающего бизнесмена по вопросам изобразительного искусства. В конце концов каждый развлекается как может. Одним нравятся пейзажи Шишкина и Айвазовского, другим — изображенный на холсте бред пьяного маляра или, словно выдавленные из тюбиков, внутренности бычка. Но не видеть коллекции, собранной хозяйкой дома, было невозможно. Молча, стараясь быть учтивыми, мы переходили от полотна к полотну. Хозяева и их друзья так же молча наблюдали за нами. Какие вызовут впечатления у гостей произведения известных американских художников-абстракционистов? Хозяин дома, очень вежливый человек, с легкой улыбкой наблюдал за нами. Наконец дело дошло до конструктивных изделий. Мы остановились возле одного из них. Трудно было сказать, что находилось перед нами. Основанием конструкции являлся обыкновенный старый, вероятно, выброшенный в металлом автомобильный мотор. В него были впаяны не то жестяные ребра, не то перья, приделана проволока... Погодин никогда не был пуританином в искусстве. Смелый новатор в театре, он и в живописи поощрял поиски художников-реалистов, но здесь... Здесь надо было наблюдать за ним, чтобы понять всю сложную смену чувств, замелькавших в его глазах. Если бы это было у нас, можно представить, как бы он поиздевался над этой «конструкцией», но он был в гостях... Озорная усмешка бродила в его прищуренных, под нависшими седыми бровями, хитроватых глазах. Может, следовало перейти к другому экспонату, но почему-то все задержались возле старого автомобильного мотора. Все ждали, что скажет Погодин, известный советский драматург (а об этом в Америке уже знали из газет).

— Сколько вы заплатили за эту штуку? — вдруг спросил Погодин.

Хозяин дома, вероятно, ожидал чего угодно, только не этого вопроса. Он пожал плечами.

— Платил не я... жена. По-моему, тысячи полторы долларов.

— Пожалуй, автомобиль не стоил столько?

— Такой ничего не стоит... У жены есть свободные деньги, вот она и коллекционирует.

— Понятно,— сказал Погодин.— Вы же строите удобные для человека дома, вы не можете увлекаться таким искусством.

— Я не увлекаюсь, это жена,— уже виновато ответил Ньюмен.

— Жены — опасные люди,— сказал Погодин.

— Мистер Погодин, какое название вы дали бы этому произведению? — спросил один из гостей.

Погодин критически посмотрел на говорившего.

— Сазан на болоте.

— Что такое сазан?

— Рыба.

— Ах, рыба!.. Да, пожалуй, тут что-то есть.

Так автомобильный мотор получил наименование.

У нашего хозяина были в гостях дельцы, владельцы предприятий. Один из них, Бернард Джекобс, владел радиостанцией, специализировавшейся на музыкальных и литературных передачах.

— Мы передаем русскую музыку,— сказал он.— У нас ее любят.

— Какую музыку?

— Чайковского...— И наш собеседник запнулся.

— Напойте ему, иначе он не поймет,— шепнул мне Погодин.

Я напел Джекобсу несколько ставших знаменитыми в мире тактов...

— Шостакович... Седьмая симфония.

— А это? — Последовало еще несколько тактов.

— Римский-Корсаков. Ария Варяжского гостя.

Игра понравилась. В комнате зазвучало: «Эй, ухнем», «Полюшко», «Катюша», «Подмосковные вечера»...

Джекобс безошибочно угадывал мелодии. Потом вдруг поднялся.

— Я сделаю вам сюрприз. Хотите услышать сейчас по радио русские песни?

Кто мог отказаться от такого соблазна?

— Через десять минут мы включим радио,— сказал Джекобс, вернувшись в комнату после телефонного разговора.

И в самом деле, через десять минут комната наполнилась задорными голосами краснознаменного хора Советской Армии: «Калинка-малинка»... Затем зазвучала «Катюша», а закончилась эта передача какой-то несусветной клюквой, сделанной а-ля Лещенко. Но тем не менее обещание было выполнено.

— Вот тебе и калинка-малинка! — говорил Погодин, когда мы мчались вдоль темного озера Мичиган, возвращаясь в отель,— то сазан на болоте, а то калинка-малинка! Калинку-то они не для нас специально держали?

У ТИХОГО ОКЕАНА

то стыдно! — воскликнул Погодин.— Это недостойно человека!

Целый день мы находились в городе Сиэтле, на берегу Тихого океана, прилетев сюда из Чикаго на Всемирную техническую выставку. Восклицание это вырвалось у Николая Федоровича, когда мы забрели на эстрадное представление, где демонстрировались полуодетые дивы и со сцены в публику летела похабщина и порнография.

— Обладать такой высокой техникой, интересными и умными машинами и быть такими нищими духом!

Путешествие подходило к концу. Нагрузка, постоянный недосып, резкая смена температур давали себя знать. Николай Федорович да и все мы устали.

Тем не менее Погодин бодрился, хотя уже здесь он чувствовал недомогание. В Нью-Йорке и Вашингтоне стояла изнуряющая жара, здесь же, на берегу Тихого океана, было днем тепло, а к вечеру сыро и прохладно.

Недалеко от Сиэтла, в Портленде, когда-то приземлился Валерий Чкалов, перелетевший Северный полюс. Об этом здесь еще помнили. Нас встретили с любопытством. Отбоя не было от репортеров. На выставке за нами бродила стая кинооператоров хроники и телевидения. Они проникали всюду, даже в ресторан, ловя момент, когда ты отправляешь сандвич в рот. Это и смешило и раздражало Погодина. Отмахиваясь от них, он говорил:

— Да что вы в самом деле! Где вас этому обучали?

В вечерней газете на первой странице был напечатан огромный снимок, изображающий Погодина во время осмотра выставки. И подпись: знаменитый русский драматург.

Долго Николай Федорович стоял возле одного из экспонатов выставки. Это был большой макет, изображающий крестьянскую ферму в будущем. Авторы макета упрятали все сельские постройки в скалу.

Веселая, пестрая толпа людей шумела вокруг. Матери кормили детей бутербродами. Возле аттракционов стоял шум. Слышались возгласы, приветствовавшие ловких парней, набрасывавших кольца на тоненькие стерженьки. Принимая белых плюшевых медведей, они тут же передавали их своим подругам, и те, прижав их к груди, гордо шествовали по ярмарочным площадям выставки. Вокруг кипела жизнь, своя, непохожая на нашу, но жизнь, где люди радовались солнцу, музыке, свежему ветру, струящемуся от океана... А под стеклом виднелась картина, нарисованная мрачной прозорливостью ожидания ядерной войны.

— Какая гениальная предусмотрительность! — сказал грустно Погодин и отошел в сторону.

Над выставкой возвышалась гигантская башня, вершина которой представляла широкую, оборачивающуюся в течение дня площадку, на которой был расположен ресторан.

Нас пригласили подняться наверх и полюбоваться предвечерней панорамой Сиэтла.

Погодин отказался.

— Плохо переношу высоту, голова кружится. Поднимайтесь, а я отдохну.

Когда через час мы спустились на землю, то нашли Николая Федоровича сидящим на скамейке и что-то записывающим в блокнот.

— Так быстро? — сказал он, недовольный, что ему помешали.— Что у нас еще осталось?

— Есть художественная выставка.

— Идемте... Смотреть положено все, что тебе показывают.

Выставка как выставка. Никаких новостей. Так сказать, прикладная часть к технике. По одной картине Рембрандта, Рубенса, Гойи... И, конечно, без счета абстракция на холсте и в глине. Может быть, мы и прошли бы так, не задерживаясь у полотен, если бы буквально уже у выхода не услышали звон. Мы оглянулись. Что бы это означало? Время было позднее — выставка закрывалась? Нет, как будто все в порядке. Одинокие посетители неторопливо передвигались у стен. Смотрители стояли на местах. Так, оглядываясь, мы незаметно остановились перед какой-то трудноописуемой фигурой, составленной из проволоки, железных стержней, каких-то привесок, тряпочек, висящих там и сям. Напротив конструкции стоял, добродушно улыбаясь, полный полисмен. И в это время стерженьки зашевелились, задвигались, зашелестели, и в зале раздался металлический звон.

Серьезно смотреть на это зрелище было невозможно. Мы стояли около фигуры и дружно смеялись. Глядя на нас, смеялся и полисмен.

— Это уже почище сазана на болоте, тут и сравнений не подыщешь,— сказал Погодин.

Мы вышли на улицу. Автобус опаздывал. Было прохладно. С океана дул холодный, пронизывающий ветер. По тротуару ходил мальчишка-газетчик, предлагая газету, на первой странице которой виднелась крупная фотография Погодина.

Согревшись в автобусе, мы снова стали наблюдать за маленькими домиками, возле которых кто поливал из лейки цветы, кто подрезал газоны. Путь от выставки до гостиницы был немалый. Погодин молчал, а потом, когда мы были близко возле нашего пристанища, задумчиво сказал:

— Вот посмотрели мы ярмарку... Действительно пестро, действительно интересно. Но как же вот живут в этих домиках? Чем живут? Что связывает этих людей друг с другом? Город разбогател во время войны. Это мы знаем. Разбогател на лесе, на пшенице... Тоже знаем... Но вот как живет один человек, который аккуратно по вечерам поливает два куста своих роз и подрезает крошечный газон? Как живет мальчишка, что продает газеты? Собирается ли он стать миллионером? Что он знает о нас? Нет, тут одним посещением не обойдешься...

В ресторане за ужином нас очень медленно обслуживали, и он был очень доволен этим обстоятельством.

— Значит, не только у нас так долго сидишь за столом?

В Сан-Франциско Погодин почувствовал себя неважно. Какая-то боль не давала ему покоя. Наши друзья из института дружбы «США — СССР» вместе с Тамарой Мамедовой повезли его к врачу. Мы тревожно ждали их возвращения. Но Погодин вернулся веселый, нагруженный порошками и пилюлями.

— Все в порядке, старик,— сказал он мне.— Мы еще поживем.

Программа встреч в Сан-Франциско была снова большая. Мы посетили репетицию маленького любительского театра, такого же примерно, как и в Филадельфии, только с той разницей, что театр помещался в бывшем кабачке; чтобы попасть в него, надо было по крутой лестнице спуститься вниз, под землю. Мы посидели полчаса на репетиции, поговорили с режиссером, мечтавшим, как и многие встречавшиеся нам на пути, побывать в московских театрах.

В Сан-Францисском колледже мы встретились с преподавателями литературы. Снова Николай Федорович набросился с жаром на тех, кто пытался доказать, что советские писатели вынуждены писать то, что им диктуют свыше.

— Я беспартийный писатель,— говорил он,— всю свою жизнь я писал то, что хотел. Я писал все: и политические пьесы и легкие комедии, писал пьесы о Ленине. Но я сам, поймите меня, всегда сам выбирал себе тему. Я написал пьесу об Эйнштейне... Может быть, я тоже получил директиву свыше? Или я ее получил отсюда, из Америки? У нас широко ставят пьесы американских драматургов.— Он вытащил список.— Вот они... Издают американских писателей, и старых и новых... Вот они... А у вас боятся... Да, да, боятся поставить какого-либо советского драматурга. Дальше Чехова не пошли... Да поставьте хоть комедию какую. Безыдейную... У нас и такие есть... Неужели вам неинтересно знать, как мы живем?

В беседе принимали участие люди, половина из которых знала русский язык. Некоторые знали его с детства, некоторые его изучали. Под страстным напором слов Погодина они замолкали и еще до перевода на английский язык сочувственно улыбались.

Потом все вышли на зеленую лужайку, чтобы сфотографироваться. Беседа длилась больше двух часов, но все были довольны и веселы. Улыбался и Погодин.

— Вот так-то, старик,— говорил он, похлопывая меня по плечу.

Один из молодых профессоров, преподающий современную американскую литературу и отвергающий старых американских писателей, вызвался показать нам город. Мы сели в открытую машину и понеслись по аккуратным улицам Сан-Франциско. Мы подъехали к гордости Калифорнии — Золотому мосту. Ярко светило солнце. Синие волны плескались в его могучие устои. Мы вышли из машины. В стороне с удочками в руках сидели рыбаки. Погодин улыбнулся:

— Неистребимое племя... Там, где рыба, там и рыбаки.

— Может, хотите — переедем через мост? — спросил профессор.

— А разве можно?

— А почему же нельзя?

— В пятьдесят пятом году нам не разрешали...— сказал я, вспоминая давние запреты.— Сейчас можно.

— Хорошо бы дожить, чтобы нигде человеку запретов не было,— обратился Погодин к профессору.— Как вы думаете?

Профессор был молодой и легко, не раздумывая, сказал:

— Я уверен, что наше поколение доживет до этой поры.

— Ваш оптимизм мне нравится. Здоровый оптимизм. Тогда, наверно, и наши пьесы в Америке играть будут.

— Вот этого гарантировать я вам не могу,— пошутил профессор.

Но Погодин шутку не принял:

— Будут, будут! От нас деваться некуда.

...На другой день мы покидали Сан-Франциско. Автобус мчался по горбатым улицам города. В одном месте Погодин ухватил меня за руку:

— Смотрите... Эх вы, фотоаппарат не приготовили.

Вдоль стены какого-то фабричного здания в очередь стояли люди в поношенной одежде. На лицах их было выражение ожидания. И без пояснений было ясно: это безработные...

Самолет круто взмыл над городом. В окно мы еще раз увидели освещенный солнцем Золотой мост, белые домики на побережье, пароходики в заливе... Мы летели в Лос-Анжелос.

...В Лос-Анжелосе нас предупредили: никаких особых встреч не будет. Запланированы только посещения частных домов.

— Можно ли побывать в Голливуде?

— К сожалению, невозможно. В субботу и воскресенье Голливуд закрыт, съемок нет.

Нет так нет... Мы колесили на автобусе по пустынному огромному городу, раскинувшемуся более чем на семьдесят километров. Побывали возле Голливуда, там, где на цементных плитах сделаны отпечатки рук и ступней знаменитых киноактеров Америки.

Погодина пригласил один из известных писателей. За мной приехал в отель Роман Финдинг, бизнесмен, предприниматель, оборудовавший в Москве несколько современных химчисток и прачечных. Сидя за рулем машины, он несся по Лос-Анжелосу и все время говорил по-русски.

— Мне нравится Москва. Красивый город. Мне нравится бывать в Москве. Там очень приятный мэр. У нас с ним деловые дружеские отношения. Я деловой человек. Я за широкую торговлю между нашими странами. О, вы знаете, мне угрожали, говорили, что я не имею права торговать с Москвой... Я не хочу заниматься политикой, я хочу заниматься торговлей. Какие ж это стратегические материалы — чистка одежды и прачечные? Вы себе представляете? Вы обязательно передайте привет московскому мэру. Что такое война, я знаю. Я служил на флоте. Мне нравится мир... Да и кому не нравится мир? Сумасшедшим...

Дома у Финдинга нас ожидала семья и его друзья. Они с любопытством оглядывали меня. Поначалу молчали, но после того как перешли к столу, неудобство пропало, они засыпали меня вопросами. На многие из них отвечал хозяин дома. Он и детей и жену заставлял произносить русские слова и был очень доволен, когда это у них получалось.

— Нам надо знать друг друга,— говорил он.— Когда знаешь, тогда совсем не страшно. Вам не страшно? — спрашивал он, хохоча, у своих друзей.

В домашнем баре он сам изображал официанта. Откуда-то из-под стойки достал бутылку горилки с плававшим на донышке красным перцем.

— Подарок московского мэра.

Здесь же на стойке возле вентилятора стоял белый телефон. Я спросил хозяина дома:

— Вы все можете делать в Лос-Анжелосе?

— Почти все.

— Соедините меня с Москвой.

Через десять минут я разговаривал с Москвой. Там было утро, а здесь еще вечер.

Как привез, так и отвез меня обратно гостеприимный хозяин.

— Очень рад был познакомиться. Очень рад... Передайте привет...

В гостинице я встретил хмурого Николая Федоровича.

— Ну как провели время? — спросил он меня.

— Хорошо. А вы?

— Вообще-то интересно... Но странный человек этот писатель... Едва мы с ним познакомились, он уже поторопился надписать мне фотографию... Как будто я барышня какая... А впрочем, кто их тут поймет?

* * *

Утром мы улетали домой. Все были оживлены и довольны. Погодин сказал мне:

— Садись рядом со мной. Путь далекий, поговорим, подведем итоги.

Перед самой посадкой в самолет нас попросили сфотографироваться.

— Чтоб знать, кто погиб, если исчезнем где-нибудь в океане,— мрачно пошутил Николай Федорович.

А потом был долгий полет над землей, над океаном. В самолете Николай Федорович снова занемог. Но держался. Посадка была в Гренландии. За красными горами не то уже сѐло, не то поднималось солнце — трудно было понять. Дул холодный ветер. В маленьком аэропорту, выпив по чашечке кофе, мы бродили, рассматривая сувениры из кости, теплые меховые шапки и рукавицы. Потом были пересадки в Копенгагене и Стокгольме. Всего в воздухе мы были 23 часа. Но, странное дело, чем ближе мы подлетали к Москве, тем лучше себя чувствовал Погодин. Он шутил, ходил по самолету, обменивался адресами и телефонами с товарищами по туристской группе, так и забыв «подвести итоги». И только в Шереметьеве, уже обнимая меня на прощание и весело махнув рукой ожидавшей его семье, он сказал мне:

— Хорошая поездка. Интересная. Мы еще слетаем с тобой разок в Америку.

Слетаем? Да вот не пришлось... Но так и остался в памяти большой гражданин нашей Родины, горячий, страстный, умный и насмешливый Николай Федорович Погодин, как будто только что вышедший из боя:

— Куда им тягаться с нами?! Мы сила!

1963—1964 гг.

«ОГОНЕК» РАССКАЗЫВАЕТ О НЕИЗВЕСТНЫХ ГЕРОЯХ

ПУСТЬ откликнутся...

Юр. КОРОЛЬКОВ

Передо мной лежат два письма. Одно из Хажина, что находится под Житомиром, от председателя сельского Совета Виталия Ковальчука. Другое письмо прислал ветеран Отечественной войны Николай Герасимович Мурашко, живущий на Черниговщине, в селе Вересочь. Авторы писем, не зная о существовании друг друга, написали мне по поводу одного и того же события, о котором я хочу рассказать.

Но сначала о том, что произошло много лет назад.

Вскоре после войны мне довелось присутствовать в качестве военного корреспондента в Нюрнберге на заседании Международного военного трибунала. В Нюрнберге я прочел хранимое в нацистских архивах секретное донесение начальника житомирского отделения полиции безопасности оберштурмфюрера Кунце. Эсэсовец доносил начальству о чрезвычайном происшествии 24 декабря 1942 года.

«При проведении назначенной на сегодня особо режимной операции в лагере № 358,— писал Кунце,— были убиты два сотрудника управления после того, как у них было отнято оружие лицами, подлежащими экзекуции»...

Речь шла о расстреле примерно семидесяти советских военнопленных-инвалидов, неспособных работать. Других оснований к расстрелу не было.

Четверо эсэсовцев, включая шофера, расстреляли первую группу военнопленных, приехали за второй, и вот что произошло на месте казни, недалеко от села Хажина.

«Вероятно, дело произошло следующим образом,— предполагает оберштурмфюрер Кунце.— По предварительной договоренности несколько заключенных прыгнули с грузовика на охранявших их сотрудников СС — Пааля и Фольпрехта. После этого заключенные открыли огонь из захваченного ими оружия по остальным двум сотрудникам, которые только благодаря случайности остались целы. Таким образом, из 28 заключенных, доставленных вторым рейсом, четверо были застрелены в могиле, двое — при побеге, и 22 человека бежали. Немедленно был объявлен розыск бежавших. Однако он будет затруднен тем, что имена бежавших неизвестны. Имеются лишь имена всех подлежавших экзекуции, так что в розыск пришлось объявить всех — и казненных уже и сбежавших».

...Прошло двадцать лет. За эти годы я написал роман-хронику «Тайны войны». Идея этого романа зародилась еще в Нюрнберге, и среди документальных материалов я использовал в нем донесение начальника житомирской полиции, сделав участником этой трагедии героя своей книги Андрея Воронцова. Вместе с фронтовым товарищем Андрей спасается от расстрела и продолжает борьбу с врагом.

Долгие годы никто не знал о судьбе беглецов, восставших против своих палачей. И вот я получил большое письмо, которое нельзя читать без глубокого волнения. Писал ветеран войны Николай Герасимович Мурашко.

«Я прочитал вашу книгу «Тайны войны» и вот уже два месяца не могу прийти в себя. Один эпизод из книги, а именно расстрел гестаповцами советских военнопленных, поднял в моей памяти жуткие дни, которые неизгладимо легли на всю мою жизнь. Это и заставило написать вам письмо. Дело в том, что в описанном вами расстреле военнопленных я являюсь действующим лицом».

Так начиналось письмо.

Раненный в боях, с разбитым бедром, Николай Мурашко попал в плен и оказался в лагере под Житомиром.

«В лагере нас не подвергали телесным наказаниям,— рассказывает он,— но от плохой пищи и холода смертность у нас была велика, и к дню, который описан в вашей книге, нас оставалось человек сто.

24 декабря, примерно в три часа дня, к казарме подошли две открытые грузовые машины. Объявили, что всех нас будут перевозить в госпиталь. В первую очередь посадили самых тяжелых инвалидов, большинство из них было без ног и могло передвигаться только с костылями.

Примерно через час-полтора эти машины пришли снова, и последовал приказ погрузиться всем остальным.

Из лагеря машины сразу пошли по направлению на Винницу, но, пройдя с полкилометра, свернули влево к лесу, потом прямо по скошенному полю к оврагу. На дне оврага мы увидели яму, возле которой стоял немец с автоматом. Яма была глубокая, но с машины были видны торчавшие из нее костыли.

Расстрел начали с задней машины. Задний борт открыл пожилой, худой, неряшливо одетый гитлеровец. Рядом стоял толстый немец с винтовкой в руках. Откинув борт, пожилой достал парабеллум и вложил новую обойму. На жизнь надежды никакой не было. Каждый видел свой бесславный конец. Толстый конвоир махнул рукой и скомандовал: «Тва!» По этой полунемой команде двое крайних военнопленных покорно слезли с машины и не спеша пошли к яме. Гитлеровец выстрелил сначала одному, потом другому в затылок и почти бегом вернулся к машине.

Я хотел бы знать: думал ли писатель, что его описание казни будут читать очевидцы, что они снова будут все переживать? Не знаю, остался ли еще кто из нас в живых до сих пор, но после войны два человека, кроме меня, были еще живы.

Так вот, у борта задней машины, с которой начали расстрел, стоял боцман монитора «Смоленск» пинского отряда речных кораблей. В лагере его все звали Матросом, костылей у него не было, но ходил он с крепкой палкой. Возле боцмана стоял армянин по имени Ашот — пожилой человек, заросший бородой. Он был ранен в грудную клетку.

Как только третью пару повели от машины, Матрос громко сказал: «Ашот, возьми палку! Я брошусь». Потом нагнулся к толстому немцу, стоявшему у самого борта, сказал ему: «Пустите меня, я не виноват».

Немец не понимал русского языка. Он снова произнес свою команду «Тва!» и только поднял руку, как Матрос упал на него и обеими руками вцепился в винтовку. В этот момент палка Ашота тяжело легла на переносицу гитлеровца. Он крикнул и выпустил винтовку.

Вскоре все было кончено. Кто-то указал на двух убегавших эсэсовцев. Матрос выстрелил, но произошла осечка. Оказалось, что в винтовке уже не было патронов. Через минуту у машин никого не осталось.

Мысли о спасении у нас не было. Страх тоже куда-то исчез. Оставалось только какое-то злорадное желание как можно дороже отдать свою жизнь. С минуты на минуту мы ждали погони. Только когда поднялись на бугор и очутились на огородах села Хажина, мелькнула мысль о спасении.

Около крайней хаты стоял дед, который слышал выстрелы и понял, что происходит в овраге. Прятать он нас не стал, сказал, чтобы уходили дальше, иначе и нам и ему несдобровать. Дал он мне в дорогу шапку — свою я потерял в схватке,— и мы пошли на другой конец села. Прятались там до вечера, а потом пошли на восток по черному вспаханному полю. Шли ночами, а дни спали в скирдах соломы. Рано утром или поздними вечерами заходили в крайние избы, где нас кормили чем могли. Шли мы вдвоем с Бородачевым Гаврилой из Каменки, где-то на Украине.

Днепр переходили выше Киева и на левом берегу расстались. Гаврила пошел в свою Каменку, а я — на Черниговщину, к отцу. Представьте, какая была у меня встреча с родными! Ушел из дома парнем в расцвете сил, а возвратился изможденным калекой. Мои родные сразу меня и не признали.

Через несколько месяцев Черниговщина была освобождена нашими войсками. Тогда я по-настоящему вздохнул свободно и счастливо».

Вот, собственно, и все, что рассказал в своем письме бывший солдат Николай Герасимович Мурашко о том, что произошло с ним и его товарищами двадцать два года назад. После войны Николай Герасимович ездил на те места. Повидал он деда, вернул ему шапку. Только теперь, через много лет, солдат узнал имя старика — Григорий Петрович Штацкий. Потом солдат-ветеран пошел на братскую могилу поклониться праху боевых товарищей. На могиле лежали цветы, на памятнике благодарные люди вывели надпись: «Слава героям, павшим в боях за Советскую Родину!»

Внимание к павшим до слез растрогало ветерана. Он постоял у могилы и воротился на станцию. Это был единственный случай, когда солдат Николай Мурашко мог бы встретиться с Виталием Ковальчуком, нынешним председателем хажинского сельсовета. Но встреча тогда не состоялась.

А вот другое письмо, о котором я говорил вначале.

«Дело в следующем,— писал мне Виталий Павлович Ковальчук.— В 1942 г., будучи еще в детском возрасте, стал я свидетелем расстрела фашистами наших советских военнопленных. В день расстрела они оказали фашистам героическое сопротивление и победили, хотя многие из них были без рук, без ног. Из рассказа двух пленных, которые побывали тогда в доме у моей матери, мы узнали, что в лагере находились преимущественно командиры и политработники Советской Армии.

С тех пор прошло много времени. Могила погибших была затеряна. Но разве можно допустить это?! Ведь они погибли и за наше поколение тоже. Разве не наш долг, долг живущих, чтить их память? Там лежат наши отцы... И вот наш сельский Совет решил найти и привести в порядок братскую могилу. Мы торжественно перенесли прах воинов и с почестями похоронили их в братской могиле.

Но после того, как мы обнаружили некоторые документы убитых, наш сельский Совет занялся розыском семей тех солдат и офицеров, которые погибли в войну в этих местах.

В вашей книге «Тайны войны» речь идет как раз о том лагере, про который я говорю. Может быть, в донесении гестаповцев есть список расстрелянных? Может, удастся нам сообща разыскать семьи погибших и узнать все о заключенных в лагере. Убедительно прошу вас, если имеется хоть какая-либо возможность, оказать мне помощь в розыске, который предпринимает наш сельский Совет».

Я написал председателю сельского Совета Виталию Ковальчуку, рассказал ему о неожиданном письме, которое получил от Николая Мурашко, сообщил его адрес. Я с нетерпением жду ответа.

А может быть, и еще кто уцелел в тот суровый декабрьский день? Пусть откликнутся!..

ПАМЯТЬ О МЕКСИКЕ

Петр ОССОВСКИЙ

Выставка моя называется «Мексика, 1961—1964 годы», хотя я был там всего 10 дней. Но здесь нет ошибки. Я бы даже так изменил годы: 1957—1964. Потому что освоение мексиканской темы началось еще на Московском фестивале, на встречах с мексиканскими художниками. В то фестивальное лето — лето 1957 года — я и написал свою первую «мексиканскую» картину: портрет живописца Марио Ороско.

С тех пор меня неудержимо потянуло в Мексику. Ни одна страна не могла заставить меня забыть ее: я начал изучать язык и историю этой страны, ее искусство, произведения Ороско, Риверы, Сикейроса...

И вот наконец мечта сбылась.

Маленький автобус мчит по выжженным солнцем холмистым просторам. Скорость — 100 километров в час. Но нам с Виктором Ивановым приходится писать этюды с натуры. С передних сидений — рядом с водителем — обзор великолепный, а пейзаж вокруг почти не меняется — кати хоть час, хоть два. Иногда не совпадают лишь детали. Но сейчас нам не до них.

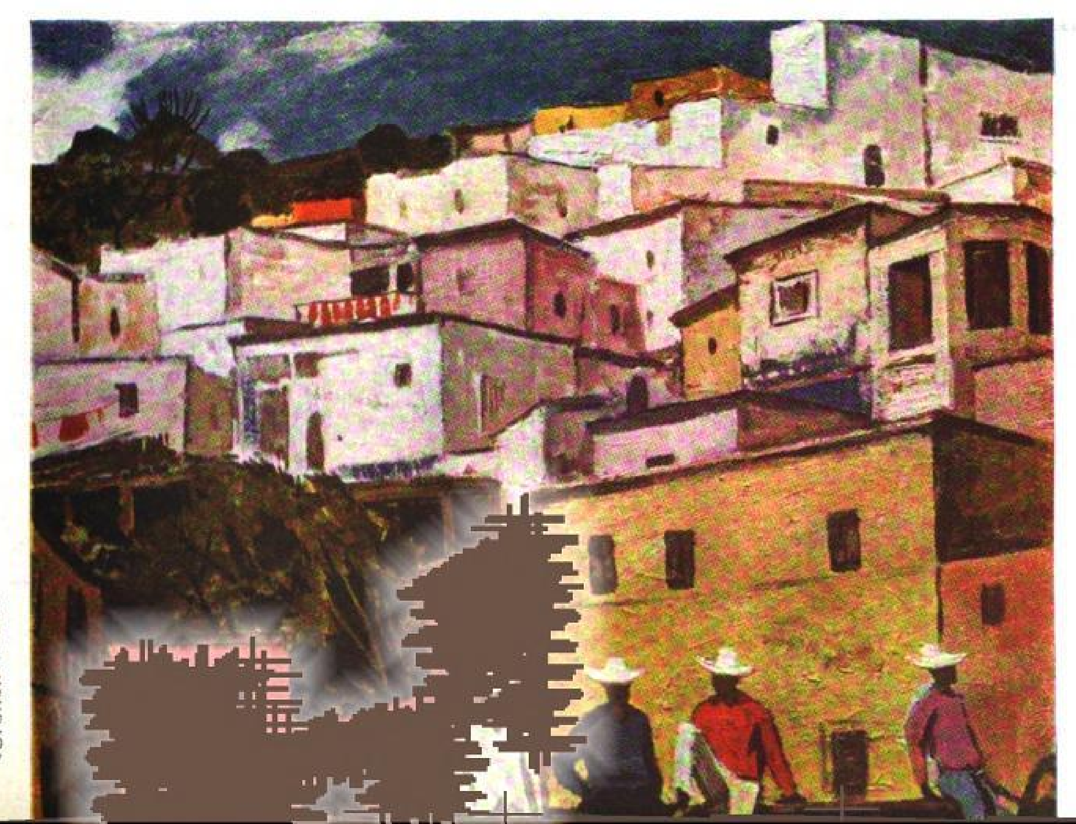
Когда взяты основные цветовые отношения пейзажа, можно закрыть этюдник и оглянуться вокруг. Сама дорога подсказывает сюжет — «Одинокое ранчо», затерявшееся в просторах. Едва успел пометить на этюде фигурки мужчины и женщины... Но автобус летит дальше, отмеряя колесами километры на «Дороге независимости» — так называют мексиканцы шоссейное кольцо, начинающееся у столицы Мехико и опоясывающее все главные, «классические» районы страны. Здесь зарождалось государство, складывалась нация, свершались основные события ее истории: освобождение от испанского владычества, буржуазно-демократическая революция... Города, нанизанные на кольцо дороги, почти все названы именами национальных героев: Идальго — боролся с испанцами; Морелья — здесь священник Морелос ударил однажды в колокол — не к мессе, а в набат свободы; Сан Мигель де Альенде, Гуанахуато... Мы останавливались в роскошных отелях, но смотреть на все это расцвеченное, сверкающее, громоздящееся великолепие нам с Виктором было досадно. Живая, горячая, настоящая Мексика оставалась там, вдоль дороги, за стеклом автобуса!..

Иной была бы мексиканская серия, если бы Мексика сама не притормаживала колеса неугомонного автобуса.

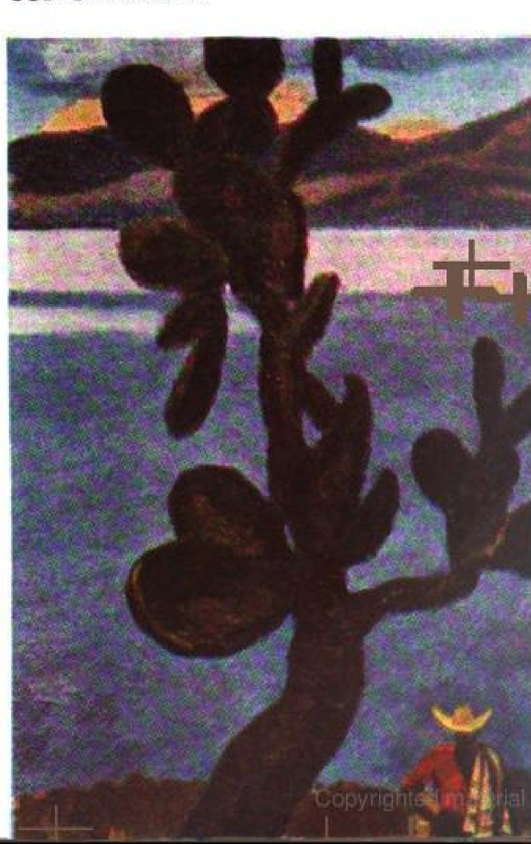
В деревушке Сан Луис Сойятлан нам посчастливилось: остановка на целых 6 часов! Обрадовался я несказанно. Буду писать вон тех, что сидят вдоль улицы. Но не тут-то было. Заговариваю с ними на их родном языке — в ответ равнодушное молчание. Протягиваю пачку сигарет: обычно это — безотказное средство для растапливания льда, но, увы, реакция та же... Времени на уговоры нет. Раскладываю мольберт и пишу. Вскоре самые любопытные — конечно же, это мальчишки! — не выдерживают и подходят. Раздаются темпераментные возгласы: узнают не только дома и улицу, но и односельчан: вот Мигель, а это Хесус!.. Медленно, все с теми же хмурыми лицами, подошли наконец и взрослые. Я снова вынул сигареты. Теперь руки протянулись — корявые, натруженные... Пачки не ста-

П. Оссовский. СЕМЬЯ.

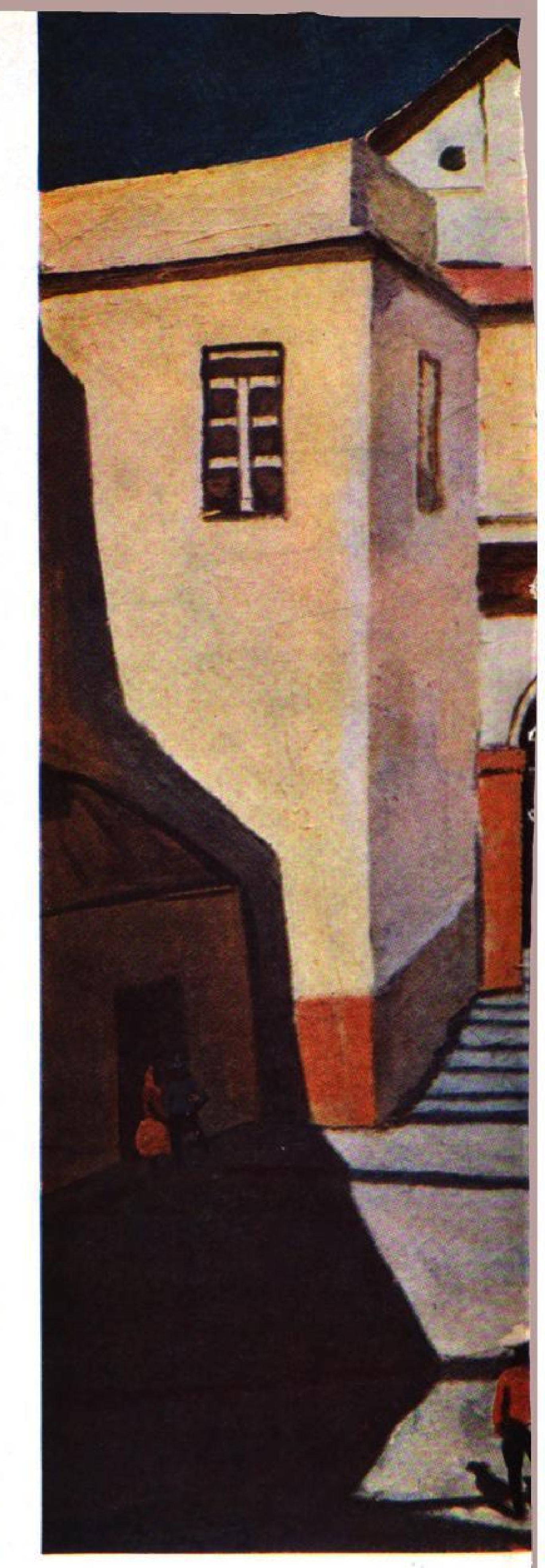
ГУАНАХУАТО. ПОЛДЕНЬ.

ОЗЕРО ЧАПАЛА.

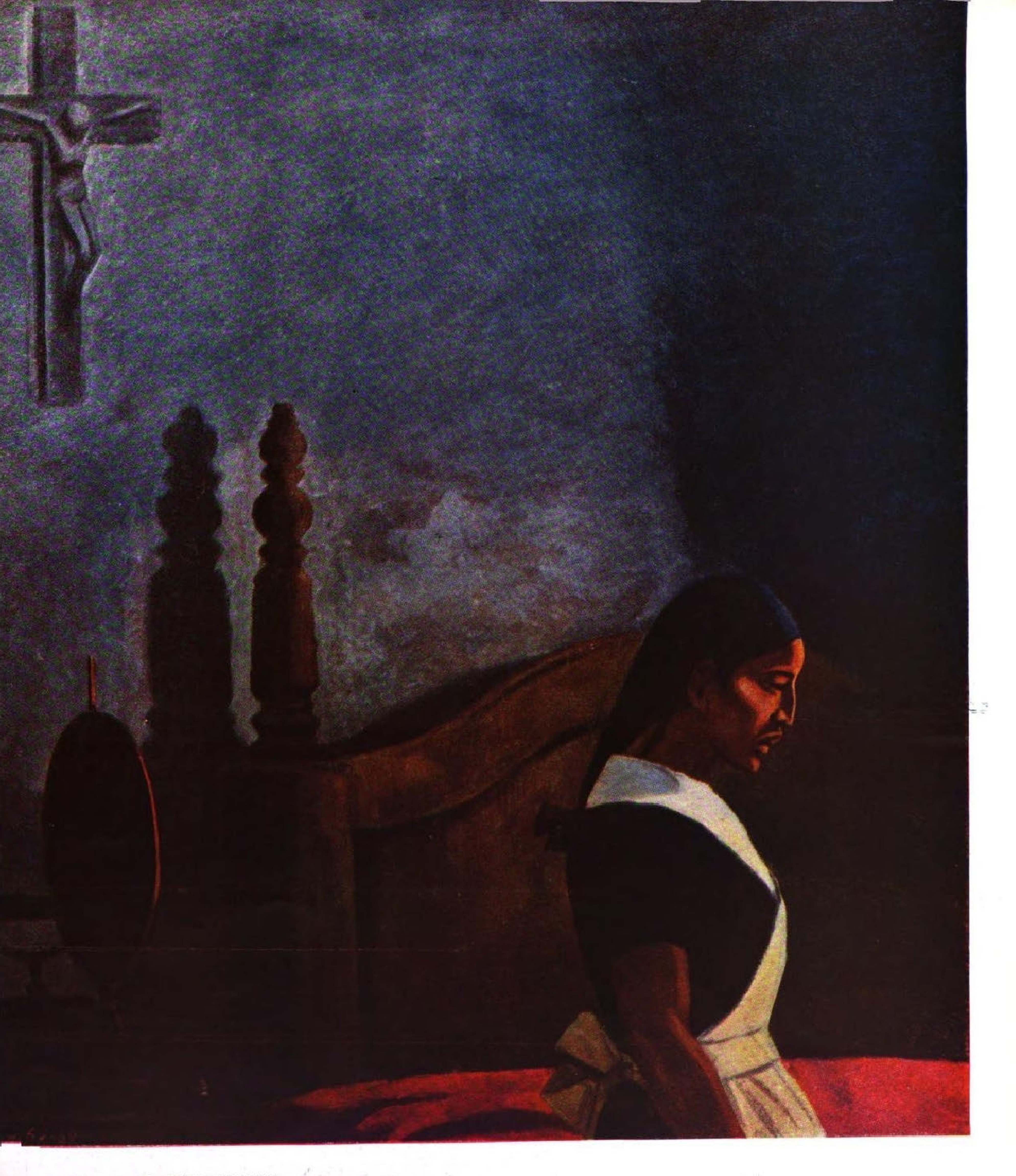
П. Оссовский. МЕКСИКАНКА.

ГУАНАХУАТО.

МЕКСИКАНЕЦ.

П. Оссовский. СТАРАЯ ГОСТИНИЦА.

ло. И вот мне уже позирует крестьянин. Когда я воспроизвел на бумаге его черты, передо мной тут же уселись еще двое, а потом и трое... Пришлось объяснить, что одновременно троих рисовать я не в состоянии; тогда установилась очередь. Через час мы с Виктором работали в центре оживленно шумевшей толпы; тут были и всадники и мальчишки на осликах — великое богатство типажей!..

В городе Сан Мигель де Альенде я мысленно благодарил полицию за непредвиденную остановку: уж не знаю, что там у них случилось. Но вот вижу, навстречу мне по каменным плитам улицы поднимается женщина в черном платке, с огромными диковинными белыми цветами в руках. Скорее выпрыгнул из автобуса и, пятясь, сделал набросок фигуры. Лицо женщины я, конечно, не успел зарисовать и дома написал его, использовав другие свои рисунки. В этой картине я не боялся подражать Диего Ривере и делал это сознательно, чтобы глубже проникнуть в дух народа через творчество его художников, а также в память об этом замечательном мексиканском живописце.

Рядом с «Мексиканкой» возник и мужской безымянный портрет. Требовала его сама древняя Мексика, как, впрочем, и моя собственная тема (вечная тема в искусстве!) — жизнь человека земли.

На холсте я повторил с рисунка лицо того юноши, что позировал мне на базаре в индейском районе города Гвадалахары. Сзади поместил я ту самую уличку, которую узнавали на моем этюде мальчишки из деревушки Сан Луис Сойятлан. Добавил сюда только церковь да слегка приглушил краски на стенах домов. Мексиканцы, как все южане, любят яркий цвет; каждый хозяин красит свое ранчо в любимый — красный, желтый, ярко-голубой... На таком интенсивном фоне исчезло бы лицо человека, а оно должно было стать главным.

Впечатление о Мексике не укладывалось у меня в путевые заметки — этюды, зарисовки... Я просто не успевал создать тот «отчет художника» о поездке в страну, какие теперь стали у нас довольно частым явлением. На первых порах я, правда, тоже начал было по этюдам писать «отображательные», как я их называю, картины. Но Мексика требовала и советовала: ничего, что материала мало, а ты все-таки замахнись на большие картины. Выскажись, иначе все равно не успокоишься. И я попробовал... Потому что хотел рассказать о простых людях Мексики, об их трудной жизненной дороге. О том, каким пóтом полит каждый кусок маисовой лепешки для человека, ковыряющего мотыгой сожженную солнцем, каменистую землю. Вот так появился мой триптих: «Одинокое ранчо», «Семья» и «Дорога». Все эти сюжеты я, как уже сказал, видел мельком. Но написал я не то, что видел одно лишь короткое мгновение, а то, что пережил, продумал и понял. И не в одной только Мексике, а за всю жизнь.

Конец путешествия особенно мне запомнился. Нас поселили не в новом, оборудованном по последнему слову техники отеле, а в старинной гостинице «Варрей де Мендоса». Она как была построена лет 200—300 назад, так и сохранилась до сих пор. Мы рассмотрели, ощупали там все: и средневековые стены из небеленого камня с традиционным распятием в изголовье кровати и дубовую кровать, низкую, широченную, крытую одеялом из темно-красного бархата; подивились на доисторический медный гонг, которым несколько поколений постояльцев вызывали горничную, и не меньше на телефон — в том виде, каким он был в год своего изобретения...

А утром, когда мы уже покидали гостиницу, в комнату вошла темнокожая служанка в белоснежном крахмальном переднике, молчаливая, чем-то похожая на древние изваяния. Остановилась, задумавшись. И так была красива, печальна и значительна эта картина, увиденная на прощание, что хотелось сразу же набросать ее. Но гид уже торопил нас...

В Москве перед мольбертом я вспомнил то далекое утреннее впечатление, которое само встало перед глазами во всех подробностях.

Вот так и сложилась серия, которую я посвятил народу Мексики, всем людям, которые трудятся на большой нашей земле, чтобы в благодарность она давала нам хлеб и плоды — жизнь, простое человеческое счастье...

Синеборье

Виктор **ПОЛТОРАЦКИЙ**

Рисунки **Л. ХАЙЛОВА.**

1

Давно, уже много лет живу в городе. Уклад и порядок городской жизни стали мне привычными и, кажется, необходимыми. И высокие каменные дома, и асфальт тротуаров, и огни светофоров на улицах, и метро, и троллейбусы, и многое другое, что неотделимо от города, стало также неотделимым и от моего быта, привычек и представлений. Но иногда случается так, что проснешься вдруг среди ночи в своей городской квартире и услышишь, а может, и не услышишь, только почувствуешь, как плещутся в камень московских застав волны Зеленого моря, несущие запах хвои и теплой земли. И тут же припомнишь знакомую черемуху, склонившуюся над мало кому известной мещерской речкой Стружанью. Припомнишь с такой пронзительной ясностью, что почувствуешь холодновато-горький запах цветов и увидишь всю ее от нижних, кем-то грубо обломанных веток до самой макушки, где цветы вроде уже и не белые, а слегка позолоченные сиянием майского дня. Да и не только саму черемуху, но и травянистую полянку возле нее, и желтые чашечки первых купальниц, и пока еще по-весеннему нежно-зеленые лезвия аира, поднявшиеся из темной воды.

И так же явственно услышишь кукушку в бархатной чаще соседнего ельника; бессознательно, по привычке прошепчешь: «Кукушка, кукушка, сколько лет жить мне?» — и с замирающим сердцем будешь внимать ее вещему счету.

Потом придет день, начинающийся, как обычно, утренним голосом радио, нарастающим шумом улицы, свежей газетой, отзвуком сердцебиения мира, в котором противоборствуют горе и радости. Он захватит, затормошит постоянными, как вечность, заботами, захлестнет суетой и заставит забыть ночное видение. Но где-то, может быть, в самой глубинке души, освежающим родничком будет пробиваться: «А у меня есть знакомая черемуха над Стружанью». И от этого самый день становится светлее и чище...

С давних пор влекло меня к еще одному не открытому и не виденному мной родничку — Синеборью.

Оно звенело во мне песней зяблика, отзывалось голосом черноголовой славки и посвистом иволги, шумело высокими шапками бронзовых сосен и вкрадчиво шелестело листвою берез. В нем мне чудились волны Зеленого моря.

Знал я, что Синеборье расположено в Муромских древних лесах, был много наслышан о самобытной его красоте и каждое лето загадывал побывать в том краю.

2

В знойный июльский полдень стояли мы с Сергеем Васильевичем Лариным, владимирским писателем и охотником, на гребне городского старинного вала. Прямо перед нами, за Клязьмой, бескрайне синели Мещерские и Муромские леса.

— Вот так и поедешь по этой дороге на Судогду, а от Судогды бери влево, на Чамерево. Там оно и есть — Синеборье, — напутствовал Ларин.

Он и сам бы поехал со мной, да дела не пускают. Сергей Васильевич на должности: работает заместителем редактора областной газеты. Мы с ним почти ровесники, обоим за пятьдесят, но за последнее время он погрузнел, появилась одышка.

— Таких сел, как Чамерево, у нас в области больше нет. Единственное в своем роде, — говорит он. — Впрочем, не буду рассказывать, своими глазами увидишь...

И вот я уже еду в желанное Синеборье. Дорогу с обеих сторон обступают старые березы, а к самому полотну ее выбежали ромашки, пунцовые звездочки дикой гвоздики, розовые свечки кипрея.

Перемахнув мосток через речку Сойму, не доезжая до Судогды, сворачиваем налево. Бывалый шофер объясняет:

— Мы тут по летничку на Лаврово выскочим. Километров десять выгадать можно.

Едва приметный, мало наезженный летничек выводит нас к каменке. Мощенная булыжником, она окаймлена высокими лиственницами и напоминает аллею старого парка. За лиственницами — чистый сосновый бор. Сосны одна к одной — высоки, прямоствольны. Стоят они в линейном порядке, как гренадерский полк на парадном смотру.

— Саженый бор-то?

— Саженый, — отвечает водитель. — Это все были дачи помещика Храповицкого. Но за порядком следил управляющий, немец Тюрмер. Это ученый-лесовод. Он много полезного сделал. А сам-то Храповицкий в Питере жил и из здешних лесов только капиталы выкачивал да на трюфелях проедал. Когда революция произошла, он за границу подался, во Францию. Там и помер. Жена у него была совсем глупая, — добавил водитель.

— Что так?

— Ну как же: в тридцатых годах прислала она здешним колхозникам письмо из Франции.

Пишет, что барин, мол, помер, оставил ее без денег, и требует, чтобы мужики высылали ей на пропитание. А я, дескать, за это землю и лес обратно не буду требовать.

— А колхозники?

— Что колхозники, прочли письмо, посмеялись и написали ей: дура, мол, ты, бывшая барыня. Землю и лес у нас обратно теперь уже никто не возьмет. Вечно владеть будем.

Из лесного массива каменка выбежала в поля, окаймленные рощами, поднялась на взлобок.

— А вот и Чамерево.

Село и впрямь выглядело совсем необычно: на горке в окружении сосен и старых берез стояли крепкие бревенчатые дома сплошь с вывесками: «Участковая больница», «Сельский Совет», «Школа», «Правление колхоза «Красное Синеборье», «Ветеринарный пункт», «Библиотека». И еще — два магазина, хлебопекарня, клуб, контора сельпо. Только немного поодаль, возле старой каменной церкви, ютились три домика, когда-то принадлежавшие церковнослужителям. Но церковь давно уж закрыта, ее служителей и след простыл, а в домиках живут теперь сторожа-пенсионеры.

В сельском Совете застал председателя — Федора Леонтьевича Антонова — и директора школы. Разговор у них шел об олифе, белилах, сурике.

— То строимся, то ремонтируем,— пояснил председатель.— Вот недавно новый дом для больницы поставили, а теперь пристройку к школе заканчиваем. Вы первый раз здесь? Село необычное? Все говорят так. В Чамереве-то у нас только деловой центр, а население живет в окружных деревнях. Они рядом — Михалево, Рамешки, Бокуша, Поддол, Попеленки, Слащево. Ближняя отсюда — Михалево, метров четыреста, а и до самой дальней пяти километров не будет.

Директор школы, Иван Васильевич,— географ. Он уточняет:

— Это только Малое Синеборье. Оно расположено по водоразделу между Соймой и Судогдой. Большое же Синеборье, охватывающее боровые леса, простирается дальше. Чамерево стоит на песчаном холме, изобилующем камнями моренного отложения. Отсюда открывается чудесная панорама всей местности. Пойдемте на улицу, я вам покажу.

— Погоди,— останавливает председатель и, обращаясь ко мне, спрашивает:— С жильем устроились?

— Нет, о ночлеге я еще не подумал.

— Это у нас не проблема. Устроитесь.

С директором школы мы выходим на улицу. Прежде всего он хочет показать свою школу. Там ремонт. В одном отделении красят пол, в другом конопатят новые стены.

Иван Васильевич показывает, как будут расположены классы, ведет в другое здание, где предполагается открыть интернат.

Потом мы выходим на самый гребень холма, к старой церкви. Отсюда видно и темный сосновый бор и пойму реки. У самой воды она заросла кугушником и осокой, а дальше выкошена, и там, над покосом, поднимаются сизые шапки свежих стогов.

— А еще я вам покажу одно диво,— обещает Иван Васильевич и предлагает спуститься вниз.

Спускаемся по плотно выбитой тропочке, и у самого подножия холма вдруг открывается родник, заключенный в четырехугольное гнездышко сруба. Вода в нем хрустально чиста, и видно, как на дне сруба пульсируют перламутровые песчинки. Из-под нижней колоды вытекает небольшой ручеек.

— Живая вода,— говорит Иван Васильевич.— Этот родничок даже зимою не замерзает, а кто попьет из него, тот уж непременно душой к Синеборью привяжется. Попробуйте-ка, на вкус-то какая!

Черпаю ладонью холодную воду и пью...

3

Я устроился в Рамешках, у Сергевны.

Высокая, седая, но еще крепкая, как береза, она сказала:

— Живи. Все равно изба-то пустая. Одна я осталась, с кошкой. Старик давно уже помер, дочь в Судогде, у сына свой дом, а второй сын с войны не вернулся. Гляди-кося, какой был.

Она показывает портрет черноглазого мальчика.

— Неужто такой на войну ушел?

— Нет, двадцать третий год ему был, как призвали. А карточка-то у меня лишь такая осталась. Да ведь для матери какой хошь будь — все дитятко.

В избе у Сергевны чисто, пахнет сухими травами. Окна весь день открыты. Ветер шевелит и раздувает ситцевые занавески.

Справа к избе примыкает сад. Вдоль изгороди густо разросся терновник, за ним яблони. На ветках грузно висят плоды, еще не тронутые румянцем.

Сергевну часто, по нескольку раз в день, навещает внук, четырехлетний мальчик Митя, в зеленоватой клетчатой рубашонке и в коротких вельветовых штанишках. У нас с ним установились дружеские отношения. Митя открыл мне тайну — маленький шалаш на задах, за бабушкиной избой. Он построен из веток тальника и стеблей высокого конского щавеля. В шалаше собраны драгоценности — глиняная свистулька, велосипедный звонок и разноцветные осколки фарфоровых чашек. Есть даже такой, на котором полностью сохранился голубенький цветок незабудки.

В полдень мы ходили с Митей на старицу Соймы. Крутой берег ее зарос мелкой кудрявой травою — спорышем, а дно песчаное, чистое. Удобно купаться. Когда я скинул брюки, рубашку и остался только в трусах, Митя заметил на левом предплечье у меня коричневое пятнышко величиной с боб.

— Это почему? — спросил он.

— Так, родимое пятно.

Глаза у мальчика округлились, наполнились страхом.

— Значит, ты пьяница?

Вопрос смутил меня своей неожиданностью.

— Откуда ты взял?

— У нас в деревне есть Лёха — пьяница. Он со всеми ругается, а зимой бегал босиком по деревне. Один раз пришел к нам учитель, и они с папой стали говорить про Лёху. И Иван Васильевич сказал: «Дают еще себя знать эти проклятые родимые пятна».

— У меня оно не проклятое,— успокоил я Митю.

— Это хорошо,— сказал он.

Когда вернулись домой, Сергевна сидела на кухне и выбирала малину. Я прошел в горницу, а Митя остался с бабушкой. Они о чем-то шептались. Потом Сергевна сказала:

— Будя болтать-то. А у тебя вон на спинке тоже есть пятнушко.

...Синеборье славится искусными плотниками, поэтому избы в здешних деревнях, как на подбор, аккуратны, окна высокие, с резными наличниками. Почти перед каждой избой скамеечка.

В золотой предзакатный час, нахлопотавшись по дому и в огороде, Сергевна говорит:

— Пойду погуляю на лавочке.

Выходит, садится на скамеечку. К ней присоединяется кто-нибудь из соседок-ровесниц. Они сидят, разговаривают, по-ихнему — гуляют.

Перед домом наискосок от Сергевниного на скамеечке гуляет кряжистый старик. Большой хрящеватый нос его загнут крючком. В лохматых бровях седина. Это Андрей Павлов, бывший председатель сельского Совета, а теперь по старости лет пенсионер.

Однажды он позвал меня, подвинулся, предложил:

— Погуляйте со мной.

Я сел, закурили.

— В новой больнице были аль нет? — спросил Андрей Павлов.

— Заходил.

— На потолок обратили внимание?

— А что?

— Низковат. Я ведь говорил им: в больнице потолки полагается выше делать, чтобы кубатура была. А он недоглядел. В пекарню еще наведайтесь. И там порядку не стало. Молод нынешний-то, опыту нет. Это я вам говорю как коммунист коммунисту. Заботы не проявляет.

— Кто?

— Федор-то. Молод еще.

Нынешнему председателю Совета Федору Леонтьевичу лет сорок пять. Все отзываются о нем как об энергичном, толковом работнике. И рекомендовал-то его сам Андрей Павлов, но теперь старику кажется, что новый молод, неопытен и что вообще с тех пор, как сам он, Андрей Павлов, ушел на пенсию, дела пошли хуже: вот высоту потолка в больнице не предусмотрели, в пекарне порядка нет...

— Бывало, ночей не спишь, все думаешь, как то, как это решить. А нынешний? Он даже в спектаклях участвует. Зимой постановку делали, и, понимаете, на сцене роль представлял.

— Что ж тут плохого?

Андрей Павлов удивленно глядит на меня, долго, тяжело думает и отвечает:

— Председателю разыгрывать роль неудобно.

Мы курим, молчим, потом старик принимает решение:

— Дождя давно не было, пойду капусту полью... А в пекарню-то вы как-нибудь загляните. Напишете, не напишете — ваше дело, а они все-таки вывод сделают.

4

В Чамереве я неожиданно встретил знакомых. Это были рабочие из Гусь-Хрустального. Четырнадцать человек. Завод послал их сюда на две недели помочь колхозу «Красное Синеборье» управиться с сенокосом.

Я давно уже не бывал в Гусь-Хрустальном. Там теперь много нового. Строится большой экспериментальный завод. Он будет филиалом Всесоюзного института стекла. Начальником строительства назначили Джима Клегга. Я знал его, когда он был еще мальчиком. На старом хрустальном заводе тоже идет реконструкция.

— Приезжай, там есть на что поглядеть.

Я, в свою очередь, спросил у них:

— Здесь вам нравится? Не правда ли, сказочный уголок? Смотрите, какой чудесный вид открывается с этой горки.

— Красиво,— ответил мне высокий худощавый алмазчик.— Только, видишь ли, пейзажем-то сыт ведь не будешь. Для этого требуются более материальные вещи, скажем, мясо, хлеб, молоко. А по этой части в колхозе не очень благополучно. Со своим производственным планом он не справляется, просит помощи. И вот присылают нас. Мы косим, мечем сено в стога. Но много ли наработаем? Ведь по профессии я не косарь, а мастер алмазной грани. Хрусталь шлифовать — пожалуйста, а косу как следует отбить не могу.

Колхоз платит рабочим по установленным расценкам и нормам, но весь этот заработок уходит у них на харчи. Правда, на заводе за ними сохраняется пятьдесят процентов оклада.

— Но ведь это нам утешение, а государству? — сказал алмазчик.— Во-первых, пятьдесят процентов оклада идет нам ни за что ни про что, а во-вторых, колхозники привыкают к тому, что кто-то приедет и будет им помогать. Ведь это не первый случай, а из года в год повторяется. Вот как раздумаешься об этом, так и пейзаж потускнеет.

— В чем же, по-вашему, причина недостатков в колхозе?

— А их, видно, много, причин-то. По части агрономии и зоотехники я, конечно, не специалист и рекомендаций дать не сумею, а вот по части организации скажу, что порядка здесь недостаточно. Управленческий аппарат излишне раздут, производственная дисциплина хромает. Ведь как иной раз получается: мы — на покос, а некоторые колхозники — в лес по ягоды... Председатель — человек приезжий, из Судогды. До сих пор на два дома живет. Я как-то поинтересовался: сколько, мол, сельхозугодий-то у колхоза? А он отвечает: «На память сказать не могу, надо по книгам свериться». Это что же, хозяин? Вот думаем с колхозными коммунистами поговорить. Надо решительно поправлять дело...

А так ничего. Места здесь очень красивые,— заключил свои суждения мастер алмазной грани.

5

Душа Синеборья — лес. В самом названии этой местности колоколами гудят высокие сосны.

Я тут познакомился с одним лесником. Живет он в деревне Бокуше. Фамилия — Медведев. Александр Кузьмич. Высокий темно-русый мужчина лет тридцати.

Однажды сидели мы с ним на берегу Судогды, и я вслух восхищался таинственной, как казалось мне, прелестью лесной чащи, темневшей за солнечной лентой реки.

— Это еще не лес, а так себе, чернолесье,— остановил мои восторги лесник.— Вот если бы заглянули в Удел (есть такое урочище), то там сплошь боровые сосны. Им уж лет по двести, а они могучие, крепкие. Обушком топора по стволу легонько ударишь — как медь отзывается. Высота — тридцать пять метров. Одно такое дерево до двенадцати кубов деловой древесины дать может.

— Поди, и рубить-то их жалко?

— А здешние леса и не подлежат массовой вырубке. Они водоохранное значение имеют. Выруби — реки иссякнут и земля высохнет. Наше дело теперь — беречь и облагораживать лес. Дерево срубили — другое сажай.

— Да пока еще они вырастут...

— Пока сосна до полной спелости вырастет, восемьдесят лет надо ждать. Одной человеческой жизни не хватит. Тут эстафета поколений нужна, преемственность заботы.

Дело свое Медведев любит самозабвенно. С упоением рассказывал он мне о новых посадках сосны и сибирского кедра, о борьбе с огнем и лесными вредителями, о ягодном и грибном изобилии Синеборских лесов.

Я спросил у него:

— А охота здесь какова?

— По боровой дичи у нас самые охотницкие места,— сказал он,— только дичи-то год от году меньше становится.

— Что так?

— Енота в наши края завезли. Он расплодился, как бедствие. Хуже волка. Боровая-то дичь, как известно, гнездится понизу, а енот дуром истребляет яйца, птенцов да и взрослую птицу. Но в конце-то концов не енот, а сами же мы виноваты: мало внимания уделяем природным богатствам и распоряжаемся ими порой неразумно. Ведь козла в огород на капустные грядки даже круглый дурак не выпустит. А тут? Валяй, разводи енота!

А сколько лет к лесам относились поварварски!— продолжал он с горечью и возмущением.— Возьмите хоть тот же Муромский лес. В песнях о нем поется, в былинах поминали его. А знаете ли, что под самым-то Муромом леса вовсе уже не осталось? Голое место...

Мы долго еще говорили о печалях и радостях, связанных с лесной работой Медведева. Между прочим узнал я о том, что мой новый знакомый учится на заочном отделении лесного техникума и через год ему уже предстоит защита диплома.

Беседовать с ним было интересно не только потому, что Медведев отлично знал свое дело, но и потому, что в рассказах его открывалась светлая, искренняя любовь к природе родного края.

В тот день, возвращаясь из Бокуши в Рамешки, на тропинке, капризно петлявшей по частому молодому березнячку, я встретил черноглазую девочку лет тринадцати, в легком ситцевом платьице, с толстой и, видно, тяжелой сумкой через плечо. Она отступила с тропинки, степенно, как взрослая, поздоровалась. Я ответил:

— Здравствуй, красавица.

И мы разошлись.

Дома же, когда сказал, что иду из Бокуши, Сергевна спросила:

— Светку не встретил ли?

— Какую Светку?

— Внучку мою, сестренку Митину. Она в Бокушу с книжками побежала. «Бабушка,— говорит,— я книгоноша». Это, видишь ли, чамеревская библиотекарша Мария Григорьевна дает им книжки, а они по деревням несут кому требуются. Зимой и мне приносили. Я толстые все беру и читаю исподвольки. Ползимы «Тихий Дон» читала, а с ползимы — про Степана Разина. Ну, я-то читаю только зимой, а есть которые и летом время находят. Вот Светка и бегает. На собрании, слышь-ко, ее хвалили за это. Она хошь и внучка мне, а все равно скажу: девчоночка славная, без дела не усидит. То на покос подгребать ходила, то вот: «Я книгоноша»...

6

Сноха Сергевны работает старшей дежурной сестрой в Чамеревской больнице, поэтому Сергевна пребывает в курсе всех новостей, связанных с медицинским обслуживанием Синеборья.

Именно от нее я узнал, что главный и единственный врач Анна Александровна сейчас в отпуске и что заменяет ее фельдшер Любовь Васильевна. Сергевна сообщила мне даже такую подробность: в следующую субботу исполняется ровно пять лет, как Любовь Васильевна после окончания медицинского техникума впервые приехала в Чамерево.

— Родом-то она муромская. Сюда приехала вовсе молоденькой. Все Люба да Люба. А на работе оказалась такой деловой да внимательной, что Любовь Васильевной стали звать. Когда главный врач уедет куда или в отпуск уйдет, первая замена — Любовь Васильевна. И ведь справляется. Тут вот недавно привезли к ним в больницу очень тяжелого. Сноха говорила — инфаркт. Анны-то Александровны не было. Ну, все и переполошились: как быть? Не дай бог смертного случая. А Любовь Васильевна строгая сделалась и только командует: «В отдельную палату, камфору, шприц...»

Сергевна даже в лицах представила, как решительно распоряжалась тогда фельдшерица и как расторопны были дежурные сестры.

— Полтора суток из палаты не выходила, сама извелась, а человека к жизни вернула...

Вечером стояли мы с директором школы Иваном Васильевичем возле пристройки и разговаривали о том, успеют ли отделать ее к первому сентября и не придется ли начинать учебный год в старом здании. Дело оставалось за тем, чтобы вставить оконные рамы, навесить двери и закончить внутреннюю отделку.

Ивану Васильевичу хотелось, чтобы пристройка была закончена в срок.

Мимо по улице шла молодая, очень стройная женщина в белой, слегка накрахмаленной косынке. Походка у нее была легкой и плавной. В Дагестане я видел горянок с такой походкой. Они несут на плече кувшин, до краев наполненный свежей водой, и не расплещут ни капельки. Вот так же прямо и плавно шла эта женщина. В правой руке у нее был маленький дерматиновый саквояжик.

Кивком головы она поздоровалась с Иваном Васильевичем.

— Кто это? — спросил я.

— Наш фельдшер,— ответил директор.

Мы оба долго молча смотрели, как шла она, будто плыла вдоль зеленой солнечной улицы. И оба сожалительно вздохнули, когда белая косынка ее уже скрылась за поворотом.

Вечером я сказал Сергевне, что видел Любовь Васильевну.

— Наверно, к больному ходила. Кто-нибудь ближний недужится. В дальние-то деревни у нас на «неотложной помощи» выезжают. Видел, небось, голубой «Москвичок»?

И опять заключила:

— Сердечная. Жалко, если уедет от нас.

— Почему же уедет?

— Он не едет сюда.

— Кто это он?

— Ну, этот самый. По-старому, что ли, жених. Здесь-то, как замечаем, никого у ней нет. А девушка интересная, что лицом, что фигурой. Стало быть, где-то ОН есть. Что же делать-то, к нему надо ехать.

— А может, это только ваши предположения?

— Да ведь я ничего такого и не сказала. Ей, небось, и самой от Анны Александровны уезжать не захочется. Анну Александровну-то у нас ой как уважают. Эта уж на всю округу известная докторша. К ней и из города приезжают советоваться. Но, милый ты мой, своего-то счастья каждому хочется.

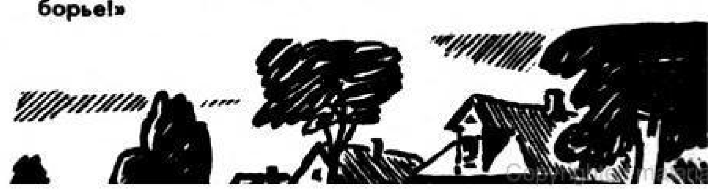
7

Вернувшись во Владимир, я снова встретился с Лариным и стал рассказывать ему о своей поездке.

— Значит, ты был только в Чамеревской округе. А ведь Синеборье гораздо обширнее. Там одного леса более ста тысяч гектаров. И город Судогда, он тоже, по-моему, не к Мещере, а скорей к Синеборью относится. А ты был только у одного родничка.

Ну что ж, мне пока и этого хватит. Вот когда-нибудь зимней ночью, будто от толчка, проснусь я в своей московской квартире, услышу, как шумят и плещутся волны Зеленого моря, и явственно представлю себе родничок, заключенный в четырехугольнике замшелого сруба. Увижу живую игру песчинок на дне его, и ручеек, выбегающий из-под бревенчатой кладки, и маленькую черногрудую трясогузку, что бежит через этот почти неприметный ручеек на своих голенастых, тонких ножках и вся трепещет, дрожит, будто внутри у нее пружинка. Увижу зеленую пойму за речкой, и кущи серебристого тальника, и синий задумчивый бор. И долго будет в душе откликаться радостным светом:

«А у меня есть знакомый родничок в Синеборье!»

Так выглядела Кара одиннадцать лет назад.

Николай Хатанзейский — старожил Кары — учится в Латвии. Он будет техником-радистом.

Плотницкая мастерская летом перебралась на улицу, готовят столбы для новых электролиний.

У САМОГО КАРСКОГО МОРЯ

Фоторепортаж ведет наш корреспондент Галина САНЬКО

Летним днем, когда солнце чуть не расплавило московские мостовые, я отправилась в дальний путь — к студеному Карскому морю. Там, на семидесятой параллели, в бескрайней тундре раскинулся ненецкий поселок Кара.

Одиннадцать лет назад мы с писателем Владимиром Солоухиным впервые побывали в Каре и рассказали читателям «Огонька» о совсем юном необычном селении. В тундре стояли четыре избы, вкусно пахнувшие свежим тесом, звероферма, дом правления колхоза «Красный Октябрь» и дымные чумы — такие привычные для людей Севера. Новый, оседлый быт кочевников-оленеводов только начинал складываться.

И вот я снова еду в Кару и своим старым друзьям. Хочу узнать, что же это за срок — одиннадцать лет? Велик он или мал для жизни не одного человека, нет, для жизни целого края?

Знакомство с Карой возобновилось уже в дороге. Вместе со мной из Амдермы ехали двое коренных жителей поселка. Веселый паренек Николай Хатанзейский направлялся домой в отпуск, он учится в Латвии, в авиационном училище. Коля не выпускал из рук новенький транзистор, и губы его то и дело расплывались в широкой улыбке: владелец транзистора, конечно, окажется не последним человеком в родном краю!

Ладная, заботливо причесанная Аня Мужикова, колхозный киномеханик, жаловалась нам с Колей:

— Который раз дают одну и ту же картину! А люди, между прочим, требуют новые фильмы.

Слушая оживленную болтовню молодежи о кино, о книгах, я подумала: боже ты мой, какой большой срок — одиннадцать лет! После первой поездки в Кару у нас сложилось такое представление о ненцах: народ очень мужественный, терпеливый и неулыбчивый, немногословный, даже замкнутый. Да и понятно: жизнь на Севере, среди льдов, человека не балует. А теперь я видела совершенно иных людей: говорливых, щедрых на улыбку, охотно раскрывающих свои чувства.

В поселок добираемся на вездеходе. Вокруг, насколько хватает глаз, тундра. Ни деревца, хотя бы чахлого, ни кустика. Даже цветы — правда, крупные, яркие — и те на коротких ножках.

Нас провожают в гостиницу, которая разместилась в двухэтажном доме. В маленькую опрятную комнату, где пол устлан ковром, вскоре приносят ужин. На тарелке — большие куски карского омуля. Оторваться невозможно! Недаром в Амдерме говорят: нет на Севере гостиницы уютнее и еды вкуснее, чем в Каре.

После ужина я тороплюсь в поселок: не хочется терять времени. Но дежурная останавливает меня:

— Куда же вы? Все давно спят, ведь уж час ночи.

Подвел полярный день: солнышко и не заходит вовсе, чуть присядет к горизонту и снова победно катит вверх.

Утром отправляюсь в тундровый Совет. Дорогой по пальцам считаю дома. И пальцев не хватает: 64 дома теперь в Каре. В тундровом Совете с огорчением узнаю, что его председателя Варвары Степановны Выучейской сейчас нет: отдыхает в Адлере.

О жизни Кары мне рассказал председатель колхоза «Красный Октябрь» Дорофей Павлович Сметанин. Нового в поселке так много, что Дорофей Павлович не знал, с чего и начать. Главное, пожалуй, вот что: за одиннадцать лет чистые, теплые дома напрочь изгнали из Кары чумы. Впрочем, один остался. Теперь он тут вроде музейного экспоната. Его хозяйка, человек пожилой, стойко сопротивлялась новому быту, сопротивлялась до тех пор, пока не нажила тяжелую болезнь глаз.

Зимой дети, как положено, учатся. А их матери теперь не только домашним хозяйством заправляют. Некоторые из них работают в мастерских по обработке пушнины. Кара славится своими искусницами; бурки и тапочки из оленьих шкур, украшенные национальным орнаментом, идут в Воркуте нарасхват. В кол-

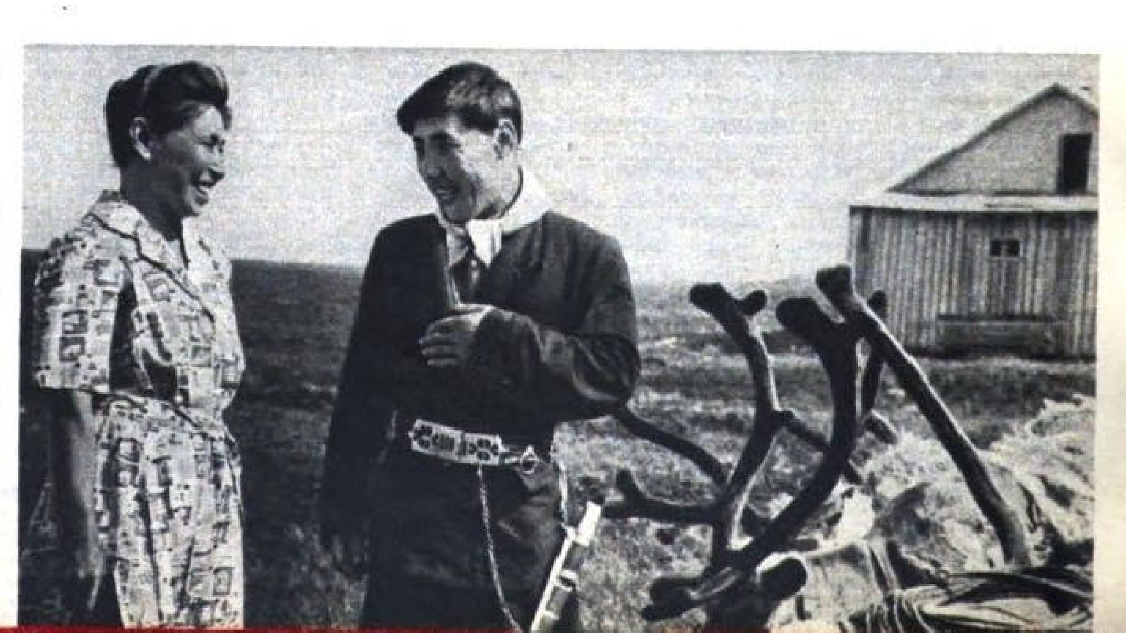
Анна Мужикова — колхозный киномеханик.

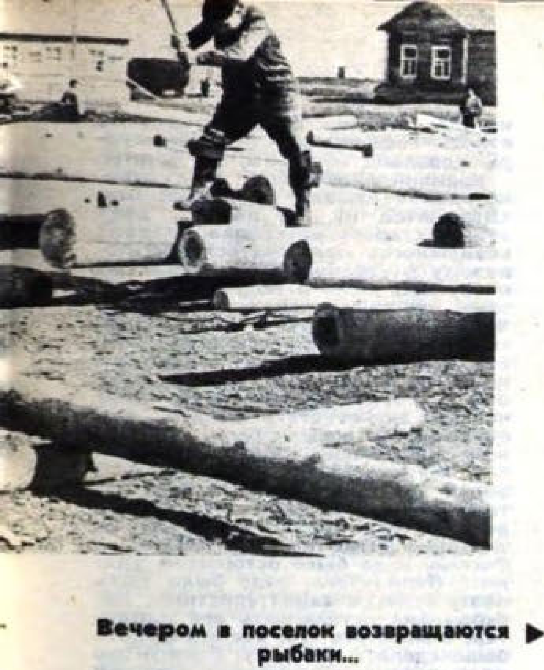

Оленеводы вернулись в родные места. Пастух Иван Тайборей приехал в поселок и вот беседует с секретарем парторганизации колхоза Надеждой Ардеевой.

Последний чум в поселке стал как бы музейным экспонатом.

Вечером в поселок возвращаются рыбаки... ▶

хозе, тундровом Совете, в сельпо Кары — тоже женское царство.

Отцы семейств, как и прежде, промышляют рыбной ловлей, охотятся на песца, на морского зверя. Но основное занятие колхозников — традиционное оленеводство. Далеко-далеко уходят зимой пастухи со стадами оленей. Переправляются через Кару и множество других рек, пересекают Уральский хребет, добираются до самых верховьев Полуя, притока Оби. А летом оленеводы возвращаются в родные места.

Много дел у мужчин и в поселке. Очень ценятся здесь столяры, плотники и прочие мастера строительного дела. Стройка идет бурная.

Новый быт Кары вызвал к жизни и другие, новые для этих краев профессии. Появился, например, в поселке свой знаменитый печник Матвей Леднов. Все новоселы ему челом бьют, верно, и в Сибири такого мастера не доищешься.

Никто теперь из Кары и уезжать не хочет, вот только неуемная молодежь подалась в вузы да техникумы. Люба Талеева и Валя Ардеева учатся в Омском мединституте, Иван Тайборей и Пантелей Валей — в сельскохозяйственном, Андрей Тайборей — в зооветтехникуме. Все эти специальности нужны колхозу, и не иначе, как вернутся односельчане в отчий дом.

Так вот вкратце рассказал мне Дорофей Павлович про жизнь в поселке, а потом предложил:

— Давайте-ка пройдемся по улице, заглянем в дома. Свой глаз — алмаз, посмотрите, может, я что-нибудь и упустил из виду.

В тот день в Каре было очень тепло, и на улицу высыпало много народу. На берегу Карской губы выстроились парты. Школу уже отремонтировали, сейчас там сохнут полы, и парты красят под открытым небом. Молодежь в минуты обеденного перерыва устремилась на волейбольную площадку. Перед одним из домов весело полощется на ветру детское бельишко. Понятно, здесь ясли...

Впрочем, о том, что мы еще увидели в поселке Кара, пусть лучше расскажут фотографии.

ШИФР ЛЕРМОНТОВА

Виктор ШКЛОВСКИЙ

Лермонтов — писатель, которому не посчастливилось ни в количестве монографий, ни в истинной любви потомства...

А. Блок

РАЗОБЛАЧЕНИЕ МИСТИФИКАЦИИ

Книга Ираклия Андроникова «Лермонтов. Исследования и находки» — результат более чем двадцатипятилетней работы этого литературоведа, писателя и артиста над биографией М. Ю. Лермонтова.

В книге более 600 страниц текста и 70 иллюстраций.

Многие из этих иллюстраций публикуются впервые, оригиналы найдены автором книги.

Находок в книге много, и находки хорошо исследованы, сопоставлены; при помощи их мы узнаем много нового и учимся забывать старое. Много старого с биографии Лермонтова нужно счищать. Биография великого поэта была умело закрашена малярами царского времени.

Старые биографии Лермонтова — мистификация, которая многих обманула. Мистификация эта особенно усилилась после гибели поэта. Начало нового понимания совпадает со временем первой нашей революции.

В 1906 году молодой Александр Блок написал негодующую рецензию на книгу профессора Н. Котляревского «М. Ю. Лермонтов. Личность поэта и его произведения». Профессор Котляревский считал горе поэта, его страдания результатом литературной моды. Поэт Александр Блок отвечает: «Почвы для исследования Лермонтова нет — биография нищенская... Когда роют клад, прежде разбирают смысл ШИФРА, который укажет место клада, потом «семь раз отмеривают» — и уже зато раз навсегда безошибочно «отрезают» кусок земли, в которой покоится клад. Лермонтовский клад стоит упорных трудов».

Разгадывая «шифр Лермонтова», мы должны помнить, что ищем клад необыкновенной ценности.

Что за человек накопил этот клад и какое на этот клад было наложено заклятье?

Лермонтова педанты привычно считают одиночкой, но делали это не только педанты — так думали и большие люди, но люди обманутые; они обмануты заклятьем, наложенным на клад.

Для того, чтобы разубедить их, сошлемся на одного из лучших современников — Герцена; Герцен говорил, что одиночек в мире культуры нет: «Каждая самобытная эпоха разрабатывает свою субстанцию в художественных произведениях, органически связанных с нею, ею одушевленных, ею признанных. Пора оставить несчастное заблуждение, что искусство зависит от личного вкуса художника или от случая. Религия, наука и искусство всего менее зависят от всего случайного и личного; одно низкое пониманье их может поставить их в такую недостойную зависимость».

«Все мы были слишком юны, чтобы принять участие в 14 декабря. Разбуженные этим великим днем, мы увидели лишь казни и изгнания. Вынужденные молчать, сдерживая слезы, мы научились, замыкаясь в себе, вынашивать свои мысли — и какие мысли! Это уже не были идеи просвещенного либерализма, идеи прогресса,— то были сомнения, отрицания, мысли, полные ярости. Свыкшись с этими чувствами, Лермонтов не мог найти спасения в лиризме, как находил его Пушкин».

Советские литературоведы потому смогли начать создавать истинную биографию Лермонтова, что они связали его с временем. Материал по Лермонтову ничтожен, всего сохранилось около 50 писем самого Лермонтова, большинство из них семейного характера, не сохранилось писем к нему; мемуары довольно обширны, но бедны.

Ираклий Андроников в статье, которая открывает весь сборник, «Лермонтов и его парт...», дает анализ старого материала, создает возможность пользоваться им поновому и увеличивает количество материала. Ясно и подробно показано, что после появления стихов Лермонтова «Смерть поэта» правительство знало, что стихотворение это выражает мнение не одного поэта, а большой группы людей. Оно как будто понимало, что этот человек может стать вождем, что он опасен и должен быть уничтожен. Уничтожен Лермонтов должен был быть незаметно, потому что знали враги, что этот поэт дорог тем людям, которые впервые в день смерти Пушкина показали значение общественного мнения в России: надо было осторожно удалить Лермонтова, надо было дать поэту ложную характеристику, неправильно истолковать его характер; оклеветать его. Все это можно было сделать не сразу: Лермонтов не был одинок, и именно поэтому его так испугались. Его не решились даже сразу покарать; наказание за дерзкое стихотворение оказалось неожиданно легким. Поэт в том же чине был переведен в гвардейский полк, находящийся на Кавказе.

На Кавказ каждый год отправляли два гвардейских офицера. Это была не ссылка, а как бы выдвижение на боевой пост.

Но одновременно с переводом на Кавказ Лермонтов был обречен на смерть. Только четыре года отделяют стихотворение «Смерть поэта», посвященное Пушкину, от даты смерти самого Лермонтова.

ОТКРЫТИЕ КЛАДА

Только литература последних лет многими потоками своими стремится опять к Лермонтову, как к источнику...

А. Блок

Поэт ошибался в сроках. Литература и народ подошли к Лермонтову сейчас. Голос его звучит над городами. Книги его всюду, но только сейчас в Москве ставится памятник Лермонтову.

На одном из проектов изображен некрасивый и крепкий чело-

Черный день

Зденек ИРОТКА

Такие дни пан Венда называл «черными». Однако это не было суеверием в обычном смысле этого слова. Всякий знает, что по какому-то неведомому закону жизни неприятности приходят не врозь, а стаями. Вы проспите утром, порежетесь во время бритья, опоздаете на трамвай, забудете ключи, работа у вас не клеится, в столовой, очевидно, пронюхали, какие блюда вы ненавидите,— и на тебе, ешь! А ведь это, учтите, только полдень, и черт знает, что еще случится с вами до захода солнца.

Порой все мы переживаем нечто подобное, и речь идет о том, как каждый из нас справляется с этим градом мелких неприятностей. Один переносит их с философским спокойствием, другому в самую трудную минуту приходит на помощь чувство юмора, а третий разъярится, изо всей силы ударит по чему-нибудь ногой и, почти успокоившись, отправляется к врачу с вывихнутой лодыжкой.

Среда, о которой мы хотим рассказать, была одним из тяжелейших черных дней, какие только мог припомнить пан Венда. События бессмысленно и неправдоподобно перепутались, вещи отказывались служить своему назначению, а человеческое общество превратилось в какую-то корпорацию, первым и важнейшим пунктом деятельности которой было стремление измучить и разозлить гражданина Вацлава Венду.

К вечеру работа пошла у него совсем плохо. Он чувствовал глухой шум в голове, был голоден (зная, что дома тем временем стынет ужин), на улице дождь лил как из ведра, и он догадывался, что весь промокнет, пока придет трамвай, а перспектива того, что рано утром он должен ехать в командировку, наполняла его темной злобой, ибо он терпеть не мог ездить в командировки.

Трамвая и в самом деле долго не было, шел идиотский дождь, дул холодный ветер. Когда наконец появилось лязгающее, ползучее средство сообщения, в нем было битком набито народу, а кондукторша оказалась сущей мегерой. Пан Венда не размышлял о том, каким бы кондуктором был он сам в своем сегодняшнем настроении, и его чуть не хватил удар, когда через пять остановок кондукторша заверещала: «Выходите, вагон дальше не пойдет!»

Пан Венда пробормотал какое-то мрачное проклятие и выскочил из трамвая под дождь. Через полчаса он был наконец дома. В кухне на столе стоял ужин и лежала записка, в которой жена сообщала, что долго ждала его и ушла спать. Пан Венда с горечью подумал, что она могла бы дождаться его возвращения. Но если бы она так поступила, он наверняка желчно поинтересовался бы, почему она не легла. Заканчивая ужин, он думал о том, что жена могла хотя бы собрать ему вещи в дорогу.

Вдруг он заметил, что на столе лежит дневник его сына и какие-то письма. У него появилось подозрение, что черный день не кончился. Скрежеща зубами, он принялся за чтение.

Какая-то открытка приглашала его принять участие в работе бригад, выезжающих на село. Кроме того, слогом кратким и четким к нему обращались районные военные власти. И, наконец, классная руководительница его сына сообщала в дневнике: «Ваш сын Ян Венда на уроке математики отвлекается посторонними разговорами. Сегодня он спрашивал у своего соседа, какие уши у льва. Прошу принять меры».

В эту минуту в душе многострадального пана Венды что-то надломилось. В нем взыграл бунтарский дух. Стиснув зубы, он вытащил ручку, вложил в дневник чистый лист бумаги и размашисто написал:

«Учителю естествознания. Чудовищно, но факт: ваш ученик Ян Венда не имеет ни малейшего представления о том, какие у льва уши. Прошу немедленно исправить положение. Вацлав Венда, отец!»

Венда вошел в раж: на оборотной стороне открытки с приглашением принять участие в работе бригад на селе он начертал: «Из-за необычайного множества неотложных дел прошу, чтобы ко мне на работу была послана бригада из деревни. При вербовке добровольцев пользуйтесь методом убеждения».

Он немножко поколебался над открыткой из районного военного комиссариата, потому что воинская дисциплина, несмотря на годы, сидела в нем крепко. Но остановиться он уже не мог. Взял лист бумаги и четко написал: «Согласно своему решению от 15 января этого года, исходящий номер 649/АБВГ, назначаю себя главным барабанщиком армии. Смирно! Подписал взводный Вацлав Венда собственноручно. Вольно, запевай!»

Только теперь пану Венде полегчало, и в глазах у него зажглись веселые огоньки. Он подошел к телефону, позвонил на вокзал и пожелал говорить с начальником станции. После чего без предупреждения захрипел, подобно громкоговорителю: «Внимание, внимание! Мое прибытие к скорому поезду № 6 Прага — Колин — Пардубице — Ческа Тршебова, время отправления 5.55, будет задержано примерно на 20 минут. Повторяю: мое прибытие к скорому поезду № 6...»

Потом он тихо положил телефонную трубку и пошел спать.

Утром Венда с улыбкой перечитал свои вечерние распоряжения и указания и бросил их в корзину. В дневнике спокойно подписался под замечанием классной руководительницы и решил серьезно поговорить с сыном о том, что лев действительно не имеет отношения к математике.

Наступил новый день, и пан Венда предчувствовал, что он не будет черным.

Перевела с чешского И. ГАВРИЛОВА.

век, стоящий на круглом пьедестале. Он стоит так близко к краю, как будто стоит над пропастью.

У нас нет еще новой, доступной и академической биографии Лермонтова, хотя материал ее уже найден, собран.

Книга Ираклия Андроникова хорошо читается; в ней материалы поколения исследователей стали общим достоянием, и она же продолжает эти исследования.

Не будем смущаться тем, чем надо гордиться: книга И. Андроникова занимательна, в ней есть тайны, которые раскрываются после многих перипетий исследования.

Наше литературоведение должно пользоваться всеми новыми способами исследования, и в то же время оно должно обращаться прямо к читателю.

Работа, про которую я говорю, еще до напечатания была известна через телевизор. Даже в создании многих эпизодов книги принимали участие телезрители. Создана книга дальних связей — информаций.

Она показала при свете, идущем из голубого окна телевизора, историю истинного Лермонтова, который понимается теперь так, как понимали его лучшие современники — Герцен и Белинский.

Не будем скрывать, что многие из нас любят детективные повести. Поиски, догадки, сопоставления, решения, основанные на логике и на понимании характеров людей, анализ человеческого поведения, зоркое понимание обстановки — все это обычно в мистифицированном виде, в виде искаженном присутствует в детективных повестях и романах.

Но люди, которые читают повести о розыске пропавших бриллиантов или исчезнувших картин, как всем нам известно, этих драгоценностей сами не получают. Они могут сказать после своего книжного путешествия: «И я там был, мед-пиво пил, по усам текло, а в рот не попало».

Детективный роман щелкает пустые орехи. Научный поиск может лечь в основу произведения занимательного, как детектив, но результат такого детектива становится частью истинных знаний читателя, его обогащает.

«Исследования и находки» Ираклия Андроникова — книга нового жанра, она вводит читателя в методологию исследования, показывает, как сопоставляются реальные факты, как разгадывается истина ложных показаний, как находят истинные улики.

Даже ложь, увиденная человеком, обладающим научным мировоззрением, может стать одним из источников истины.

В книге идет судебное следствие; вызванные свидетели представлены документами, для передопроса их нельзя вызывать, потому что они умерли, но их показания, как шифр, сделали возможным найти клад и дать читателю в руки не обманное богатство.

ПОХИЩЕНИЕ КЛАДОВ

Чем реже на устах,— тем чаще в душе: Лермонтов и Пушкин — образы «предустановленные», загадка русской жизни и литературы.

А. Блок

Тело Пушкина похитили, увезли зимней ночью на простых санях в могилу в глухом Святогорском монастыре.

Этот монастырь стал нашей святыней. Сороть-река и русские леса рядом с могилой, освященной словами поэта; они подтверждают и зимой, и весной, и летом, и осенью его слова, его славу. Но долго жила в Санкт-Петербурге клевета.

Спрятали вину царя перед поэтом: на небольшом пространстве между Мойкой, где жил поэт, и Зимним дворцом царя. Появилась легенда, что Пушкин умирал благодарным подданным, умиленный заботами царя. Люди, которые хотели помочь семье поэта, помогли царю скрыть преступление.

Лермонтова убили два раза: сперва на Кавказе в него стрелял Мартынов, на которого гнала поэта облава из светской черни и жандармов. Потом убили вторично — клеветой, для того, чтобы похитить клад понимания поэта.

Милости к семье и высылка тела поэта — судьба Пушкина. Замаскированная казнь — судьба Лермонтова.

У Пушкина попытались похитить трагичность его гибели, его попытались обезвредить. У Лермонтова похищали его биографию.

Он успел уже в ссылке, окруженный облавой, написать свою прозу. Но преступление совершилось, обманули народ, ввели в заблуждение даже Достоевского, человека, который знал, что такое клевета и что такое царский суд.

Создали клевету, что Лермонтов был соблазнителем молодых девушек, что он обидел сестру Мартынова, что он сам напросился на дуэль. Из Мартынова-убийцы сделали Мартынова — жертву случайности, слабого, но честного человека: своеобразного Лаэрта, который мстил за честь сестры.

Э. Герштейн доказала в работе «Лермонтов и семейство Мартыновых», напечатанной в «Литературном наследстве» №№ 45—46, что в переписке Мартыновых нет никаких указаний на вину Лермонтова; не согласуется это обвинение и с дневниками современников.

Говорили, что Лермонтов сам выбрал себе противника, что он, так сказать, напросился на смерть.

В сборнике, к сожалению, малоизвестном и малопопулярном вследствие академической сухости, «М. Ю. Лермонтов. Статьи и материалы» (Государственная библиотека имени В. И. Ленина, отдел рукописей. М., 1939 г.), в статье «Суд над убийцами Лермонтова» рассмотрены документы суда. Показания, число которых теперь увеличено находками Ираклия Андроникова, говорят, что на дуэль Лермонтова вызвал Мартынов; Лермонтов не хотел драться, Лермонтов не хотел стрелять: он выстрелил вверх, в воздух. Мартынов его убил, стреляя почти в упор.

Андроников пишет:

«Не удивительно, что современники расценивали эту дуэль, как «зверский поступок», как «бесчеловечный поступок».

«Дуэль сделана против всех правил и чести» (Полеводин).

«Все говорят, что это убийство, а не дуэль» (Елагин).

«Мартынов поступил как убийца» (Булгаков).

«Требуют предать виновного всей строгости закона, как подлого убийцу» (Полеводин).

«Сердечно жаль Лермонтова, особенно узнавшим, что он так бесчеловечно убит» (Вяземский).

Может возникнуть вопрос: кто мог знать о том, что происходило на месте дуэли, кроме Мартынова и секундантов — Васильчикова и Глебова?

Но, во-первых, кроме Васильчикова и Глебова, там присутствовали Столыпин и Трубецкой, которых, по совету полковника Траскина, решено было не впутывать в дело. А кроме того, может быть, находились и другие свидетели».

Работа Ираклия Андроникова замечательна тем, что поиски делаются не во тьме, они направлены светом, полным знания. Результаты поисков кажутся неожиданными, но входят в биографию Лермонтова органически, как предвиденные.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

...Восстань, пророк...

А. Пушкин

Работа И. Андроникова и вообще работы лермонтоведов нашего времени требуют не только пересмотра того, что было сказано, но и переосмысливания.

Существуют воспоминания Починковской (В. В. Т-вой), которые я цитирую по книге «Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников, письмах и заметках». Первоначально они были напечатаны в «Историческом Вестнике» 1904 г., № 2.

Достоевский понимал Лермонтова, и понимал тем больше, чем дальше. В самих героях Достоевского есть элементы того же познания, которое создало Печорина.

Мемуаристка рассказывает, что иногда Достоевский читал Лермонтова с такой выразительностью, как будто он читал не из Лермонтова, «...а из самого Достоевского».

Но он боялся Лермонтова. Он говорил: «Пушкина я выше всех ставлю, у Пушкина это почти надземное... но в лермонтовском «Пророке» есть то, чего нет у Пушкина. Желчи много у Лермонтова,— его пророк — с бичом и ядом. Там есть ОНИ! И он прочел с желчью и с ядом:

«...Провозглашать я стал любви
И правды чистые ученья:
В меня все ближние мои
Бросали бешено каменья»...

Но читал стихи эти Достоевский со сверкающими глазами — «...точно жрец перед невидимым жертвенником».

«Они» — это революционеры, нигилисты, готовящиеся к новому.

Сейчас мы можем сказать про путь их:

«они» — это наш народ;

про Лермонтова: он был пророком.

ГРИБ-ГИГАНТ

Скольких человек можно накормить одним грибом? Этот вопрос может показаться странным. Но вот недавно мне удалось собрать за столом десять человек, подав на ужин только один жареный гриб.

Нашел я его в загородном парке за рекой Клязьмой. Весил он ни много, ни мало 6 килограммов 750 граммов, высота — 58 сантиметров.

На фото: Игорек с белым грибом-боровиком.

В. БАЛАКИН

Владимир.

ОЛИМПИЙСКИЕ ПОЧТАЛЬОНЫ

Японская газета «Майнити симбун» сообщает, что в дни олимпиады для доставки снимков с мест состязаний редакция газеты будет вынуждена прибегнуть к помощи 250 почтовых голубей. Автор заметки утверждает, что в результате многочисленных пробок на улицах Токио продвижение транспорта происходит очень медленно. Поэтому голубиной почте следует отдать предпочтение. Тренировка голубей уже началась.

КОСУЛЯ СВЕТЛАНКА

Этого красивого зверька наши матросы поймали в лесу вблизи Акменьдзираса, где мы гуляли в свободное от вахты время. Он был такой маленький и беспомощный, что мы решили взять его к себе на воспитание.

Свою живую находку мы назвали Светланкой. Сначала наша косуля не хотела ничего есть, но вскоре полюбила и соску и коровье молоко. Сейчас Светланка так привыкла к нам, что не делает никаких попыток убежать в лес.

Старшина В. ГЛАЗКОВ

Лиепая.

ЕЕ ЗАВТРАК

Северная, или лесная, мышовка — один из самых маленьких наших грызунов.

Мне посчастливилось снять ее за обедом. О размере мышовки можно судить по крылу бабочки крапивницы, которой она лакомится.

В. ТЕЛЕГИН

Новосибирск.

НЕПРОШЕНЫЕ КВАРТИРАНТЫ

В почтовом ящике, прибитом у калитки одного из домов села Молчаново, Томской области, однажды летом появились сухие палочки и листья. Хозяева подумали, что кто-то, балуясь, набросал туда мусор. Они решили выследить озорников. Но, к их удивлению, виновниками оказались синички, начавшие вить там гнездо. Непрошеным квартирантам не стали мешать. Предупредили об этом почтальона.

Прошло немного времени, и в почтовом ящике появилось новое потомство.

И. СМОЛЬЯНОВ

У СВЕТЛОГО ОЗЕРА

Гуляя как-то на берегу уральского озера Якты-Куль, что в переводе означает Светлое озеро, мы наткнулись на корягу. Приглядевшись к ней повнимательнее, мы поняли, что это готовая скульптура, созданная по прихоти природы.

Камни, удачно вросшие в дерево, вполне заменяли этой голове глаза и зубы. Назвали мы эту скульптуру «Черт со сломанным рогом».

В. КОСТЕЦКИЙ, А. СЕМИН

Магнитогорск.

КАМЕННЫЙ МЕДВЕДЬ

Вблизи Каратаусайского горнохимического комбината я увидел медведя. «Как мог забрести сюда этот лесной зверь?» — подумал я. Но когда я подошел ближе, то оказалось, что это всего лишь причудливо выветренный гранит.

Б. ПОДГОРНЫЙ

Я коммунист

Александр ЛЮКИН

Я и в делах
И в помыслах был чистым,
И совесть
Я не продал за пятак.
И только что
Я не был коммунистом.
Я думал: «Ладно,
Проживу и так».
И вот однажды
В узком переулке
Меня догнал
Коварный шепоток.
— Ты, брат, не коммунист? —
Шептали гулко.
— Не коммунист.
— Послушай-ка, браток...

И не забыть мне,
Как за поворотом,
В глухом углу,
Где никого кругом,
Я оглушен был
Грязным анекдотом
О самом, самом
В жизни дорогом.
Слова летели,
Подлые,
Со свистом,
Вонзались в грудь мне,
Сердце леденя.
Они адресовались коммунисту,
А попадали
Прямиком в меня.

Потом однажды
На волне короткой
Я слушал речь
Заморского дельца.
Он точно так же,
Всхрапывая глоткой,
Все изрыгал
Проклятья без конца.
И всем потоком
Ругани нечистой,
Во всем Россию-
Матушку виня,
Он точно так же
Целил в коммуниста
И точно так же
Попадал в меня.
Тогда я понял
В сотый раз, быть может:
Есть враг и мы,
А середины нет,
Что я и коммунист —
Одно и то же
Давно, давно,
Уже десятки лет

г. Горький.

МИНИАТЮРЫ

Ленгстон ХЬЮЗ

НАПЕВ

Ни гроша не дам
и за сто Алабам,
хоть я и родился там!

Перевел с английского В. Бетаки.

ПОМИНКИ

Идя за гробом моим,
Траур наденьте красный:
Пусть будет понятно всем,
Что умер я не напрасно.

АЛЛИЛУЙЯ

Вот бы иметь рояль,
Вот бы иметь орган,
Вот бы иметь барабан —
Как бы я славил господа!

Но к чему мне рояль,
Орган,
Барабан?
К чему мне славить господа?

Перевел Г. Бен.

БЕТОНОЛОМ

Раздался оглушительный грохот — мерзлый грунт треснул, стал откалываться.

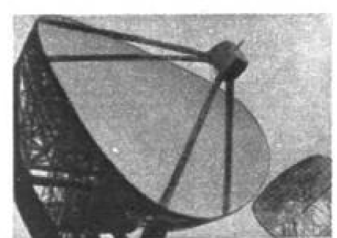
Так проходили испытания нового пневматического бетонолома «С-358», разработанного советскими учеными. Внешне бетонолом напоминает шахтерский отбойный молоток. И действительно, его можно применять в горнодобывающей промышленности. Но основное его рабочее место — на разработке сверхтвердых грунтов, при ломке бетона и асфальта.

От своих предшественников новый бетонолом отличается меньшим весом и экономичностью.

СВЕЧА В НЕВЕСОМОСТИ

На вопрос, может ли гореть свеча в условиях невесомости, великий Эйнштейн ответил отрицательно.

Недавно швейцарский физик К. Клазиус из Цюриха в лабораторных условиях проверил достоверность этой гипотезы. Оказалось, что в состоянии невесомости пламя свечи не гаснет, а только меняет свой облик: становится шарообразным и принимает синий оттенок, что уменьшает силу света.

ТЕЛЕСКОП «МАРК-II»

В Великобритании начал действовать новый радиотелескоп, названный «Марк-II». Хотя его движущееся эллипсовидное зеркало имеет диаметр 40 метров, то есть вполовину меньше, чем у его старшего собрата «Марк-I», новый телескоп гораздо совершеннее старого. Имеются сведения, что им уже пойманы сигналы одного из объектов в созвездии Кассиопеи.

КАМЕННЫЙ МАЯК

Посетители курортного местечка «Красный остров», возле Ровиня (Югославия), с изумлением рассматривают причудливое нагромождение камней необычной формы, стоящее на морском берегу. Оказывается, это не шутка природы и не модернистская скульптура, а старинный маяк. В отверстии, где полагается находиться рефлектору, разжигался костер, указывавший мореплавателям на подводные рифы.

ВЕЧНОСВЕЖАЯ КЛУБНИКА

Свежие грибы. Тщательно собранные и уложенные в корзинку, они уже к концу дня при чистке почти все уходят в мусор. А как хорошо бы приготовить жареные грибы в январе, в разгар февральской вьюги...

С грибами соревнуется клубника, малина. Увы, их сезон очень короткий, время жизни мало. И зимой нам приходится довольствоваться вареньем или сушеными грибами.

С именем ленинградского профессора Н. Н. Титова связана разработка одного из эффективных способов длительного хранения самых скоропортящихся продуктов.

Поднос с клубникой сначала замораживают от минус 30 до минус 70°. Затем помещают в сушильную вакуумную камеру. Через час, когда достигается высокая степень разряжения воздуха, клубнику подогревают до 90—95°.

Когда сушка закончена, ягоды упаковываются для длительного хранения. Они легкие и хрупкие. Но стоит их поместить на 5—10 минут в теплую воду, они снова обретают свои вкусовые качества. И не только вкусовые. В сухой землянике, например, витамин С сохраняется на 80—90%.

Грибы, обработанные методом сублимации, даже по внешнему виду напоминают свежие.

ЗАГАДОЧНАЯ ЗВЕЗДА

Сенсационное сообщение поступило из университета в Техасе (США). Астрономы обнаружили, что звезда, зарегистрированная под номером 3С-273 и расположенная в миллиарде световых лет от Земли, один раз в тринадцать лет посылает в пространство странное пульсирующее радиоизлучение.

По мнению доктора Харлана Смита, единственным способом объяснить этот непонятный феномен было бы предположение, что в недрах звезды 3С-273 заключено «нечто, способное посылать сигналы со скоростью, большей, чем скорость света», в то время как по теории относительности это невозможно.

РОБОТ ГУЛЯЕТ ПО УЛИЦАМ

Прохожие на Танач-бульваре в Будапеште были очень удивлены, когда среди них появился 170-сантиметровый алюминиевый робот. Роби-робот, прогуливаясь, вежливо, с глубокими поклонами здоровался со встречными, а когда останавливался, то пел песни и декламировал стихи. Так Роби ведет себя только на прогулке: на работе же он дает разные информации и рекламирует товары.

ОСТРОВ ТЫСЯЧИ СОКРОВИЩ

Выбежали дома из тайги, увидели море и остановились как вкопанные. И сахалинская тайга с трех сторон обступила поселок Вал. В той части поселка, что постарше, стены домов выдублены морскими ветрами, дождями. В новой пахнет свежей краской, тесом. Заканчивается строительство клуба. А в центре поселка — нефтяная вышка.

Лес, пушнина, рыба уже давно заставили заговорить о богатствах Сахалина. А потом, когда нашли тут каменный уголь, золото, мрамор, гранит, Сахалин стали по праву называть «Островом тысячи сокровищ». Сегодня к его сокровищам прибавилась железная руда, ртуть, фосфориты, нефть. Выросли большие комбинаты, заводы. Профессии химиков, инженеров, геологов стали на Сахалине обычными.

Появились эти профессии и в маленьком оленеводческом поселке Вал.

Пришли в Вал геологи. Многие оленеводы стали машинистами, техниками, радистами. Но по-прежнему гордостью и богатством колхоза остаются тысячи красавцев оленей. Недаром шестилетний Валерка Борисов, представитель младшего поколения Вала, на вопрос, что ему больше нравится — велосипед, мотоцикл или олень,— подумав, ответил: «Олень, конечно». Велосипедом, мотоциклом и даже собственной машиной тут уже никого не удивишь.

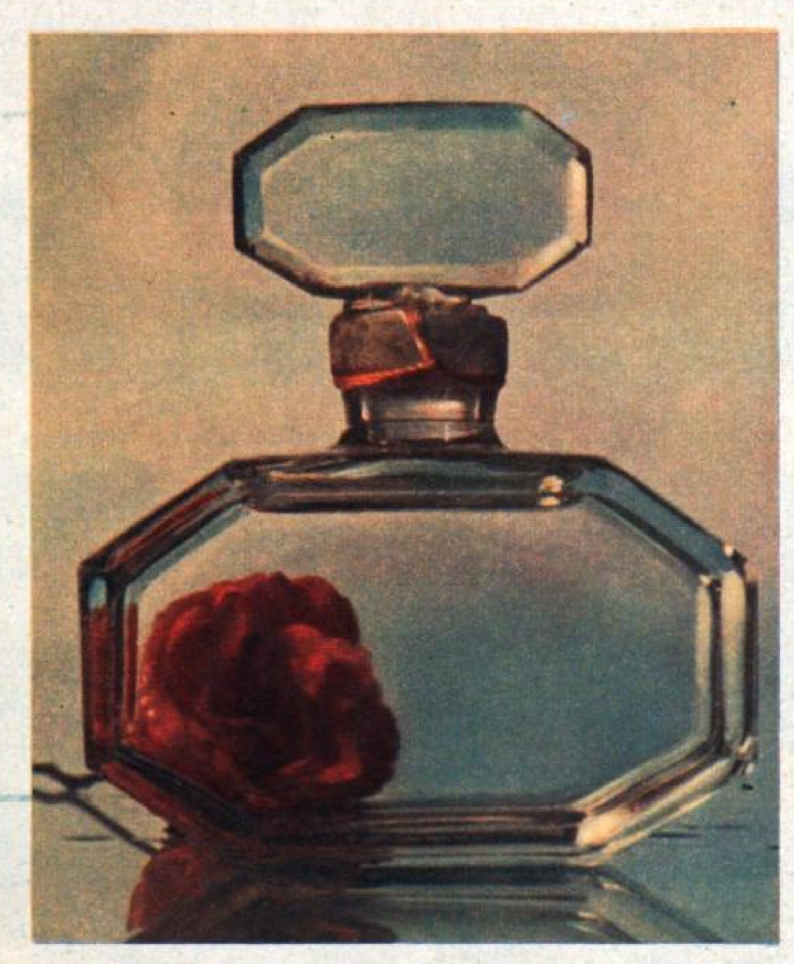
В ОРОЧЕНСКИЙ ПОСЕЛОК ВАЛ ПРИШЛА НЕФТЕРАЗВЕДКА.

ВАЛЕРКА БОРИСОВ ИЗ СОВХОЗА «ОЛЕНЕВОД».

НА ПРОМЫСЕЛ УХОДЯТ ЗВЕРОБОИ.

Фото Л. ШЕРСТЕННИКОВА.

ДУХИ «МОСКВА»,

А ЭТО «ЯРОСЛАВНА».

В ПАРФЮМЕРНОМ МАГАЗИНЕ.

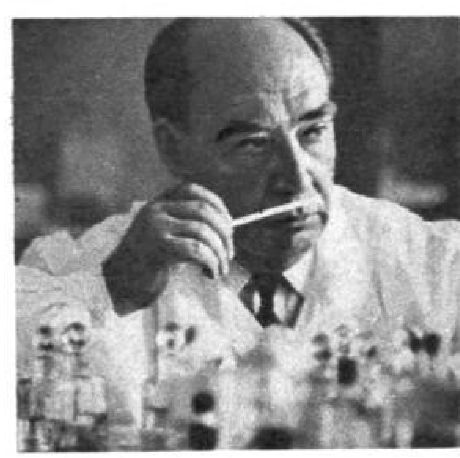
ДУХИ И ОДЕКОЛОН «ОГОНЕК».

Фото В. ТЮККЕЛЯ.

Главный парфюмер Павел Васильевич Иванов.

Рождение аромата

Мария КИСЕЛЕВА

Парфюмерная фабрика «Новая заря» недавно отметила свое столетие. К сотне духов, созданных отечественной парфюмерией, добавилось еще три юбилейных: «Наша марка», «Огонек», «Наш юбилей».

...Сто лет тому назад в Москве, в Теплом переулке, открылось парфюмерно-косметическое заведение. Открыл его француз Г. А. Брокар. Через пятьдесят лет после приезда в Россию он умер богатейшим человеком: косметика, духи, крохотные флакончики принесли чужестранцу огромные доходы. Предметы роскоши — услада богачей. Чем дороже, тем желаннее флакон духов.

После Октября молодой Республике Советов было не до парфюмерии. В 1921 году уцелевшее помещение фабрики потребовалось Гознаку. И производство должны были закрыть. И тогда рабочие, те, что трудились еще на Брокара, направили к Ленину, в Кремль, свою делегатку — председателя заводоуправления работницу Е. И. Уварову.

— К назначенному времени,— вспоминает Евдокия Ивановна,— я и председатель Центрожира В. К. Таратута приехали в Кремль и сейчас же были приняты Лениным в его рабочем кабинете.

«Фабрику хотят передать Гознаку, а рабочие просят оставить ее как парфюмерную фабрику,— рассказывала я Владимиру Ильичу.— Советская власть установлена не на один год, продукция парфюмерной фабрики будет нужна народу. Она имеет большое количество сырья, дорогой эссенции и эфирных масел года на три».

Владимир Ильич подробно расспросил о фабрике Таратуту, который сказал, что поддерживает просьбу рабочих. После этого я спросила Владимира Ильича, что же будет теперь с нашей фабрикой. Он ответил: «Я не могу этот вопрос решить один, должен его поставить на Совнаркоме; тогда вас вызовем». «А каково будет ваше мнение, товарищ Ленин?» — настаивала я.— Вы нас поддержите или нет?» Он улыбнулся и сказал: «Я вполне согласен с вами, буду поддерживать».

И поддержал. Но в ту пору обстановка под Петроградом сложилась такая, что Гознак пришлось срочно эвакуировать в Москву, и Совнарком вынужден был пересмотреть свое решение. Тогда мы сами стали оборудовать новое здание для своей фабрики. Она и есть нынешняя «Новая заря». Но мы-то все равно считаем — Ленин стоял у ее колыбели...

Сейчас «Новая заря» в сутки выпускает 413 тысяч флаконов духов, одеколона, коробочек пудры, сюрпризных наборов.

Духи у нас уже давно перестали быть предметом роскоши. Флаконы духов или одеколона увидишь на туалетном столике работницы и в доме колхозницы, в кибитке чабана и в вагончике механизаторов. Представитель одной из французских парфюмерных фирм, побывав на фабрике, сказал директору:

— Зачем вы выпускаете такое огромное количество духов и так дешево? Мы выпускаем мало флаконов, но по высоким ценам.

Не дано было понять буржуа, почему на фабрике так стараются, чтобы духов было у нас побольше, да разных и доступных трудовому люду...

Советская парфюмерия уже давно освободилась от импорта сырья. И немалую роль тут сыграл Всесоюзный научно-исследовательский институт синтетических и натуральных душистых веществ. Многие эфирные масла уже не нужно ввозить из дальних стран, а некоторые синтетические душистые вещества мы изготовляем в таких количествах, что тоннами экспортируем на мировой рынок.

В старом русском городе Калуге появился мощный, построенный по последнему слову техники комбинат парфюмерной промышленности. Синтетических душистых веществ дает он столько, что с лихвой хватает для всех парфюмерных фабрик страны — только успевай осваивать ароматную продукцию!

А к ним прибавьте розовые, лавандовые, мятные плантации Кавказа, Крыма, Молдавии, Украины, лавандовые поля, эфиромасличные культуры Средней Азии, пихтовые масла Сибири, строгие, терпкие запахи Северной Балтики и, наконец, амбру, доставляемую советскими моряками китобойных флотилий.

Есть над чем поколдовать искусным нашим парфюмерам!

...Искусство парфюмера! Оно схоже с искусством художника, музыканта даже в терминологии: композиция запахов, гамма ароматов, тональность... Направление духов: фантазийные, цветочные... И здесь, оказывается, как в живописи, можно быть грубым натуралистом. Точно скопировав цветочный запах и заключив его в флакон, вы не заслужите благодарности и похвалы наших женщин. Запах будет тяжелым, неприятным. Тут, как в живописи, властвует закон неуловимого «чуть-чуть», которое так значимо в искусстве. По этому закону «Белая сирень» и была признана шедевром парфюмерного искусства.

Музыканту нужен абсолютный слух, парфюмеру — тончайшее обоняние и все то, чем должен обладать художник: безупречный вкус, чувство гармоничности, высокая культура, талант и прекрасное здоровье.

— Когда я неспокоен, раздражен, чувствую недомогание,— бросаю работу. Знаю: все равно не получится у меня той чарующей композиции ароматов, что доставляет радость любителям духов.

Это говорит Павел Васильевич Иванов, главный парфюмер «Новой зари». Давно ушло то время, когда юный слесарь Павел Иванов по комсомольской путевке пришел на парфюмерную фабрику учиться тонкому искусству создания духов. Учился он у знаменитого тогда француза Мишеля, автора «Красной Москвы» и «Кремля».

В природе существует 800 различных запахов. И среди них есть много неприятных, как запах знаменитой амбры — серо-черного, некрасивого, рыхлого, воскообразного вещества, образующегося в кишечнике кашалота; или цибетин — выделения желез виверры — запах, который выдержит не каждый... А между тем все эти резкие запахи незаменимы в композиции духов.

Парфюмер имеет дело примерно с 350 запахами. Их нужно безошибочно различать, каждый в отдельности и в сочетании с другими, определять пропорции этих сочетаний, сортность аромата. Сложную науку постигал Павлик. Через год он стал мастером. А сейчас это первоклассный, опытнейший парфюмер.

...В лаборатории тихо, прохладно, душисто. На полукруглом, многоярусном столе поблескивают десятки одинаковых флаконов с черными пробками, но с самыми причудливыми запахами.

В центре стола — старинные весы с медными чашами. Тут же в высоком бокале веером раскинулись тонкие полоски бумаги — это для пробы запахов. Словно кисти в мастерской художника.

Лаборатория — святая святых чародеев парфюмерного искусства. Здесь свершается таинство рождения духов.

Листки погружаются в растворы. Вдыхается запах. Сперва только тот, что в флаконе. Потом в сочетании с другими, затем в одной пропорции, в другой, десятой... Парфюмер одержим идеей: аромат новых духов должен быть цветочного направления. Поэтому он и соединяет различные запахи этой гаммы. Иногда нужно притушить слишком ярко выделяющийся какой-то нюанс, иногда нужно подчеркнуть, усилить аромат специальным закрепителем...

Сложная, филигранная это работа. Композиция духов «Свежее сено» состоит из 40 компонентов, «Красная Москва» — из 60.

Наконец желанный аромат получен. В маленькой пробирке золотятся духи. Теперь парфюмер уже может, как он говорит, «обнародовать» новый запах среди коллег. И только после их одобрения духи поступят на рассмотрение руководителей фабрики «Новая заря». Если там утвердят — ищут название, работают с художником над внешним оформлением. Это тоже очень важно! И вот уже духи пошли в цех массового производства.

— Вот видите, какая у меня интересная работа,— продолжает Павел Васильевич.— Нужно беречь здоровье, чтобы делать хорошие духи. А с другой стороны, работа эта поддерживает мое здоровье: запахи духов поднимают настроение, воодушевляют. Мой коллега вылечился от туберкулеза. Я склонен думать, что этому в какой-то мере способствовало и его постоянное общение с эфиромасличными культурами.

Я слушаю Павла Васильевича, его рассуждения о влиянии ароматов духов на здоровье человека: «Это наука недалекого будущего, и она займет достойное место в медицине»,— и мне вспоминаются написанные почти четыреста лет назад слова французского философа Мишеля Монтеня: «...Я полагаю, что врачи могли бы лучше использовать запахи, чем это делают, ибо часто замечал, что запахи изменяют мое состояние, так как действуют на настроение моего духа в зависимости от их свойств...»

Павел Васильевич — автор популярных духов «Рапсодия», «800 лет Москвы», «Золотая звезда», «Родная Москва», «Вечер», «8 Марта», «Жемчуг»...

Ученики Иванова — это, пожалуй, самая большая его гордость и радость. Их много, и Павел Васильевич пристально следит за их успехами. И надо думать, что когда-нибудь, отмечая юбилей учителя, ученики создадут новый аромат духов любимого им цветочного направления и назовут его именем Павла. Ведь есть же мыло «Дядя Миша» — по имени старейшего рабочего парфюмерной фабрики «Свобода». Пусть и духи будут названы именем главного парфюмера, отдавшего любимому делу почти сорок лет.

Танцует Алисия Алонсо.

ОГРОМНОЕ СПАСИБО,— ГОВОРИТ АЛИСИЯ...

Еще с детских лет Алисию влекло к балету. Она поступила в балетное училище к Николосу Яворскому в Гаване, когда ей было девять лет: уже тогда у нее проявились блестящие способности. Талантливая девушка училась затем в США у таких мастеров балета, как Александра Федорова, Вера Волкова, Анатоль Обухов и Пьер Владимиров.

Блистательному таланту Алисии рукоплескали столицы обеих Америк, Европы, Азии.

В 1948-м Алисия вместе с мужем Фернандо и его братом Альберто Алонсо создает в Гаване труппу «Балет Алисии Алонсо». А через год в некоторых городах Кубы открываются балетные школы Алисии Алонсо. Там Алисия и Фернандо воспитали новые кадры балерин и танцовщиков, из которых и создан Национальный балет Кубы.

Кажется невероятным, что на Кубе, где почти каждый человек сам танцует, классический балет был чужд и непонятен простым людям.

Алисия, Фернандо и другие члены труппы разъезжали по фабрикам, сельским кооперативам и воинским частям. Они читали лекции, беседовали и танцевали.

— Когда я вижу, что теперь мое искусство стало близким и дорогим моему народу, я бываю безмерно счастлива,— говорит Алисия.— Пожалуй, не меньше счастлива, чем на сцене Большого театра. Танцевать здесь я считаю величайшей для себя честью...

Однажды Алисия и другие артисты балета танцевали для пограничников в Гуантанамо. Костюмов для выступления не смогли привезти. В программе были современные кубинские балеты, и пограничники отдали артистам свою форму, ботинки и стальные каски.

— Никогда мы не забудем этого концерта. Мы привезли фотографии на память о нем.

Н. ГЕНИНА

Фото Освальдо Саласа, фотокорреспондента газеты «Революсьон».

Успешно выступает в концертах и дочь Алисии Алонсо — Лаура.

РАССКАЗ

Бухта Полярная

Вадим КОЖЕВНИКОВ

Рисунок П. ПИНКИСЕВИЧА.

Близилась пора полярной ночи.

Утренний рассвет приходил все медленнее. Слабый, серый, в знобящем, сыром тумане.

Над бухтой висят дряблые лиловые тучи, источающие холод, и волны цвета рыбьего мяса с сочным чмоканьем шлепаются о прибрежные бурые валуны.

В расщелинах черно-базальтовых скал лежит грязный, вековечно не тающий снег.

Метрах в двухстах от берега, у дощатого плота-причала, сколоченного в виде буквы М, вместе с причалом на волнах колышется гидросамолет, и стая сизых чаек с тоскующими воплями кружит над крылатой машиной, будто взывая к отлету. Глухо бухает о привальные брусья пристани катер, обвешанный с обоих бортов старыми автомобильными покрышками. Очевидно, это суденышко «видало виды». Корпус изборожден глубокими продольными ржавыми вмятинами, покрыт клепаными заплатами, следами ударов плавучих льдин.

На корме катера, где елозит сварными звеньями якорная цепь, стоят на холодном мокром ветру двое: врач районной больницы Ольга Петровна Лунева и учитель из островного населенного пункта Порт-Долгий Михаил Мокеевич Глухов.

Засунув руки в карманы длинного драпового пальто с высоко поднятыми ватой плечами, учитель брезгливо смотрит на прыгающий в волнах гидросамолет. Под новой пышной пыжиковой шапкой лицо его выглядит особенно костлявым.

Лунева в розовом прозрачном пластиковом плаще, надетом поверх мехового жакета, одну руку держит в кармане пальто учителя, где жадно сжимает своей горячей рукой его холодную, вялую, а другой — свободной — беспрестанно нервно поправляет фетровую шляпку с матерчатыми цветами, от которой она давно отвыкла, но почему-то решила надеть именно сегодня.

Как всегда, лицо ее замкнуто привычно властным выражением, призванным внушать даже самым тяжелым больным твердую надежду на непременное исцеление. Конечно, если больные будут выполнять все наставления доктора.

С пристани на борт катера мягко спрыгнул в рыжих унтах командир гидросамолета. Пройдя на корму, доложил Луневой, которую считал более значительной персоной, чем учителя, о готовности к отлету.

Лунева строго заметила:

— На час уже запаздываете!

— Ольга Петровна! — взмолился летчик.— Я же погоду караулил. Сами же велели не допускать болтанки.

Лунева милостиво кивнула и, обернувшись к рулевому, приказала:

— Давайте!

Катер, трепыхаясь на упругих, словно резиновых волнах, шлепая тупым, во многих местах расщепленным форштевнем, заковылял к плавучему плоту-причалу. Летчик, поняв, что он тут на корме лишний, ушел в будку рулевого.

Лунева снова сунула руку в карман пальто Глухова и сжала там его вялую руку своими горячими пальцами. Лицо ее со строгими, правильными чертами и, очевидно, от этой правильности лишенное мягкой женственности, оставалось по-прежнему холодно-спокойным. И только горестно впавшие, темно-серые, влажно мерцающие глаза под припухшими веками выдавали ее подавленное душевное страдание.

Катер пришвартовался к плоту-причалу. Летчик сошел первым, подтянулся на руках в кабину самолета, спустил лесенку.

Глухов с чемоданом встал на поплавок гидросамолета, жалобно улыбнулся исхудалыми щеками и протянул руку для прощания. Но Ольга Петровна вдруг решительно, почти злобно отбросила его руку и обняла его тощую, длинную шею, забинтованную шелковым кашне, прижалась лицом к пахнущему затхлостью пальто, коротко всхлипнув, замерла.

Потом потерлась лицом, возможно, для того, чтобы вытереть о пальто слезы, отступила, озабоченно похлопала себя по карманам, достала пачку сигарет, закурила.

Глухов сделал движение взять себе сигарету. Лунева отстранилась, произнесла докторским тоном:

— Табак тебе противопоказан,— и, смягчаясь, добавила: — Ты же дал слово,— и протянула руку для прощания.

Глухов робко сжал ее пальцы, медля отпускать, притянул к лицу, зажмурился, вдыхая лекарственный запах этой маленькой жесткой руки с глянцевитой сухой кожей от застарелых ожогов антисептикой.

— Ну, все! — сказала Лунева.

— Все,— подавленно произнес учитель.— Все.— И, волоча за собой чемодан, поднялся по лесенке в кабину.

— Будьте уверены! — сказал летчик и с силой захлопнул дверцу люка.

При этом звуке захлопнувшейся металлической двери Ольга Петровна пошатнулась, будто ее тяжко ударило в грудь упругим толчком воздуха. Она шла по плоту со стиснутыми веками, и если бы рулевой катера, спрыгнув на плот, не подхватил ее, она спокойно шагнула бы с края плота в воду.

Обессиленная, осунувшаяся, она сидела на чугунном кнехте, не замечая ни водяной пыли, ни брызг. Мокрая черная якорная цепь с жалобным лязгом ворочалась у ее ног.

Гидросамолет сделал над катером прощальный низкий круг. Но Ольга Петровна не поднялась с кнехта, не помахала прощально рукой. Она беспрестанно курила, прикуривая одну сигарету от другой, стряхивала пепел в ладонь и тупо смотрела, как столбики пепла растворяются в открытой мокрой ладони.

Рулевой катера, который знал и Луневу и Глухова, сейчас с таким напряженным выражением на лице крутил маленький медный штурвал, словно ему приходится ворочать непосильную тяжесть.

Скалистый берег то поднимался, то опускался, и когда скрывался из вйдения, казалось, нет ничего на свете, кроме серого погасшего неба и бегущей бесчисленной толпы серых грузных волн.

О студентке Ольге Луневой говорили, что она так же неоригинально красива, как Венера, только ростом не вышла, а принципиальность ее столь же твердокаменная, как и материал, из которого сработан ее античный прототип.

С третьего курса, когда началась война, Лунева ушла на фронт медсестрой.

В сорок третьем была тяжело ранена. Трижды мучительно оперировали ее в армейском госпитале, спасли жизнь, но даровать жизнь другому существу она теперь не могла.

В госпитале лежал полковник Гусев. Этот сильный, властный человек, отчаянно храбрый на фронте, после ампутации ног решил, что

погиб для жизни. Пожалуй, только из одного упрямого чувства вернуть ему утраченную веру в жизнь Ольга сблизилась с полковником. Полковник попросил ее стать его женой. Ольга снова поступила в медицинский институт, но все силы тратила на уход за мужем-инвалидом. Полковник стал требователен, капризен. Он привык к тому, что даже на фронте был избавлен от всех бытовых забот.

Еще до войны он бросил жену, от которой у него сын и дочь, почти сверстники Ольги. Но теперь бывшая жена и взрослые дети стали навещать полковника. К Ольге они относились подчеркнуто вежливо.

Полковник овладел протезами и стал снова рослым, видным мужчиной. Бывшая жена навещала его все чаще и чаще, выбирая для этого время, когда Ольга в институте. И вот однажды полковник сказал Луневой, жалобно усмехаясь:

— Ну вот что! Мы с тобой ребята фронтовые, смелые, говорю начистоту. Жинка меня реабилитировала. Семья есть семья. А с тобой давай заключим мирный договор. Живи здесь как ни в чем не бывало, как фронтовой товарищ, которому мы всем обязаны.

— Нет, зачем же,— сказала Ольга,— мне в общежитии будет лучше.

— Зря обижаешься, сержант,— попытался пошутить полковник.— В нашем семейном подразделении тебя очень уважают.— Потом произнес сипло: — Может, ты меня подлым считаешь? Так знай: струсил я. Безногим без настоящей семьи жить струсил. Поняла?..

И единственно, о чем с судорожным негодованием долго горько вспоминала Лунева, так это о том, как она в порыве великодушного милосердия сказала полковнику, что считает себя тоже калекой, потому что после ранения не может иметь ребенка. И это признание Ольги ободрило полковника. И он сказал:

— Ну, значит, мы с тобой пара!

Тогда она простила Гусева, зная о его тоскливой боязни одиночества. Но себя за это сокровенное признание простить не могла.

Когда она лежала, истекая кровью, на снегу, она не боялась смерти, она боялась только одного: если она умрет, то замерзнет до смерти обеспамятевший раненый, которого она тащила на волокуше...

Нет, она не калека, она возвращала жизнь людям на фронте. И как она посмела назвать себя калекой? Вот этого Ольга простить себе не могла.

Сотни три лет назад пространстволюбивые и смелые русские люди пришли в заполярную бухту на парусных карбасах и осели там на каменном берегу, занимаясь летом рыбной ловлей, а зимой — пушным промыслом. В годы Советской власти поставили рыбозавод, порт. Вот сюда, в медпункт, после окончания института и получила назначение Ольга Петровна Лунева. В первые же дни она горько столкнулась с председателем райисполкома — человеком самовластным, тайно скорбящим о благоприятствовавших ему лично временах, канувших в прошлое.

— Вы кто? Из контингента или вольнонаемная? — осведомился председатель, когда Лунева пришла просить транспортные средства, чтобы ехать к роженице.

— А вы? — спросила Ольга Петровна.

Лунева добыла лошадь, запряженную в сани, хотя снега не было. Стояла чистая, сухая, студеная погода. Низкорослые лиственницы пылали ярко-оранжевой хвоей. Но когда Лунева выехала за пределы поселка, подул сильный ветер с океана, посыпался жесткий, как стеклянная пыль, снег. Луневой было приятно, что идет снег: значит, лошади не так тяжело будет тащить сани.

В оленеводческое становище она опоздала. Ребенка принял зоотехник. На обратном пути началась пурга. Даже в меховой кухлянке ей было невыносимо холодно. Лошадь кашляла и спотыкалась. В белых гудящих сумерках ничего не было видно. Лунева бросила вожжи, доверившись коню. И лошадь привезла ее, но не в поселок, а к брошенной зимовке. Лунева растопила печь, переночевала. А когда утром вышла из зимовки, лошадь мертвая висела в оглоблях.

Через несколько дней ее вызвали в райисполком.

Председатель встретил, оживленно потирая руки.

— Так-с,— сказал он,— приветствуем.— Надавил кнопку звонка, приказал секретарше:— Попросите сюда уполномоченного Госбезопасности.— Любезно предложил Луневой: — Водичка вот, в графине.— Пододвинул пачку папирос.— Закуривайте, табачок, знаете ли, успокаивает.

И когда в кабинет вошел белобрысый молодой человек в байковом лыжном костюме и спросил неприязненно: «Ну, чего вам еще?»— председатель многозначительно кивнул на Луневу и почему-то на цыпочках вышел из кабинета.

Уполномоченный дождался, пока председатель закроет за собой дверь, и вдруг, улыбнувшись, сказал Луневой:

— А вы молодец! Здорово его на место поставили, хотя по-настоящему нет ему вообще места.

Лунева вдруг разрыдалась.

— Вы что?— спросил уполномоченный.

— Коня жалко!

— Коня! А надо было сообразить, для чего деревянный гребень на передке привязан. Вычесала бы куржак, который всю конскую шерсть забил, вот и не простудила бы коня. И он бы не помер.

— Чего же теперь со мной будет?

Уполномоченный посоветовал:

— В следующий раз вычесывайте, и все. Только рекомендую на собаках и оленях передвигаться. Лошадь здесь — животное исключительно редкое, можно прямо сказать, экзотическое.

В дверь заглянул председатель.

— Разрешите?

— Нет, не разрешаю!— резко сказал уполномоченный и попросил застенчиво Ольгу Петровну: — Вот, будьте любезны, посоветуйте, курить мне очень желательно бросить...

В райкоме партии Лунева выложила свои требования в такой категорической форме, что на нее обиделись.

— Ты что,— сказал секретарь,— считаешь, средства только на твой медпункт надо бросать? Сразу на десять коек! Да что у нас тут, эпидемия? Здесь народ крепкий в силу здорового климата. И от низких температур никаких бактерий, никакой заразы. Да если командировочные узнают, что у тебя столько коек пустует, от них не отобьешься! Гостиницы у нас нет.

— Ну, а белила?

— Белила только на местный флот, охру можно.

— Во-первых, белый цвет гигиеничный, а во-вторых, желтый действует подавляюще на психику,— возразила Лунева.

— Значит, пускай рыбак давит себе на психику и от этого не выполняет план?

И вдруг секретарь сказал решительно:

— Да ладно, чего там! Все достанем, выбьем. Это я тебя для знакомства испытывал, какой ты человек у нас — постоянный или временный.

Прошли годы. В поселке построили больницу. Лунева обрела уважительную известность. Она давно уже привыкла без каюра ездить в дальние зимовки на оленьих и собачьих упряжках, на катере в штормовую погоду к рыбакам.

Ощущение полноты жизни пришло к ней в ту пору, когда молодость уже миновала. Живя на людях, отдавая себя служению людям, она уже не мучила себя горькой тоской о том, что не может дать жизнь другому существу.

Года три назад на попутной зверобойной шхуне Ольга Петровна впервые побывала на острове, чтобы провести там диспансеризацию населения рыбачьего поселка Порт-Долгий.

Обследование она вела в горнице председателя рыбоколхоза, стены которой увесила медицинскими плакатами.

И вот перед ней стоял полуголый долговязый, усмехающийся человек с патлатой бородой, свидетельствующей о том, что владелец носит ее скорее от пренебрежения к своей внешности, чем от желания походить на матерого рыбака.

Это и был местный учитель Михаил Мокеевич Глухов.

— Ну что ж,— сказала Ольга Петровна, склоняясь над умывальником,— нехорошие у вас шумки, сердце лежачее.

— Это оно у меня просто отдыхает.

Лунева, не поднимая глаз, продолжала:

— Ранение в легких...

— Повезло,— перебил учитель.— Если б фриц взял чуть пониже, капут!

— Ревматизм может вам дать осложнение на сердце.

— Смотреть на вас, доктор,— одно наслаждение, а вот слушать...— И Глухов сокрушенно развел руками.

— Вы семейный?

— Увы, индивидуалист. Но еще окончательно не потерявший надежды.

— Ну-с,— сказала Ольга Петровна и равнодушно-вопросительно посмотрела на Глухова.

— Пора освободить помещение? Понятно. Но вот людей вы осматриваете. А остров?

— Что остров? — спросила Лунева.— Ах, да, конечно, если будет время.

Поздно ночью Лунева закончила прием и вышла. На крыльце на верхней ступени сидел учитель, поставив длинные ноги в бродних на нижнюю ступень.

— Ну,— сказал он, вставая,— пошли остров осматривать.— Напомнил требовательно:— Вы же обещали!

Стояла солнечная полярная ночь. Было мягко и тихо. Светоносное небо и море изливали медленно трепещущее голубое марево. Пахло водорослями и еще вкусно дымом коптильни.

И нежданно Ольга Петровна ощутила счастье, как прикосновение чего-то милого, живого. И это было вовсе не оттого, что долговязый и в чем-то все-таки приятно нелепый человек так восторженно, молитвенно смотрит на нее. Просто она почувствовала счастье, как чувствовала его в детстве, в какие-то забытые сейчас мгновения. И вот оно пришло, это мгновение удивительного в своей беспричинности ощущения счастья. И она легко, казалось самой себе, «воздушно», шла вслед за Глуховым по мшистым камням туда, где остров нависал над заливом угрюмой отвесной стеной. Стеной вечного льда, сплавленного с валунами и галькой.

И, словно осененная каким-то особым прозрением, она увидела красоту этого мира, прекрасного и мощного, как вселенная.

Глухов сорвал цветок касатки — полярной орхидеи — и подал его Луневой. Она поднесла цветок к лицу, зажмурилась и вскрикнула с отчаянием:

— Но он же не пахнет!

— А зачем ему пахнуть? — спросил учитель.— Природа умная. Раз пчел нет в наличии, зачем цветку зря пахнуть? Привлекать тут некого.

— А я?

Но Глухов деликатно сделал вид, будто не понял ее.

— Здесь, в вечной мерзлоте,— сообщил Глухов,— можно обнаружить останки мамонтов. Просто бесценная кладовая для палеонтологов.— Заявил мечтательно: — Музеишко бы закатить! Я уже давно на один амбар целюсь.

Потом они осматривали русло древнего, исчезнувшего ледника—каменную мертвую реку из гигантских, кругло обточенных валунов.

Ольга Петровна захотела перейти эту мертвую каменную реку. И, колеблясь и шатаясь, держась за руку Глухова, шагала по валунам, а Глухов снизу заглядывал ей в лицо блаженными смеющимися глазами.

На самоходной барже, загруженной уловом, Ольга Петровна уехала обратно на материк. Учитель в броднях долго шел по воде и махал ей вслед рукой.

На Севере особенно душевно почитают людей знающих, образованных. И хотя Глухов был человек со странностями, его не только глубоко уважали, но даже гордились его странностями.

С учениками Михаил Мокеевич держал себя не как начальник, а как приятель. На все лето он отправлялся со старшеклассниками на тоню, жил в землянке, ловил рыбу. Зимой кочевал по избам учеников, охотно помогая родителям по хозяйству. А свой дом давно превратил в хранилище всяких этнографических редкостей.

Прежде чем поставить за четверть отметки, обсуждал вместе со всем классом, достоин ученик такой-то оценки или не достоин.

Будучи членом поселкового Совета, прежде чем выступить на заседании, советовался со своими учениками, а потом заявлял:

— Мы считаем...

— А кто это мы?

— Мы — школа,— твердо произносил учитель.

И если его предложение не принимали, он осуществлял его часто сам, с ребятами.

Так, они накосили тралом со дна бухты пять тысяч тонн водорослей и доказали, что это отличные питательные корма. Сложили на вершине острова из валунов остроконечную пирамиду и на каждом камне написали суриком имена тех жителей, какие погибли на фронте в годы войны, списки которых все никак не решался утвердить местный райвоенкомат.

Но вот любопытно: все, кто окончил при Глухове школу, став взрослыми, а некоторые заняв значительные должности, убеждались в том, что Глухов знал их лучше, чем они себя знали, и дал им понятия о жизни бо́льшие, чем могли дать учебники.

Увлекательнее всего Глухов умел рассказывать о жизни великих людей. Он произносил восторженно:

— Вот видите, какими мы можем быть человечищами и что можем сделать людям, если только сильно захотеть!

Но сам Глухов не старался, да, возможно, и не хотел стать заметной фигурой, хотя бы в районном масштабе. Он очень редко выезжал с острова. И если теперь зачастил на материк, то совсем по иным причинам.

Лунева не могла отказать учителю в курсе инъекций витаминных препаратов, хотя и знала, что он не верит в их пользу. Цитируя Гиппократа, учитель произносил:

— Медицина часто утешает, иногда облегчает, редко исцеляет.

И уныло жаловался Ольге Петровне:

— Если я перед вами теперь каждый раз теряю свою гвардейскую гордость, то совершенно по иным мотивам: чтобы внушить вам, что вы мне нравитесь.

— А ну повернитесь! — командовала Ольга Петровна, нацеливаясь шприцем.

Учитель морщился:

— Вы меня ставите в совершенно невозможное положение для того, чтобы я мог высказаться.

Но курс лечения закончился, а Глухов не прекратил путешествий на материк.

Летом с субботы на воскресенье он приплывал на завозне с кормовым мотором. На пустынном берегу с черными оскаленными скалами подолгу стояла Ольга Петровна, с тоской разглядывая каждую волну, выплескивающую на берег тяжелое, мокрое тряпье водорослей. Но когда показывалась трепыхающаяся на волнах лодка, она поспешно уходила.

Причалив, Глухов собирал сухой, легкий, как пробка, плавник, разжигал мохнатый костер, сушил одежду и отправлялся в поселок. Часто бывало и так: он не находил Ольги Петровны. Получив вызов, она выезжала к больному.

Но как радовался, когда Лунева соглашалась, чтобы он сопровождал ее в дальнее становище!

— Вы знаете, — говорил он восторженно,— я уже перековался и верю в медицину! Вы заметили, как я ловко помогал, когда вы вскрывали фурункул на шее старика? Еще немного — и я стану Бурденко.

Однажды с субботы на воскресенье разразился сильный шторм. Волны выбрасывались на берег, как жирные, огромные звери. Ольга Петровна не выдержала, побежала к причалу спасательного катера. Но катера у причала не было. Вахтенный матрос, махнув рукой на море, сказал:

— А уже давно вышли шарить с прожектором.— И деловито посоветовал: — Да вы не тревожьтесь: Михаил Мокеевич — морская душа. Его не утопит.

И когда учитель, мокрый, как утопленник, пришел в райком, где в этот вечер дежурила Лунева, и сказал, улыбаясь: «Здрасте!»,— Ольга Петровна сухо произнесла:

— Вот что, уважаемый Михаил Мокеевич! Вы сами знаете, как педагог должен дорожить своим общественным престижем, и врач, конечно, тоже. А что о нас могут подумать?

— Да поймите, я люблю вас...

— И что из этого следует?

Глухов положил руки на плечи Луневой, приблизил свое горячее лицо к ее холодному. Но Ольга Петровна отстранилась... произнесла растерянно:

— Послушайте, вы забываетесь, здесь же райком партии.

А потом, несколько месяцев спустя, в полярную ночь, в полнолуние, когда силой лунного притяжения гигантская вспученная волна начала гулко ломать ледяную крышу бухты, сокрушая ее, Ольга Петровна пошла по лопающемуся ледяному полю навстречу Глухову. И когда из-за ледяных скал торосов выскочила мокрая собачья упряжка с лежащим на обледеневших нартах учителем, Ольга Петровна бросилась к нему, целовала его страшное лицо будто с ободранной кожей, обожженное стужей и ветром. Но, овладев собой, поспешно объявила:

— Пошла пройтись, и вдруг лед трескается, я испугалась, побежала, а тут вы. Ну я и потеряла голову...

Учитель, отбросив капюшон малицы, смятенно и глупо бормотал:

— А я, знаете вот, побрился. Но без бороды я чувствую себя неловко, будто без штанов.

— Но ради чего вы это сделали? Вам в бороде теплее! — воскликнула Ольга Петровна.

— Ради красоты,— сказал учитель и пожаловался: — Как взглянул потом на голую рожу — ужас! Все равно как тушка линялого гуся.

Они шли к берегу, держась за нарты, по ледяному полю, гудящему, словно горный обвал, и им не приходило в голову, что могут погибнуть. И только упряжные псы выли и визжали от страха, силясь скорее достигнуть спасительной суши. Полная луна изливала океан сильного сияния. Весь поселок утопал в пречистом снежном блеске.

Как-то Ольга Петровна спросила Глухова:

— Скажите, Михаил Мокеевич, вы стали педагогом по призванию к этого рода деятельности или просто потому, что любите детей?

Глухов сказал:

— Если по-честному, пожалуйста. Люблю их, чертей полосатых, и все.

Лунева потупилась, потом сказала вызывающе:

— А я бы не хотела иметь ребенка.

— Ну что вы, Ольга Петровна! — укоризненно сказал учитель.— Зачем про себя такую неправду говорить!

Лунева пожала плечами и осведомилась беспечным тоном:

— Вы охотник, объясните, почему весной гагары выглядят такими жалкими.

— Не все, только самцы. У них супруги пух выщипывают для утепления гнезда.

— Какие жестокие!

— А что, правильно! — одобрительно сказал Глухов.— Птенцы не зябнут.— И шутливо заметил: — Я бы лично не возражал против такой операции.

— Ну еще бы! — сказала Лунева.— Из вас получится образцовый отец.— И долго молчала, стиснув губы так, что они стали совсем бледными.

Осенью в островной поселок Порт-Долгий доставили большой плот для строительства нового школьного здания. Внезапно разразилась снежная буря. Учитель вместе с рыбаками багром откатывал бревна на берег. Большая волна вознесла бревно и торцом ударила учителя в грудь. На парусинке доставили его в материковую больницу.

Поправлялся он медленно и трудно, после двустороннего воспаления легких начался туберкулезный процесс.

И когда он смог подыматься на ноги, Лунева сказала:

— Ну вот, согласно медицинскому заключению, предстоит длительное лечение в условиях благоприятного климата.

Глухов порвал бумажку медицинского заключения и выбросил клочки в форточку больничного окна.

— Это не поможет, Миша,— сказала Лунева.

— Поможет,— сказал Глухов.

На заседании бюро парткома был зачитан проект решения об освобождении учителя М. М. Глухова от занимаемой должности по состоянию здоровья с переводом на новое место работы — в город Нальчик.

Инструктор Васильев, новый человек на Севере, стал возражать, утверждая, что нельзя так легко расставаться с ценными кадрами и лучше сформулировать так: «Предоставить длительный отпуск с обеспечением путевки в санаторий».

В скрипучих словах Луневой: «Я так считаю», «Я это глубоко, всесторонне продумала» — он не увидел ничего иного, кроме врачебной амбициозности. И был обижен и сильно удивлен, когда первый секретарь сказал совершенно не по существу, но остальные члены бюро его как-то по-особенному поняли и одобрили.

— Я так полагаю,— сказал первый секретарь,— в этом вопросе для нас и для товарища Глухова Ольга Петровна—высший авторитет.— Налил из графина воды, выпил полный стакан, произнес задумчиво: — Бывают, конечно, такие случаи, когда человека лучше лечить не лекарствами, а большой радостью.

— Я все и даже это продумала,— тихо сказала Ольга Петровна и, обведя присутствующих грустным взглядом, попросила:

— Поймите же меня, товарищи...

В портовой столовой местные руководители устроили торжественные проводы Михаилу Мокеевичу. Лунева впервые на людях сидела рядом с Глуховым, тесно прижавшись к нему, нежно и скорбно заглядывала в его угрюмое лицо.

И впервые за все эти годы она, не таясь от людей, шла после проводов под руку с Глуховым, ведя его открыто к себе в дом с решительным, гордым и нежным лицом.

А наутро они вместе пошли на пристань, где стоял катер и где метрах в двухстах от берега у плота-причала мотался на волнах крохотный гидросамолет и над ним кружились с воплями чайки.

Никто не пришел на причал проводить учителя, потому что никто не хотел лишать этих двух людей тех последних минут прощания, которые принадлежали только им. И даже в этот день Лунева не отменила приема больных, и лицо ее, как всегда, сохраняло властное, самоуверенное выражение, должное внушать больному твердую веру во все то, что ему говорит доктор.

Над гигантским бурым пространством тундры летел крохотный гидросамолет. Продираясь сквозь сырую облачность, машина потела, а когда набирала высоту, обледеневала и тяжелела. Глухов сидел рядом с пилотом на свободном правом кресле, видел под собой пропасть и на дне ее землю, и бесчисленные озера блестели на ней, как лунные диски...

РАДОСТЬ ВСТРЕЧИ

Ив Чампи и Кейко Кисси осматривают Третьяковскую галерею.

Даже в эти дни, когда в Москве так много иностранных гостей, кинорежиссер — француз Ив Чампи — и его жена — киноактриса, японка Кейко Кисси, приехавшие в Советский Союз на премьеру своего фильма «Кто вы, доктор Зорге?», привлекают всеобщее внимание.

Первая их встреча с советскими зрителями состоялась в кинотеатре «Художественный». Тепло встретили москвичи талантливых кинематографистов, тех, кто, как говорит Ив Чампи, считал своим долгом создать фильм о беспримерном мужестве Рихарда Зорге — советского разведчика, коммуниста.

Наши гости впервые в Советском Союзе. Время их пребывания в нашей стране ограничено ими самими: в связи с поездкой в Москву супруги на некоторое время приостановили съемки своего нового фильма.

Мы убедились на собственном опыте, что режиссера Ива Чампи и Кейко Кисси, исполняющую роль баронессы Сакураи в фильме о Рихарде Зорге, застать днем в гостинице «Советская», где они остановились, совершенно невозможно.

Ив Чампи и его супруга уже на следующий день, после того как состоялась премьера их фильма, поспешили осмотреть Третьяковскую галерею. Здесь мы их наконец и встретили!

Ив Чампи и Кейко Кисси рассматривали картины Иванова, Репина... Кейко Кисси, казалось, забыла обо всем, когда экскурсовод подвел супругов к картине Верещагина «Апофеоз войны». Актриса была потрясена! Она долго не могла отойти от страшного зрелища, опустилась на стул против картины и внимательно слушала объяснение. И не удивительно: тема войны,— вернее, тема борьбы против войны, борьбы за мир — особенно волнует японскую киноактрису... Именно Кейко Кисси предложила мужу создать фильм о Рихарде Зорге, человеке-герое, который помогал советским людям громить фашизм.

Кстати сказать, ведь и новая картина талантливых кинематографистов, «Небо над головой», к съемкам которой они вернутся, как только приедут к себе домой из Москвы, тоже будет антивоенной.

В. ИВАНОВ

Фото И. Тункеля.

ВЫНУЖДЕННАЯ РЕПЛИКА

Недавно в Издательстве политической литературы вышла в свет брошюра В. Томина и С. Грабовского «По следам героев берлинского подполья», подписанная к печати 3 июля 1964 года. В предисловии к ней утверждается, что эта книжка представляет собой «первые страницы истории берлинского подполья», «первый очерк», что она «плод долгих архивных изысканий, поездок, переписки, поисков очевидцев и участников событий».

Все это следует уточнить.

За 6 лет до выхода вышеуказанной книжки, 18 мая 1958 года, в журнале «Огонек» № 21 был напечатан очерк А. Старкова «Товарищи в борьбе». Нетрудно убедиться, что многие факты из этого очерка (история семей немецких антифашистов Крюгер и Зееланд, рассказ о подвигах советских граждан Куницкого, Гусева, Петроченкова, Черняева и другое) использованы в брошюре «По следам героев берлинского подполья». Авторы его, утверждая себя в качестве первооткрывателей, ссылаются в своей книжке на собственный же очерк «Товарищи в борьбе», который был опубликован в газете «Комсомольская правда» 12 сентября 1963 года, «забыв», что пятью годами ранее в другом советском органе печати — журнале «Огонек» — был напечатан очерк другого автора под тем же самым заголовком и на ту же тему — о берлинском подполье.

Да, в чем, в чем, а уж в скромности и добросовестности В. Томина и С. Грабовского упрекнуть нельзя...

ТРИУМВИРАТ КЛИНКОВ

А. САМОЙЛОВ

Фото А. БОЧИНИНА.

Для того, чтобы побеждать на фехтовальной дорожке, недостаточно хорошо изучить длинную историю клинка, надо ещё уметь им пользоваться. А для этого нужны спортивные контакты, встречи с лучшими фехтовальщиками мира.

Перед Великой Отечественной войной советским фехтовальщикам лишь единожды пришлось скрестить оружие с зарубежными коллегами — турецкими фехтовальщиками. Следующая встреча, на этот раз с венграми, произошла лишь в 1951 году, в канун XV Олимпийских игр, и наши мушкетеры, по-прежнему варившиеся в собственном соку, проиграли. А затем и Олимпийские игры подтвердили самые пессимистические прогнозы.

Весь костяк олимпийской сборной почти сразу после возвращения домой из Хельсинки покинул фехтовальную дорожку. Иван Манаенко, Лев Сайчук, Герман Бокун и другие участники XV Олимпиады перешли на тренерскую работу, уступив дорогу молодежи.

И чтобы стал ясен финал этой любопытной коллизии, вспомним, что среди учеников Ивана Манаенко, которые пришли к нему в 1952 году, оказались Яков Рыльский, Валентина Растворова, Александра Забелина — будущие чемпионы мира.

Вот что произошло после неудачи в Хельсинки:

1954 год — победа над сборной Чехословакии.

1955 год — на международных играх в Варшаве рапиристы М. Мидлер и Н. Шитикова завоевали золотые медали. На мировом чемпионате мира наши саблисты заняли третье место.

1956 год — в Лондоне советские спортсмены выиграли командное первенство мира.

1957 год — в Париже чемпионкой мира стала Александра Забелина.

1958 год — на чемпионате мира в США, где впервые учредили «Кубок наций» за командную победу, его первой обладательницей стала советская сборная.

1959 год, Будапешт — «Кубок наций» снова у нас.

1960 год — три золотые медали, две серебряные и две бронзовые — таков олимпийский счет наших фехтовальщиков.

1961 год — «Кубок наций» по-прежнему у нас.

1962 год — второе место на чемпионате мира.

1963 год — «Кубок наций» вернулся к советским фехтовальщикам.

Технические новшества многое изменили в современном фехтовании. Человеческий глаз не может тягаться с беспристрастным электрофиксатором. На концах четырехгранной тонкой рапиры и трехгранной шпаги появились пуандаре — электрические контакты. Как только фехтовальщик наносит противнику точный укол, пружина пуандаре замыкает токовую сеть и моментально вспыхивает глаз фиксатора.

Однако французы и итальянцы дружно восстали против сокращения судейских штатов. Их волнения, впрочем, были вызваны вовсе не тревогой за будущее «безработных» арбитров. Дело в том, что электрифицированная Фемида абсолютно не признавала авторитетов, и многие нечеткие уколы, которые раньше засчитывались судьями в силу гипнотического воздействия громких титулов, теперь оказывались недействительными. К тому же электрооборудование слегка утяжелило клинки, и элегантным французским фехтовальщикам это пришлось не по вкусу.

Пока вокруг судейского новшества велись горячие дискуссии, кое-кто не терял времени даром. Венгры, например, усвоив из уроков истории, что рано или поздно прогресс все равно побеждает, быстро приспособились к утяжеленному оружию.

Нельзя, конечно, считать, что закат франко-итальянской эры в фехтовании вызван только появлением электрооружия. Неизменные победители Олимпийских игр, французы и итальянцы, не могли успешно выступать в крупных турнирах и по другой причине: география фехтования значительно расширилась. Больше стало сильных бойцов, да и вообще увеличилось число участников соревнований. Каждый турнирный день теперь состоит из 30—40 напряженнейших поединков — такой нагрузки и классические д'Артаньяны не выдержали бы.

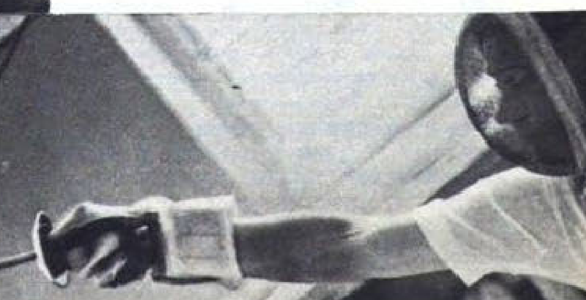
Советские фехтовальщики, которые к этому времени уже прочно вошли в когорту сильнейших, выиграв командный чемпионат мира 1956 года, решили не делать себе скидок и с утяжеленным оружием освоить все классические приемы фехтования. Это был медленный процесс, но зато как блестяще он завершился! Случилось это в последнем поединке рапиристов римского олимпийского турнира. Советский спортсмен Виктор Жданович, одолев своих соперников, обеспечил себе титул чемпиона. Но впереди был последний бой — со знаменитым французом Кристианом д'Орноля. Этот бой ничего уже не решал, однако был самым принципиальным. Атлетическая советская школа держала экзамен по красоте и элегантности перед самым что ни на есть взыскательным на этот счет экзаменатором.

Как известно, Виктор Жданович блеснул в том поединке виртуоз-

◀ Лучший шпажист Бруно Хабаров.

Это рука Валентины Растворовой, чемпионки мира. Она фехтует красиво и элегантно.

Бои фехтовальщиков настолько стремительны, что только электрофиксатор способен надежно регистрировать уколы.

ной классической техникой, какой не могли похвастаться даже рапиристы «доэлектрических» времен.

* * *

...За три недели до начала токийской олимпиады, на берегу Волги, в городе физиков Дубне собрались лучшие фехтовальщики Советского Союза. Их много, больше, чем вакантных мест в сборной команде. Здесь чемпионы и чемпионки мира, здесь же новички, дерзнувшие потеснить «титулованных особ» на августовском первенстве страны.

Советская сборная всегда отличалась ровным составом. Это хорошо знают наши противники. И вовсе не случайно Международная федерация фехтования, в которой большинство голосов принадлежит представителям западных стран, два года назад утвердила новую, весьма сомнительную систему проведения мировых и олимпийских турниров — систему прямого выбывания.

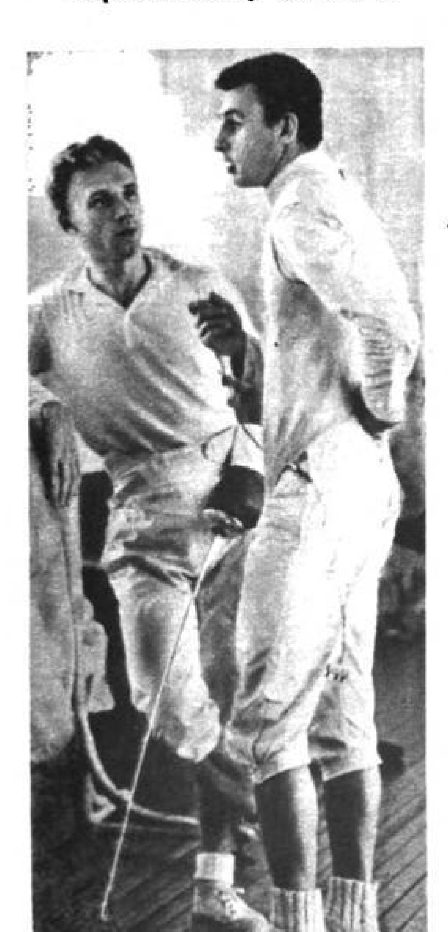
Теперь абсолютно невозможно предугадать победителя личных соревнований: достаточно одного поражения, чтобы фехтовальщик выбыл из дальнейшей борьбы. А от случайностей ведь не гарантирован никто. Достаточно вспомнить, что раньше, при круговой системе, почти не было чемпионов, прошедших весь турнир без единого поражения. Короче говоря, наши противники постарались исключить вероятность того, что советские спортсмены займут все призовые места. Зато эта система очень устраивает страны, фехтовальная слава которых держится лишь на одиночках-виртуозах.

Но так или иначе, а наша сборная, как и с прошлой олимпиады, намерена привезти домой не меньше трех золотых медалей. Рапиристы Виктор Жданович, Герман Свешников, Марк Мидлер, Юрий Шаров, наши спортсменки Валентина Растворова, Валентина Прудскова, Галина Горохова, шпажисты Гурам Костава, Бруно Хабаров, саблисты Яков Рыльский, Умар Мавлиханов и их товарищи вполне способны повторить римский триумф.

Правда, стали сильней и наши противники. Прогрессируют в последнее время поляки, среди которых выделяются Ричард Парульский, Витольд Вольда. На прошлогоднем чемпионате мира мы сумели выиграть у них лишь одно очко. Подтянулись венгры, возглавляемые двумя братьями Камути. А разве можно сбрасывать со счетов родоначальников спортивного фехтования — французов и итальянцев? Ни в коем случае! Славятся рапиристы ФРГ, саблисты Румынии, на шпагах отлично сражаются шведы.

Борьба на фехтовальных дорожках Токио предстоит жаркая!

Два мушкетера—рапиристы Юрий Шаров и Виктор Жданович.

Летящие по ВОЛНАМ

Алексея Алексеевича нигде не было: ни в Объединенном институте ядерных исследований, где он работал, ни на конференции физиков-атомщиков, ни в отеле «Дубна». Дома мне сказали:

— Приходите часиков в одиннадцать, в двенадцать ночи.

— Спасибо. Приду...

А что мне оставалось делать? Кто еще так много, так подробно мог рассказать о дубнинских воднолыжниках, как не их общественный тренер Алексей Алексеевич Тяпкин?

У каждого города есть своя спортивная привязанность. Москва, как известно, серьезно «больна» футболом, Тула — велосипедом, Рига предпочитает баскетбол, Таллин — теннис, Уфа — мотоспорт, Дубна — поклонница водных лыж. И свой выбор она сделала благодаря Тяпкину. Он первый из дубнинцев обзавелся самодельными лыжами, первый прицепил к катеру веревку, первый точно в соответствии с рекомендациями итальянского журнала взял старт и зарылся носом в воду... Так что Тяпкина мне надо было найти непременно.

Было 7.30 вечера. Зрел ливень. Тучи цвета штормового моря погрузили Дубну в преждевременные сумерки. Ветер, по-сентябрьски коварный, дул умеренно до сильного. От нечего делать иду к Волге, к маленькому домику — базе дубнинских воднолыжников. В такую погоду хороший хозяин и собаку на улицу не выгонит, но эти фанатики наверняка катаются в любую стужу — была бы вода под лыжами и катер, способный идти со скоростью 40 километров в час. Они-то и помогут мне найти Алексея Алексеевича.

Издали, да еще в сумерках, фигурку воднолыжника можно и не заметить. Но жемчужный веер брызг высотой метра в три виден издалека. Это кто-то проходит поворот — «кантуется» то есть.

...Профессор Московского университета, заместитель начальника лаборатории ядерных проблем, кандидат физико-математических наук Алексей Алексеевич Тяпкин мокрой ладонью жмет мне руку. Профессор при полном воднолыжном параде — в белых мокрых трусиках.

— Бррр! — говорит Алексей Алексеевич.— В воде куда теплее.

Оказывается, это он «кантовался».

Тот день был удачным для Алексея Алексеевича. Он несколько раз прыгнул с трамплина за двадцать метров. И накануне крупнейших состязаний воднолыжников — матча городов — это было особенно радостно для него, члена сборной команды Дубны. На всесоюзных соревнованиях его воспитанники выступили значительно удачнее, чем он сам. Братья-близнецы — техники Юра и Валерий Нехаевские стали призерами. Команда Дубны заняла второе место. А Алексею Алексеевичу не повезло. Он упал в двух попытках.

Впрочем, точно так же не везло и не везет на трамплине большинству воднолыжников. В шести случаях из десяти они приводняются на спину, на живот, на голову, но не на лыжи. Академик Бруно Максимович Понтекорво — воднолыжник с солидным стажем, но трамплин покорить ему пока не удалось.

Бруно Максимович не пропускает тренировок и о водных лыжах говорит так:

— Прекрасный спорт! После водных лыж я чувствую себя превосходно. Вот только упал с трамплина. Спину немножко потянул. Побаливает.

Он тоже тренируется в любую погоду и к успехам других относится с некоторой завистью.

— Вы Владимира Иосифовича Векслера знаете? — спросил он у меня.

— Да, знаю. (Кроме меня академика Векслера знает весь мир.)

— Так вот он взял старт с первого раза. А я только с третьего.

Ну что ж! Зато в подводном плавании у Бруно Максимовича куда больше достижений. Он был одним из основателей Всесоюзной федерации по этому виду спорта, участвовал во многих соревнованиях, вплоть до всесоюзных.

Встал было на водные лыжи и директор Объединенного института ядерных исследований Дмитрий Иванович Блохинцев. Но он слишком увлечен горными лыжами и свято хранит им верность.

К сожалению, нехватка инвентаря мешает этому замечательному виду спорта развиваться не только в Дубне. Есть проекты сильных моторов. Но ни один завод не хочет их выпускать. Водные лыжи, которые делает Таллинская фабрика спортивного инвентаря, боятся воды, расклеиваются при втором к ней прикосновении и годятся лишь для неторопливого катания. Нет даже хороших веревок для буксировки. Правда, есть энтузиазм, есть надежды, что молодая федерация водных лыж со всеми этими проблемами справится, и довольно скоро.

...Когда мы прощались, Алексей Алексеевич наконец спросил у меня:

— Извините за нескромность. А каким видом спорта вы занимаетесь?

— Велосипедом, теннисом,— ответила я.

Тогда профессор Московского университета улыбнулся и спел:

Бросай ты ракетку. Бросай ты багор,
Иди в нашу секцию — племя богов.
Из древних легенд известно всем нам:
Лишь боги умеют скользить по волнам.

Эту песню написал Юрий Визбор, специальный корреспондент журнала «Кругозор», после того, как покатался на водных лыжах.

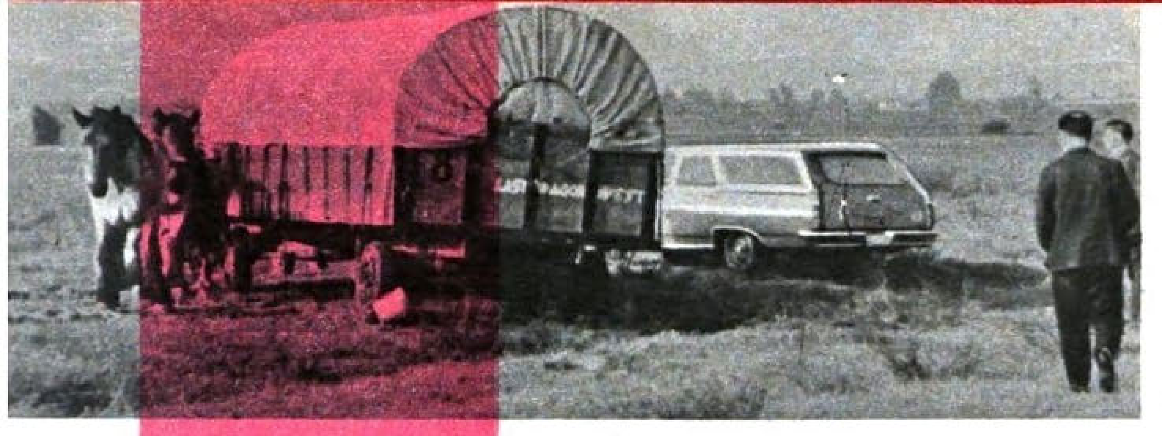
Е. СЕМЕНОВА

Нелегко прыгать на водных лыжах с трамплина.

Фото А. Бочинина.

Семейство Гиллисов прибыло на советскую землю.

Команда дилижанса в полном составе.

Язык жестов — самый понятный в чужой стране.
Фото автора

Последний вагон Запада

В. ПОНОМАРЕВ,
собкор «Огонька»

Стопроцентный американец Леон Гиллис из Ричмонда, штат Вирджиния, к сорока годам имел достойную супругу, шестерых детей и был владельцем небольшого ресторанчика и магазина спортивно-охотничьих принадлежностей. Словом, Леон Гиллис принадлежал к людям того среднего возраста и того среднего достатка, когда обретенный опыт уже не позволяет предпринимать какие-либо крутые, рискованные шаги в деловой и личной жизни.

Однако Леон Гиллис не из тех, что живут, как все. Ровно три года назад он вдруг распродал все свое недвижимое, а с частью движимого пустился с женой и чадами в странствия на необычном для наших времен старосветском пароконном дилижансе. Сначала он проехал вдоль и поперек свои Соединенные Штаты Америки. Потом подался в Европу, побывал в Англии, Франции, Бельгии, Голландии, Люксембурге, Западной Германии, Австрии, ГДР, Чехословакии, Польше, и вот...

И вот, когда в Западном Буге угасали последние краски осенней зари, на мосту, соединяющем нашу землю с польской, послышалось цоканье подков и скрип фургона Гиллисов.

Соблюдение обычных пограничных формальностей много времени не отняло, и вскоре семейство Леона Гиллиса предстало перед любопытными журналистами и просто любопытными.

— Я не сторонник каких-либо политических партий, групп или доктрин,— так начал свой рассказ Леон Гиллис.— Я простой человек и предпринял свое путешествие только для того, чтобы посмотреть мир и показать его своим детям. Вместе с тем я патриот своей земли, хотя и не считаю, что США — это предел мечты. У нас немало таких проблем — вроде миллионов безработных,— которые не делают народ счастливым.

Мы могли бы, конечно, поехать на автомобиле и останавливаться в отелях. Но тогда наши странствия лишились бы оригинальности, которая помогает нам в пути. Живя без комфорта, мы приобретаем более важное — непосредственное общение с людьми. Наш необычный способ путешествия, надеюсь, поможет и после завершения поездки. Мы снимаем фильм, фотографируем, ведем подробные дневники. Вернувшись домой, я намерен всеми возможными средствами — статьи и книги, выставки и лекции, выступления по телевидению, беседы в кругу близких — рассказать американцам обо всем, что мы увидели, пережили, узнали.

И, знаете, лишение многих удобств, которые в наш век считают чуть ли не жизненно необходимыми, пошло нам на пользу. Это только закалило нас.

— Теперь нас осталось шестеро, а выехали мы ввосьмером. Старший сын остался в Америке, чтобы завершить юридическое образование. А старшая дочь застряла в Западной Германии. Там у нее произошла роковая встреча с соотечественником, военным, служащим в ФРГ, и логичное следствие — свадьба. Ничего не поделаешь: жизнь — это жизнь, и любовь — это любовь. Дочки рано или поздно улетают из-под родительского крыла... В Чехословакии нам подарили забавного щенка, а в Польше — котенка,— шутит Леон,— и теперь возле фургона снова десять живых существ.

Естественно, может показаться, что оторванность от школы сказывается на наших детях. Однако все они систематически занимаются, помогая друг другу, и, как мне кажется, своего не упускают. Жизнь — самая лучшая школа. Когда мой старший сын после большого перерыва вновь сел на студенческую скамью, он — самый обыкновенный юноша, такой, как все,— по успехам в ученье оказался впереди своих сверстников. За время путешествия мы посетили множество больших и малых городов, встречались с тысячами интереснейших людей, побывали в ста с лишним музеях. Все это оставляет свой след в уме и сердце, тем более, что все, с чем мы встречаемся, мы воспринимаем несколько острее других туристов. В Париже, скажем, мы прожили 12 дней под Эйфелевой башней...

...Наутро я приехал к месту первой ночевки семейства Гиллисов на советской земле, и моя беседа с Леоном продолжалась на зеленой лужайке под Брестом. На свежем воздухе беседа идет куда свободней, чем в официальных стенах. Что ж, во многом наши взгляды близки, а на многое мы смотрим разными глазами. Оно и понятно: Гиллис — стопроцентный американец, а я советский журналист.

Однако главное не в этом. Главное в том, что, побывав в ГДР, Чехословакии и Польше, Леон, говоря его словами, увидел: в странах социализма «люди живут для людей», культурные ценности здесь доступны всем, простые труженики хорошо одеты, прилично питаются, приветливы, жизнерадостны и оптимистичны.

— Раньше я, как и множество других американцев, плохо представлял, как идет жизнь в социалистических странах,— сказал Леон Гиллис.— В США много автомобилей и холодильников, пожалуй, больше, чем нужно. Но счастье человеческое не в этом...

Тут мы и простились с оригинальным туристом. Через девять дней он намерен быть в Минске, через тридцать три — в Москве. Когда едешь на лошадях — движешься медленно, но много думаешь. И мне почему-то кажется, что когда я снова встречусь с Леоном, то увижу: там, где наши взгляды близки,— прибавится, а где далеки,— убудет.

«Последний вагон Запада» — написано на испещренном автографами дилижансе Гиллисов. Трудно загадывать на будущее: может, и последний. Но то, что первый,— это факт.

По горизонтали:

3. Советский авиаконструктор. 8. Сельскохозяйственная машина. 10. Город в Польше. 12. Оптическое стекло. 14. Русский поэт. 15. Вязаная фуфайка. 16. Музыкальный инструмент. 19. Порт на Енисее. 21. Торжественное шествие, выезд. 22. Специалист, дающий советы. 25. Оборот речи, не переводимый дословно. 27. Созвездие северного полушария неба. 28. Хищное млекопитающее семейства кошачьих. 29. Узкая, длинная лодка. 31. Сигнальный гудок. 32. Сторона прямоугольного треугольника. 34. Благородный металл. 35. Бесцветная горючая жидкость. 36. Действующий вулкан в Европе.

По вертикали:

1. Персонаж оперы А. Г. Рубинштейна «Демон». 2. Басня И. А. Крылова. 4. Небольшая речная рыба. 5. Чертеж местности, здания. 6. Планета. 7. Маленькая птица. 9. Фиговое дерево. 11. Озеро в Целинном крае. 13. Гимнастический снаряд. 17. Футляр для фотографической пленки. 18. Рассказ И. С. Тургенева из «Записок охотника». 20. Штат в США. 21. Искусственное русло. 23. Пушной зверек. 24. Призвук, дополнительный тон. 26. Школьная мебель. 30. Электрод. 31. Электромагнитное излучение. 32. След от колес. 33. Древнеримский историк.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 39

По горизонтали:

5. Батисфера. 8. Балатон. 9. Реактор. 12. Станица. 13. Баямо. 15. Бригада. 18. Миранда. 19. Астатин. 20. Покрасс. 21. Сардина. 23. Теорема. 25. Спираль. 26. Драма. 29. Комитас. 32. Суппорт. 33. Овсянка. 34. Ветеринар.

По вертикали:

1. Пластов. 2. Бартанг. 3. Бионика. 4. Афоризм. 6. Гардина. 7. Мозаика. 10. Навигация. 11. Вариометр. 14. Ящерица. 16. Запад. 17. Шаста. 22. Джамбул. 24. Ремарка. 27. Рентген. 28. Мелодия. 30. Апофеоз. 31. Мустафа.

На первой странице обложки: Школьники молодого сибирского города Назарово идут в школу.
Фото Б. Кузьмина.

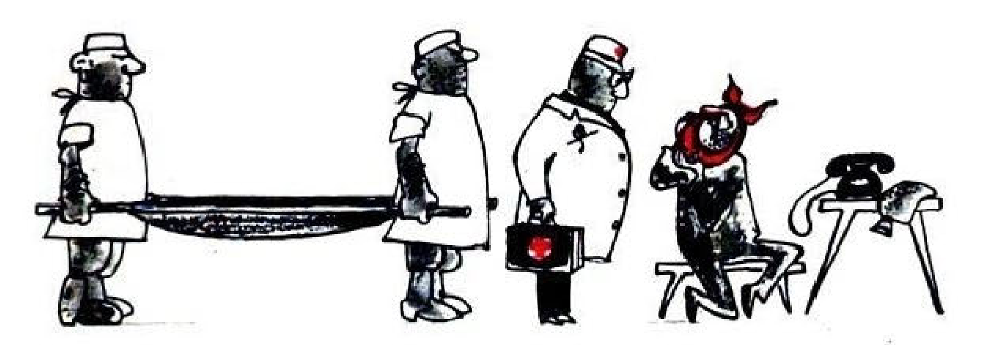
На второй странице обложки: Портреты К. Маркса и Ф. Энгельса работы И. Радомана.

На последней странице обложки: фото Я. Рюмкина.

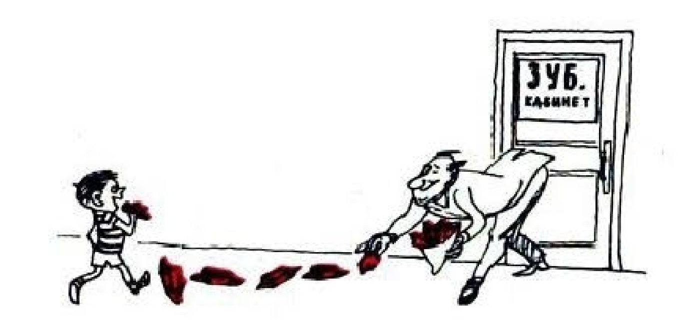

Главный редактор А. В. СОФРОНОВ. Редакционная коллегия: М. Н. АЛЕКСЕЕВ (заместитель главного редактора), Г. А. БОРОВИК, И. В. ДОЛГОПОЛОВ (главный художник), Б. В. ИВАНОВ (заместитель главного редактора), Н. Н. КРУЖКОВ, Л. М. ЛЕРОВ, В. Д. НИКОЛАЕВ (ответственный секретарь), Л. Л. СТЕПАНОВ, Н. П. ТОЛЧЕНОВА.

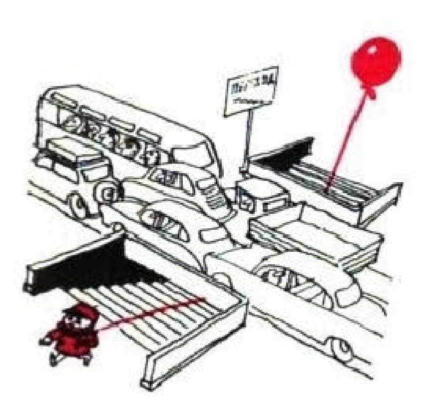
Адрес редакции: Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Рукописи не возвращаются. Оформление И. МИХАЙЛИНА.

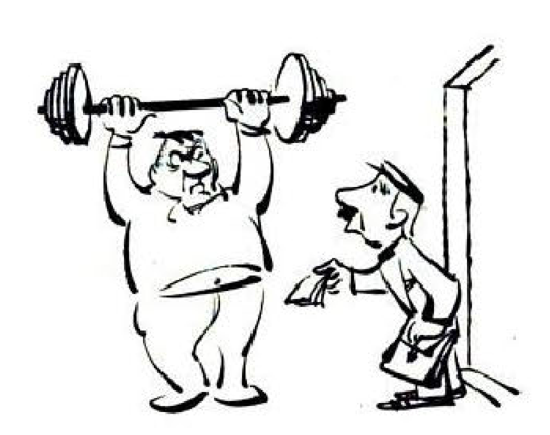
— Вы вызывали «Скорую помощь»!

Без слов.

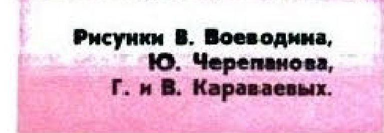
Без слов.

— Пенсия вам.
— Обожди, дядя, видишь, руки заняты.

— Толик, ау! Пришла тетя сделать тебе вливание.

Рисунки В. Воеводина, Ю. Черепанова, Г. и В. Караваевых.

Завтрак юного конструктора.

— Какие буквы ты уже знаешь!
— ГАИ... ОРУД...

— Ваша библиотека подобрана с большим вкусом.

Завскладом: «Я-то сначала перепугался, думал, вахтеры меня догнали».

— Наверняка.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — Д 3-38-61; Отделы: Внутренней жизни — Д 3-39-07; Международный — Д 3-38-63; Искусства — Д 3-38-67; Литературы — Д 3-31-10; Информации — Д 3-32-45; Библиографии — Д 3-38-26; Науки и техники — Д 3-38-08; Юмора — Д 3-32-13; Спорта — Д 3-32-67; Фото — Д 3-39-04; Оформления — Д 3-38-36; Писем — Д 3-36-28; Литературных приложений — Д 3-30-39.

А 00760. Подписано к печати 23/IX 1964 г. Формат бум. 70×108¹/₈. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 1 964 500. Изд. № 1736. Заказ № 2429.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

Цена номера 30 коп.
Индекс 70663